
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Севастополь. Новый кинотеатр «Победа». **Фото С. Фридлянда.**

На первой странице обложки: Маргит Маслаг, участница коллектива художественной самодеятельности села Галгахэвиз (см. в номере фотоочерк «По дорогам Венгрии»).

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Севастополь. Вид на бухты.

№ 14 (1399) 4 АПРЕЛЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В дни каникул

Закончились весенние каникулы школьников. Ребята побывали в музеях, театрах, Домах пионеров, совершали загородные прогулки, экскурсии.

В Москве проходила «Неделя детской книги». В гости к школьникам приезжали известные писатели. Учащиеся встречались с артистами и учеными, спортсменами и новаторами производства.

На снимке: «Неделя детской книги» в Московском городском Доме пионеров. Школьники приобрели новинки детской литературы.

Фото Е. Умнова.

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки П. Пинкисевича.

Погода разгулялась.

Сдвинув синие стекла очков, Кутарев прищурился. Сквозь стеклянный фонарь крыши золотыми прожекторными столбами ослепительно било полдневное весеннее солнце.

Огромное пространство мартеновского цеха было полно света, причудливых бликов и теней. На пятой печи, захлебываясь, звонил колокол. Заводской паровоз, озабоченно погукивая, осаживал к ней состав с изложницами.

Подручный сталевара Павлин Трофимчук с завистью оглянулся.

— Опять Меньшутин плавку выдает! Наловчился...

— Ну-ну, без паники, Павлин! — отозвался Кутарев.

Вдали, в синей дымке пролета, вспыхивает зарево. Похоже, что там выпустили плавку. Она течет, до боли слепя глаза, наполняет изложницы и, проливаясь на влажную землю, стреляет вокруг золотыми, искрящимися звездами.

— Семь часов двадцать минут,— глянув на электрические часы, высчитывает Трофимчук.— А мы попрежнему...

Сняв кепку, Кутарев протер очки о брезентовый рукав куртки.

— Наше от нас не уйдет.

Белое пламя играет на смуглых его скулах. Подпаленные брови шевелятся от жары, как живые.

Трофимчук неспроста старался растравить сталевара. Перед весной, когда тяжело захворал Максим Петрович Стояров, цеховое начальство доверило его печь Феде Кутареву. Окончив десятилетку, тот работал подручным у Меньшутина, перенял многое.

— Звони в лабораторию,— обернувшись, приказывает подручному Кутарев.— Пора пробу глядеть!

Ничто его не берет. Стоит — подобравшийся, крепкий,—видно, вправду передалось что-то от отца к сыну.

Печь, гудевшая во всю мочь, немного стихает. Сталь сварена. Теперь остается только скатить последний шлак да произвести рафинировку.

Играя глазами, лаборантка Шура Дробышева берет у сталевара пробу. Но Кутарев даже не глядит на нее.

— Звонить, Семеныч? — подойдя, спрашивает Трофимчук. Ему явно не терпится.

— Погоди, сейчас из лаборатории анализ принесут.

— У Стоярова в каждом глазу по лаборатории было. Глянет, скажет: «Поспела!» — и все.

Кутарев невозмутимо глядит на огонь.

— Что ж он тебе не оставил? Ты ведь с ним не один день работал.

— Он, видно, Меньшутину передал, — язвит Трофимчук. — Вишь, как варит... не угонишься!

Шура Дробышева приносит анализ. Она явно неравнодушна к сталевару, даже пришла сама вместо того, чтобы прислать рассыльную. Смешливое ее личико с кудряшками на висках и на затылке розовеет, озаренное отблеском пламени.

Взяв листок, Кутарев пробегает его глазами, кивает подручному:

— Давай сигнал, Павлин! Сейчас доводить будем...

— Обратите внимание на сернистость,—замечает лаборантка.— Почти на пределе...

— Знаю, — обрывает Кутарев, оглядывая ее воспалившимися глазами, в которых играют отблески печного пламени и не светится ни искорки того, что хочется разглядеть лаборантке.

Обиженно повернувшись, она бежит к дверям, придерживая руками синий распахивающийся халат. Трофимчук, торжествуя, звонит в колокол.

Выпуск стали всегда чем-то похож на праздник. В цехе становится необыкновенно торжественно, солнечно, рассыпающиеся брызги напоминают салют. Лица сталеваров, разливщиков, всех, кто ни зайдет в это время, кажутся отлитыми из какого-то дорогого, живого металла.

Кутарев хорошо помнит, как мальчишкой пришел в цех, впервые увидел выпуск стали. Отец, темнобородый, сильный, показался ему сказочным великаном. Огнедышащее чудовище, свирепо метавшееся в печи, покорно подчинялось любому его взгляду, раскаленный поток лился, куда приказывали...

С тех пор он полюбил мартеновский цех, а умение варить сталь ставил выше всего на свете. И хотя на заводе было без малого тридцать тысяч рабочих, сталевары всегда казались ему какими-то особенными, не похожими на других людьми.

Кто-то неожиданно хлопнул его по плечу. Опомнившись, Кутарев оглянулся. Меньшутин, дружелюбно усмехаясь, предложил ему папироску.

— Замечтался? Сколько варил? Опять почти девять?

— Даже больше.

— Н-да-а...— посерьезнев, протянул Меньшутин.— Поневоле замечтаешься! Я сам давеча...

Немолодой, болезненный на вид, он был, как всегда, отзывчив к чужой беде.

— Мастер форсировать не разрешает,— обиженно пожаловался Трофимчук.

Меньшутин задорно черканул рукавицей по жидким пепельно-серым усам.

— Не всякая смелость себе разрешения просит! Твой батя, Федор, бывало, так говорил: «Мы, сталевары, самого господа-бога за бороду держим!»

— Помню,— сдержанно кивнул Кутарев.— И я мастером не буду, если за семь часов не сварю!

— Только так, — значительно подтверждает Трофимчук. — А ежели нет, то и к заслонке не подступайся...

— Не мешай,— оборвал его Меньшутин и совсем серьезно признался Кутареву: — Я на твоей печи и за десять часов не сварил бы. Честное пионерское!

Трофимчук удивленно вынул изо рта папироску:

— Чудно-о!

— Все дело в своде.— Обняв Кутарева за плечи, Меньшутин сбавил голос: — У меня теперь хромо-магнезитовый раствор приварен. Добивайся, чтобы во время ремонта тебе тоже такую броню сделали.

Перед сменой Кутареву передали, что его вызывает председатель завкома. Когда он пришел, Мильшин, поднявшись из-за стола, встретил его посреди кабинета.

— Уважили твою просьбу, Федя,— ласково, по-отцовски сказал он.— Поздравляю! Иди, получай ордер да на новоселье зови.

Но Кутарев даже не обрадовался.

— Спасибо. Дождался-таки...

За дверью стучала машинка, слышались голоса. Мильшин устало потер похожую на кленовый лист лысину.

— Две квартиры из брони разбронировали. По сорок метров...

— А кому нашу комнату? — хмуро спросил Кутарев.

— Не бойся: пустовать не будет.— Вернувшись к заваленному бумагами столу, Мильшин сказал: — Иди в жилотдел. К Вахрушеву прямо.

Кутарев помедлил.

— Нельзя ее подручному моему? Кадровый сталевар, скоро сам печь поведет.

— Трофимчуку? — спросил Мильшин. — Тому, что в Чернушках живет?

— Ему самому. Каждый день шесть километров туда-обратно. Надо же пожалеть человека!

— Пожалеем, пожалеем,— пообещал Мильшин.— Держу на примете. Хотя, знаешь, скольких еще жалеть надо?

Перед вечером Кутарев с матерью и сестренкой отправились смотреть новую квартиру. Дом, в который им предстояло переезжать, был заселен совсем недавно, и дорогой они гадали: где, на каком этаже доставшаяся им квартира?

Кутарев шел немного впереди — сдержанный, молчаливый, глубоко засунув руки в карманы бобрикового теплого пиджака. Придерживая темную праздничную шаль, Анна Степановна едва поспевала за ним. Она была также сдержанна и заметно гордилась сыном.

— Ох, забота! Мебелишка-то наша барачная — беда одна.

— Купим,— мечтала вслух Настуся,— кровать, диван, шкаф с зеркалом настоящим... Верно, Федя?

— Купишь ты, трещотка,— озабоченно останавливала ее Анна Степановна.—Деньги-то где? Один ведь у нас добытчик.

На сберегательной книжке у нее лежало девятьсот рублей. В получку к ним прибавится еще рублей сто — полтораста. Гарнитуров, конечно, на эти деньги не купишь, но самое необходимое приобрести можно.

«Кровать Феденьке, — прикиды-

вает расчетливо она.— Стол обеденный, комод бы какой ни на есть, стульев полдюжинки. Занавески на окна — тюлевые, по двенадцать рублей метр. Разве на все хватит?..»

— Федя, а ты в долг возьми,— подсказывает Настуся, весело блестя серыми выразительными глазами, удивительно похожими на глаза матери и брата. — На рассрочку. Мы же теперь но-во-селы!

— У кого? — одергивает ее Анна Степановна.— Кто это такой богатей — деньги тебе одалживать?

Комендантша, взяв ордер и выбрав из связки ключ, повела Кутаревых в подъезд.

— Восьмая, восьмая... Долго она у нас хозяев ждала! На самом верху будет.

Настуся, не утерпев, козой взлетела на четвертый этаж, крикнула с площадки:

— Вот она! И номер на дверях. Идите скоре-ей!..

Сдерживая желание обогнать взбиравшихся женщин, Кутарев поднимался по лестнице. Нетерпение сестры передалось и ему, но он крепился изо всех сил, чтобы не выдать себя.

А комендантша, останавливаясь и отдыхая на каждой площадке, рассказывала:

— Инженерам каким-то берегли. Из Москвы должны были приехать.

— Мой хоть и не инженер,— вторила ей Анна Степановна,— а любого ученого стоит. У нас дед, отец и сын — сталевары, мастера потомственные!

Не сразу поддавшись, замок щелкнул, певучий звук отдался в гулкой пустоте квартиры, и что-то радостно отозвалось ему в самом сердце Кутарева. По праву хозяина он вошел первым, но в темной прихожей Настуся обогнала его и, распахнув дверь в комнаты, удивленно и радостно воскликнула:

— Ау-у!

Заходящее солнце щедро сыпало в окна длинные багряные стрелы. В комнатах, в прихожей стояло густое вишневое пламя, как в печи вскоре после завалки.

— Живите на здоровье! — радушно пожелала комендантша, показав Анне Степановне комнаты, кухню с плитой, ванную, шкафчики для вещей.— Квартира богатая... На солнечной стороне,— и по-хозяйски закрыла сочившийся тонкой водяной ниточкой кран.

— А полы уже рассохли-ись,— огорченно заметила Настуся, скрипнув покоробившейся половицей.— И на стенах какие-то разводы грязные... Посмотри, Федя!

Кутарев попытался распахнуть окно, проветрить комнаты. Шпингалет остался у него в руках, а окно так и не открылось. Белая масляная краска на подоконниках застыла лопнувшими волдырями.

Тревожась, они несколько раз обошли всю квартиру, открывая и закрывая двери, краны и даже выключатели. Двери перекосило. Топка в плите оказалась забитой до отказа обломками штукатурки, сором, стекольным боем.

— Что же это такое? — не то спрашивала, не то осуждала комендантшу Анна Степановна, как будто та была виновата во всем.— Тут еще сколько доделок требуется!

— Известно, два месяца без хозяина,— хмуро оправдывалась комендантша.— Не то что шпингалеты — пол провалиться может. Строители приемочную комиссию измором берут. Не знаю: акт подписали, нет ли?

Кутарев, покраснев, нахмурился:

— В такую квартиру въезжать нельзя!

— Куда ж тут въезжать! — поддержала его Анна Степановна.— Полы рассохлись, двери не закрываются!

Настуся осуждающе фыркнула:

— Дворец без пяти минут!

Комендантша растерянно позвенела ключами. Одутловатое ее лицо стало, как из самоварной меди.

— Въезжайте вы, не капризничайте! Живут же другие. Самосилом с недоделками борются...

— А мы не будем,— еще решительнее повторил Кутарев.— Пойдем, мать! Завтра я сам со строителями поговорю.

По дороге домой Анна Степановна призналась:

— Квартирка-то вообще ничего, Феденька. Жить можно, ежели не обращать внимания.

— Ничего! — передразнил ее Кутарев.— Тебе что ни дай — хорошо!

Анна Степановна не без тревоги остановилась.

— А может, зря мы все?

— Что зря?

— Вселят еще кого-нибудь... вместо нас.

— Пускай только попробуют!

Настуся против обыкновения помалкивала, любуясь решительностью брата. Но если б ей дали ключи от квартиры, она без проволочки перетащила бы в облюбованный угол свои пожитки, книжки, тетрадки, а после этого стала шуметь и требовать все, что следует.

Вечером Кутарев сидел возле кровати за маленьким столиком, заваленным книгами, обрывками проводов, радиодеталями, и, приладившись поудобнее, что-то переписывал из тетради в тетрадь. Покрасневшие веки наползали на глаза, коротко подстриженные волосы открывали по-юношески худой затылок — такой милый, трогательный, что Настуся, отодвинув учебники, с живостью подошла к брату.

— Ложись спать, Федя. Смотри: глаза совсем красные.

— Не мешай,— сдержанно ответил Кутарев и отвернулся.

— Что это ты переписываешь? Покажи-ка!

Она выхватила из-под его локтя общую тетрадь, прочла:

— «Внутренние болезни. Пищевод и желудочно-кишечный тракт». Что это?..

— Отдай, любопытница! — Кутарев рывком отобрал у нее тетрадь и стал торопливо одеваться.

— Час от часу не легче,— встревожилась, входя в комнату, Анна Степановна.— Чего вы не поделили?

— Секрет, секрет! — Настуся оживленно и радостно запрыгала. — Спроси-ка у него, мама!

— Какой еще секрет? Ты куда, Феденька? Надолго?

— Скоро приду,— хмуро отозвался Кутарев и выскочил за дверь.

Анна Степановна, недоумевая, обернулась к дочери.

— Ты хоть его не донимай,— сердито предупредила она.— У печи устает, а тут еще морока эта квартирная. Какой тебе секрет померещился?

— Пищевод и желудочно-кишечный тракт,— округлив для значительности глаза, призналась, едва сдерживая смех, Настуся.— Он в доктора из сталеваров подался, мама!

А Кутарев шел по улице, отворачиваясь от неистового весеннего ветра, несшего навстречу дождь пополам со снежной крупой. Каждый вечер, когда не работал в ночной смене, он встречал возвращавшуюся с занятий Надю Борушко и провожал ее до дому.

Надя была дочерью заводского бухгалтера. Отец ее пропал без вести во время эвакуации, мать умерла на Урале. Училась Надя в медицинском институте на третьем курсе. Она охотно позволяла Кутареву встречать и провожать себя после занятий, заставляла его переписывать конспекты, болтала с ним о всяких пустяках и, кажется, побаивалась тяжелого его характера и того, во имя чего он встречал ее, переписывал лекции и провожал до дому.

Дойдя до поворота, Кутарев остановился. Высокий телеграфный столб, опутанный паутиной проводов, зовуще и тревожно гудел во тьме на ветру.

— Гуди, не гуди,— хлопнув по столбу ладонью, проговорил он,— а дело к весне идет!

Надя возникла перед ним, как из-под земли. На ней старенькая жакетка с потертым беличьим воротником; на голове вязаный берет.

— Давно ждешь? — виновато спрашивает она, протягивая Кутареву озябшие пальцы.— А мы сегодня с девчонками после занятий в кино удрали!

Кутарев уязвлен в самое сердце. Два дня тому назад он приглашал Надю в кино, но та отказалась, сославшись на то, что болеет тетка.

— Не очень,— сердито отзывается он.— Я уж думал, ты на автобусе сегодня...

— Есть у студентов деньги на автобусы! — смеется Надя.— А ты так и не видел эту картину?

Кутарев невесело признается:

— Не люблю я один в кино ходить...

На мостовой жидкая весенняя грязь. Они идут посредине, стараясь не попасть в выбоины, не забрызгаться.

— Скоро я перееду отсюда,— мрачнея, сообщает Кутарев, пытаясь разглядеть, как встретит эту новость Надя.

Но та, прижимая книжки к груди, только отворачивается от ветра.

— Куда это?

— В новый дом на Декабристской. Сегодня квартиру ходили получать.

— Поздравляю, — равнодушно говорит Надя и привычным движением засовывает под берет выбившуюся мокрую прядку.

У калитки она спохватывается:

— Ты переписал мне «Внутренние»?

— Немного не успел,— Кутарев достает из-за отворота пиджака тетрадь.— На энтероколитах застрял...

— Придется самой доканчивать,— разочарованно вздыхает Надя.— Завтра надо вернуть конспект подруге.

Кутарев хочет напомнить, что

Ожидание

Николай ГРИБАЧЕВ

На взбухающих реках ломается лед,
На протоке ольха зацвела.
Где-то к вечеру голос баян подает
На прогретом пригорке села,

Словно птица, что птицу другую зовет —
Для того ей и песня дана,—
Потому, что одна ни гнезда не совьет,
Ни птенца не согреет одна.

И вздыхает девчонка семнадцати лет,
Поправляя платок на груди.
Ни любви, ни тоски — ничего еще нет,
Но весна приказала ей: жди,

Положила на сердце огонь-уголек,
Засветила глаза синевой.
Приходи поскорей, если ты недалек,
Обними этот пламень живой.

Самым ласковым словом ее назови,
Обнадежь, как домой поведешь.
Может, чище уже и не встретишь любви
И ясней этих глаз не найдешь.

Только раз нам судьба этот выбор дает,
От повторного толку не жди.
Приходи. Слышишь — девичье сердце зовет:
— Приходи, приходи... Приходи!

не стоило в таком случае тратить время на кино, но вместо этого совершенно неожиданно говорит ломким, заметно крепнущим баском:

— А знаешь... Я, кажется, скоро женюсь!

Он не знает, зачем сказал это, и стоит, испытующе глядя на девушку.

— Женишься? — Надя удивленно вскидывает длинные, пушистые брови, унизанные капельками влаги. Какая-то тревога мелькает во всем ее облике, чем-то необъяснимо милом и близком.— На ком же? — быстро спрашивает она.— Неужели на Шуре Дробышевой?

Молния счастья пронизывает Кутареву сердце. Он с силой привлекает Надю к себе, обнимает и целует ее пахнущие пресной свежестью весеннего дождя губы.

— На тебе... На тебе я женюсь, — уверяет он девушку. — И не кажется, а на самом деле!

— Ты с ума сошел,— отбиваясь, шепчет Надя и закрывает глаза.— Мне еще институт кончать... Федя!

Во дворе раздается надрывный, простуженный кашель. Надя вырывается, торопливо кивает Кутареву и, счастливо блестя глазами, исчезает за калиткой.

— До завтра!..

На другой день во время обеденного перерыва Мильшин окликнул его возле столовой:

— Кутарев! Подожди-ка...

Кутарев хотел было пожаловаться председателю завкома на недоделки в квартире, но тот, подойдя, заговорил об этом сам.

— Что там у тебя с комендантшей вышло? Когда переезжаешь?

— Ничего. Не поеду я в эту квартиру!

— Да ты что? — удивился Мильшин.— Значит, верно мне из жилотдела звонили...

— Не знаю, о чем они звонили,— помрачнел Кутарев.— А я в нее такую не поеду.

Возле них стали останавливаться выходящие из столовой рабочие. Мильшин отвел сталевара в сторонку.

— В чем дело? Расскажи толком.

Видно, ему хотелось уладить все по-хорошему, и он даже обещал это кому-то, а тут — такое упорство. Кутарев не понимал и совершенно не хотел понимать ничего.

— Не въеду, пока не приведут в порядок,— угрюмо твердит он.— У меня тоже самолюбие... Сталеварское!

Мильшин достал платок, утерся.

— Фу ты! Приспособься до осени,— просит он.— Живут же остальные все, не ты один такой! — И, принимая молчание Кутарева за согласие, признается: — Не хочу я с Вахрушевым ссориться, понимаешь? Мы с тобой подставим ему ножку этот раз, он заводу трижды отплатит в другой...

Кутарев прикусил пухлую помальчишески губу.

— Понимаю!

— Ну, то-то,— Мильшин облегченно перевел дыхание.— Въезжай, не уродуй! А насчет подручного могу обрадовать: пускай твою комнату занимает, договорился с хозяйственниками. Будут меня рабочие ругать, что к сталеварам неравнодушен, ну да шут с вами: сам когда-то на разливке стоял!

Он ушел, а Кутарев остался. Обедать почему-то расхотелось. На душе было нелегко, а главное, непонятно, что делать дальше.

После смены опять потянуло в новую квартиру. Увидав его, комендантша выжидающе поиграла ключами.

— Одумался? Зря я и начальство беспокоила? Сосед твой вон уже въезжать начинает, а ты чего вздумал?

Отдав ключи, она даже не пошла в подъезд, показав, что занята куда более важными делами. Чувствуя себя не то чем-то виноватым, не то обиженным, Кутарев поднялся по лестнице.

На площадке возле соседской двери стояла детская коляска с проломившейся плетенкой, а рядом с ней трехколесный велосипед. Под редколистым фикусом мяукала серая кошка.

За неприкрытой дверью слышались голоса. Пока Кутарев открывал квартиру, на площадке показался Меньшутин и, увидав его, шумно обрадовался.

— Федо-ор! Так это ты у меня в соседях? Здорово-о!

— Как видишь, — Кутарев поздоровался, оглядывая его возбужденное, в сизых прожилках лицо.

— Умеют же завкомщики наши изо всего тайны устраивать! Когда переезжаешь?

— Шут его знает! Когда строители пустят... а ты?

Меньшутин неопределенно вздохнул:

— Я было начал перетаскиваться, да тоже...

Квартира его выходила на противоположную сторону и показалась Кутареву темноватой. Солнце заглядывало в окна, наверно, только рано утром, да и то ненадолго. Недоделки оказались почти те же самые: так же коробились полы, рассохлись и перекосились рамы, двери, на кухне дымила плита.

Жена Меньшутина, рыженькая, тщедушная, с робкими, бесцветными глазами, сварливо пожаловалась:

— Распределяли, не подумали: кому что. У кого ребята мал мала меньше, а кто холостой...

— У меня, может, тоже скоро будут,— нашелся Кутарев и пожалел, что ввязался в разговор.— Разве моя вина, что так дом поставлен?

Меньшутин примиряюще сказал:

— Наталья, оставь! Не соседское это дело — дрязги с первого дня заводить.

— Да разве я его виню? — не унималась та.— Попадись мне строители да распределители эти, я бы им прописала!

Выйдя на площадку, они встретили троих поднимавшихся в сопровождении комендантши мужчин. У одного из них — заведующего городским жилищным отделом Вахрушева — Кутарев и Меньшутин получали недавно ордера; двое других были им незнакомы.

«Комиссия какая-то,— подумал Кутарев.— Видно, Мильшин вытребовал все-таки...»

— А, новоселы! — окликнул, увидав их, Вахрушев. Он был в синем, с искрой пальто, в такой же шляпе и держался совсем запросто.— Ну, как? Переехали уже?

— Куда ж тут переезжать, товарищи начальники? — зачастила Наталья, краснея и разгораясь, как костер на ветру.— Вы только поглядите, что тут!

Завладев всеобщим вниманием, она распахнула дверь, приглашая пришедших к себе. В дверях Вахрушев сказал вполголоса сталевару:

— Придержи жену, Меньшутин. Сорвет она нам всю работу.

— Сами попробуйте,— сдержанно отговорился тот.

Кутарев думал, что пришедшие с Вахрушевым — строители, но скоро понял: это не так. Один из них, седоватый, в заношенном кожаном реглане и нечищенных сапогах, действительно был инженером-прорабом, строившим этот дом. С первых же слов он, оправдываясь, стал объяснять недоделки то тем, что во время строительства не хватало многих материалов, то сырым лесом, пошедшим на полы, то неудовлетворительным качеством столярных поделок, поступавших со строительного комбината.

— Выходит, вашей вины тут и нет? — требовательно спросил, выслушав его объяснения, молчаливый и не сразу обращавший на себя внимание секретарь горкома Леденев; он был в простеньком грубошерстном пальтеце, с отвисшими карманами и такой же кепке, а галоши оставил у порога.

— Строить — не рой роить,— блеснул золотыми коронками во рту прораб.— Мы докладывали Стройтресту об этих бедах, Алексей Дмитриевич. И городскому исполкому докладывали...

— Вы шутите, товарищ хороший, — остановившись посреди комнаты и глядя загоревшимися глазами на прораба, сказала Наталья.— А нам, жильцам, за них теперь расплачиваться!

— Наталья, погоди,— попытался остановить жену Меньшутин.— Дай им самим разобраться.

— Нет, нет, пожалуйста,— перебил его Леденев.— Ваша жена, несомненно, права.

— Конечно, не все и с нашей стороны,— на всякий случай поспешил признать прораб.— Дом еще не совсем принят комиссией...

— Не принят, а уже заселен? — снова перебил Леденев, оборачиваясь к Вахрушеву и сердито вскидывая темные кустистые брови.

— Скоро два месяца будет,— вставила молчавшая дотоле комендантша.— От жалобщиков отбою нет: то одно, то другое.

Вахрушев невозмутимо поскрипел покоробившейся половицей.

— Ну, жалобщики и через год не переведутся. Их должность такая!

— А у вас какие претензии? — спросил у Кутарева Леденев.— Пойдемте-ка заглянем...

— Да то же самое,— немного смутившись, ответил тот.— Двери, окна. Полы еще...

Они перешли площадку и очутились в квартире Кутарева. Как и вчера, в комнатах стояло вишневое пламя закатного солнца, от которого невольно жмурились глаза.

Леденев остановился на пороге. Моложавое его лицо с живыми, выразительными чертами подобрело.

— Это вы отказались въезжать, пока не будут устранены недоделки? — поинтересовался он, пропуская Кутарева вперед.

— Я, — подтвердил тот, не зная еще, что из этого выйдет, и смутно опасаясь чего-то.

— Правильно сделали. По-хозяйски,— Леденев весело протянул ему теплую, сильную руку и одобрительно кивнул.

Пока они осматривали квартиру, прораб, вздыхая, достал памятную книжку в захватанном матерчатом переплете и, шевеля толстыми губами, стал что-то высчитывать. Иногда он поднимал глаза, окидывал озабоченным взглядом стены, пол, двери и снова принимался писать, считая и зачеркивая.

Леденев подозвал Вахрушева.

— Придется все это вынести на заседание исполкома, — строго сказал он.— Приготовьте реестр того, что следует доделать. Да не только здесь, а по всему дому!

Вахрушев невесело согласился:

— Постараемся добиться от строителей...

— Разрешите, Алексей Дмитрич,— заискивающе обратился к Леденеву прораб, когда тот вернулся из кухни.— Я прикинул все доделки. За три дня приведем в порядок.

— Товарищ комендант,— еще строже спросил Леденев, едва сдерживаясь,— от кого у вас жалобы?

— Из семнадцатой, товарищ секретарь,— обрадовавшись, начала перечислять комендантша.— Из четвертой в этом подъезде, из двадцать второй...

— Слышали? — обернулся к прорабу Леденев.— А вы собираетесь отделаться только этими квартирами.

Вахрушев опасливо отошел в сторонку. Прораб поспешил согласиться:

— Обязательно доделаем, Алексей Дмитрич! В первую очередь здесь, а потом уж во всех остальных. Понимаю!

Выйдя на площадку, Леденев поблагодарил сталеваров:

— Спасибо! Помогли нам. Обязательно приходите в исполком на обсуждение, — пригласил он.— В следующий понедельник!

— Придем, а как же! — пообещала, не скрывая удовлетворения, Наталья. Она давно уже хотела обратиться к секретарю горкома с чем-то еще и не решалась, а тут не выдержала: — Можно мне еще об одном с вами потолковать? Только уж и не знаю, как...

Остановившись, Леденев надел кепку.

— Говорите.

— Саша, что ж ты? — окликнула мужа Наталья.— Может, я и не так что, товарищ секретарь, так вы уж извиняйте: детишки у нас.

— Обождите меня внизу,— попросил Леденев прораба и Вахрушева, видя, что она стесняется.— Я сейчас...

— Детишки у нас,— пересиливая комок, подступивший к горлу, повторила Наталья.— Мал мала меньше. А квартира — сами видали.

Глаза ее нестерпимо заблестели. Меньшутин, потупившись, стоял рядом.

— Пускай сосед не обижается, но я напрямки скажу,— покосилась она на Кутарева.— Ежели бы с умом распределять, то его квартиру надо нам, а нашу ему.

На лицо Леденева набежала тень. Кутареву показалось: сейчас он как прорабу так же властно прикажет ему уступить свою квартиру Меньшутину,— и стало так жалко светлых ее окон и залитых солнцем комнат, что даже пере-

хватило дыхание. Но Леденев вдруг поднял руки ладонями кверху, будто защищаясь от чего-то, и признался:

— Вот этого уж я не могу приказать.

— Не приказать, а по-человечески,— тихо подсказала Наталья.— Та сторона солнечная, а наша на север. Надо же было сообразить.

— По-человечески, конечно,— согласился Леденев, мельком испытующе глянув на Кутарева.— Но документы уже оформлены, ничего не поделаешь.

Кутарев стоял возле своей двери, держа ключи в руках. Они слегка позванивали друг о дружку, выдавая его волнение. Меньшутин и его жена казались ему сейчас просто непереносимыми.

Леденев словно ожидал, что он скажет. Потемневшие его глаза нерешительно щурились.

— Будь бы это со мной,— сказал он Наталье,— я бы, ни слова не говоря, уступил ее вашим детям. По велению сердца.

— Ну и уступайте,— не сдержавшись, звякнул ключами Кутарев.— А я не хочу! — И, заперев дверь, не попрощавшись, ринулся вниз по лестнице, стуча подковками сапог.

— Товарищ Кутарев! — окликнул его Леденев.— Подождите минутку...

Но тот не остановился.

— Ключи, ключи не уноси, — сказала комендантша, когда Кутарев проскочил мимо нее в подъезде.— Слышишь?

— Не дам,— сердито отозвался он и, хлопнув дверью, скрылся.

— Вот чудак! — засмеялась комендантша.— То въезжать не хотел, а то и ключей не дает. Скорей скорого поумнел!

Поздно вечером Кутарев, как всегда, встречал Надю Борушко. Телеграфный столб на углу улицы гудел сердито и словно бы осуждающе, будто он уже знал о том, что случилось, и спешил рассказать всему свету.

Кутареву было не по себе. Он жалел, что не занял квартиру сразу, что из наступающего, уверенного в своей правоте человека неожиданно попал в положение обороняющегося и даже словно бы виноватого.

Надя не появлялась. Должно быть, она задержалась в читальне или где-нибудь на практических занятиях, а может, даже осталась дежурить в клинике или опять ушла в кино. Редкие прохожие замедляли шаги в качающемся кругу под фонарем, опасливо и удивленно оглядываясь на Кутарева.

«Пропущу троих и пойду,— решил он.— Поздно уже. Видно, дежурить осталась...»

Но прошло десять, пятнадцать минут, он пропустил троих и еще троих прохожих, а Нади все не было. С завода и на завод сновали грузовики; тяжело разбрызгивая грязь, в город прошел, несмотря на позднее время, переполненный до отказа автобус.

Взвизгнув тормозами, возле фонаря остановилась машина.

— Кутарев! Вот ты где!..

Мильшин распахнул дверцу, подошел к нему.

— В городе был?

— В городе,— соврал Кутарев, боясь, как бы председатель завкома не догадался, что он стоял тут, под фонарем, и ждал Надю.

— Ты чего это опять начудил? Секретаря горкома обидел...

Голос Мильшина звучал осуждающе, но глаза поблескивали смешливо. Кутарев озадаченно передвинул шапку на затылок.

— Обидишь его, как же! Он сам любого такого обидит!

— Ершистый ты парень! — рассмеялся Мильшин.— Весь в батьку. Тот тоже на самолюбивых дрожжах замешен был! — Потом он взял Кутарева за плечи, повернул к свету и тихо сказал: — А солнечную сторону надо бы уступить Меньшутину, Федя. Не к лицу тебе мелким эгоистом быть. Перед людьми, перед малыми его ребятишками.

— Не буду я уступать! — обидчиво взъерошился Кутарев; он и сам не понимал, почему вдруг из него поперло такое, но сладить с собою не мог.— Леденев сказал: если не хочу, заставить никто не может.

— Совесть может! — Мильшин, почти не замечая, что делает, заботливо застегнул крючок на распахнутом его пиджаке. — Заезжал я сейчас к твоей Анне Степановне, толковал с нею. «Не таким, — говорит,— мы с отцом Федюшу своего воспитывали, чтобы к чужой беде глухим был».

— Что она понимает? У меня, может, тоже скоро дети будут!

Мильшин попытался объяснить ему создавшееся положение:

— Да ты пойми: ошибка вышла! Вахрушев, черт его, чиновника, побери, не вник как следует, когда ордера оформлял, напутал. Тебе седьмую квартиру надо было дать, а Меньшутину восьмую!

— Не знаю,— отчужденно отстранился Кутарев.— Что дали, то я получил. И не приставайте больше!

Мильшин возмутился:

— Ну, твои дети еще когда будут, а у Меньшутина трое уже. В подвале родились...

— А я в бараке! — крикнул, рванув крючок, Кутарев.— Мы с Настуськой тоже не на курортах росли!

Прохожие оглядывались на них, не понимая, что происходит и почему рядом стоит забрызганная грязью машина. Фонарь раскачивался на ветру. Широкое мутное пятно света, дробясь желтыми осколками, плясало по лужам, по булыжникам мостовой.

— Иди и подумай хорошенько,— сказал Мильшин. Он словно еще не верил, что Кутарев не уступит.— Неужели это мы все тебя такого вырастили?

Хлопнула дверца. Машина, фыркнув, рванулась в темноту.

Кутарев даже не оглянулся на нее. Так еще с ним ни разу не разговаривали!

«Эгоист... эгоист! — передразнивая Мильшина, повторял он.— Можно всякие слова придумать, а не захочу, никто заставить не может. Леденев сам сказал...»

Освещенная редкими огоньками из окон, улица казалась бесконечной. Только вдали, над заводом, стояло буйное зарево.

Добравшись до поселка, Кутарев передохнул. Не взглянув на надино окно, хотя бы даже и темное, он не мог отправиться спать.

Против ожидания оно оказалось освещенным. Простенькая батистовая занавеска отогнулась в одном углу, прихваченная стопкой книг. В образовавшемся клинышке виднелись край застеленного газетой стола, тетрадки, склоненная голова девушки.

Приникнув к палисаднику, Кутарев старался разглядеть лицо Нади или хотя бы ее глаза. Отломив ветку бузины, набухшую весенним соком, он стал кидать прутик за прутиком в окно, как делал это не однажды, вызывая Надю. Прутики ударялись о стекло едва слышно, с птичьим шорохом, но она услыхала.

Отогнув занавеску, Надя выглянула из-за нее, придерживая

блузку на груди. Потом она убавила огонь в лампе и, сразу разглядев Кутарева, радостно кивнула ему.

«Когда ты пришла?» — знаками спросил Кутарев, сдерживаясь, чтобы не крикнуть это вслух.

«Давно. Приехала на автобусе»,— Надя, смеясь, показала, как тряслась в переполненной машине.

«Выйди на минутку,— попросил он, сделав страдающее и преувеличенно грустное лицо.— Я тебя люблю, а ты меня совсем не любишь!»

«Тетка не спит,— лукаво улыбнувшись, показала Надя.— Слышишь, кашляет?»

«К черту тетку! — чуть не закричал Кутарев. — Выходи!»

Надя покачала головой. Косы ее расплелись, рассыпались по плечам.

«Не ломай палисадник».

«Скажи: любишь? — пригрозил он, ухватившись за потемневший от времени заборчик.— А то сломаю!»

Испуганно оглянувшись в комнату, Надя приложила руки к груди и что-то прошептала в ответ.

«Люблю»,— догадался Кутарев.

Показав, что обнимает и целует ее, он потребовал снова:

«Выходи!»

Надя погрозила ему пальцем, сказала:

«Приходи встречать меня завтра. Обязательно!»

«Не приду!» — сердито отозвался он, показывая, что оскорблен до глубины души, и собрался уходить.

Она оглянулась еще раз, словно прислушавшись к чему-то в комнате. Потом занавеска опустилась, тень девушки мелькнула за нею.

Послышалось, как скрипнула дверь.

— Ну, что ты? — выглянула в калитку Надя; голову, плечи ее прикрывал шерстяной платок.

Кутарев обнял девушку, вдыхая волнующий, неповторимо милый ее запах, домашний, девически чистый и особенно трогательный на холоде.

— Не любишь, так скажи прямо,— вырвалось у него нечто похожее на жалобу.

Разве мог он сказать ей о том, что переживал, что случилось сегодня?!

— С чего ты взял, глупый? — Надя, не сопротивляясь, счастливо прижалась к нему.

— Со всего...

— Люблю, люблю! — жарко дохнув, повторила она и, высвободив из-под платка руки, приподнялась на цыпочки, обняла Кутарева.— Иди, Федя! Завтра поговорим обо всем...

Платок упал на плечи. Оторвавшись, она выпроводила Кутарева за калитку.

Лампа за окном засветилась снова. Подождав, он удовлетворенно вздохнул и пошел домой. Если бы Надя только знала, что ему приходится переносить из-за этой любви: ссориться с людьми, выглядеть перед ними в самом неприглядном свете...

Анна Степановна по обыкновению не спала, ожидая его.

— Поешь, Феденька,— предложила она, когда Кутарев разделся.— Тушонка в печурке.

Вынув чугунок, он присел к столу. Сочная, томленая картошка с бараниной показалась на редкость вкусной. Кутарев ел, сильно двигая челюстями. Разгоревшееся с холода лицо было по-весеннему обветрено.

«И где пропадает? Чуть не каждый вечер,— ревниво и тревожно думала Анна Степановна.— Наверно, нашлась уж какая-нибудь? Приворожила...»

— Спи! Чего смотришь? — с грубоватой нежностью проговорил, словно стыдясь этого, Кутарев. — Хороша картошка сегодня...

— Утушилась,— Анна Степановна приподнялась на локте. Смотреть, как сын ест, всегда было для нее ни с чем не сравнимой потребностью.— Мильшин Иван Афанасьевич заезжал сегодня, Феденька...

— Слыхал, знаю.

— Что, спрашивает, Степановна, в новое гнездо перебираешься? Дождалась?

Как же, говорю, перебираться, Иван Афанасьевич, когда там двери порассохлись и полы дыбом?

— В три дня исправят все,— успокоил ее Кутарев.— Сегодня комиссия была. Леденев, секретарь горкома, приезжал.

— И Мильшин тоже пообещал, что исправят, Феденька. А еще сказывал, оплошка вышла: нашу квартиру Меньшутиным надо было отдать, а нам — другую.

— Оплошка, оплошка! — разозлился Федор.— Пускай теперь

локти кусают! Я так и Леденеву сказал...

Анна Степановна с тревогой посмотрела на него.

— Неужто?

— Сказа-ал,— веселея, похвастался Кутарев.— Наша-то сторона светлая, солнечная, а у Меньшутина — на север.

— Не все солнце в окошке, Федя,— задумчиво возразила Анна Степановна.— У Меньшутиных дети, им южная сторона нужней.

«И у нас когда-нибудь будут»,— хотел напомнить Кутарев, но почему-то постеснялся и только сказал:

— А у нас Настуська!

— Мне твое солнце не нужно,— сонно проговорила та, отворачиваясь от света к стене.— Я лучше летом в Артек поеду.

— Спи ты! — прикрикнула на нее Анна Степановна.— Опять, гляди, двойку заработаешь! — И озабоченно вздохнула: — Придется уступить, Феденька. Ничего не поделаешь.

— А я не уступлю,— сердито брякнул ложкой о чугунок Кутарев.— Свое счастье другому отдавать? Нет уж...

Когда он улегся, Анна Степановна встала прибрать со стола. Звенела посуда, тихо шаркали шаги. Управившись, она неторопливо оглядела комнату, оторвала листок с календаря и, поправив сползшее одеяло у дочери, начала раздеваться тоже.

Дребезжало от ветра стекло; деревья за окном протяжно и неистово шумели.

— Спишь, Федя? — тихо спросила Анна Степановна, не то проверяя, не то собираясь поговорить о чем-то еще.

— Сплю... сплю,— отозвался в подушку Кутарев и завернулся с головой в одеяло.

— Ну спи,— согласилась она.— Отец наш никогда бы так не сделал.— И погасила свет.

Неделю спустя, когда строители закончили недоделки и настала пора переезжать на новоселье, Меньшутин во время завалки зашел к Кутареву и, остановившись в сторонке, стал наблюдать за работой у печи. Такой уж у него был характер, что не мог он относиться равнодушно к происходящему.

— Плохо,— сказал он, когда завалочные машины подали лом и Кутарев начал прогрев.— Не научился ты еще время беречь, Федор! Знаешь, сколько потеряли сейчас?

Кутарев кивнул на часы:

— Из положенного не вышли.

— Из положенного не вышли,— в тон ему повторил Меньшутин.— А минут шесть — семь выбросили на ветер! Лом подаете неподсортированный, какой подвернется. Известняк у тебя в печи слоем. Получается вроде теплоизоляционной прокладки; больше времени на прогрев понадобится...

Небритое его лицо, как всегда, выглядело болезненно. В порах носа и щек черными крапинками въелась металлическая пыль, подпаленные усы скрутило колечками.

Послушав, Кутарев буркнул:

— Если насчет квартиры стараешься, то сменки не будет! Мое слово — олово.

Меньшутин обиженно свел брови.

— Дурной ты... вроде чугунной чушки! Я помочь хочу, а ты... Чему только тебя учил? — И, помолчав, пересилив себя, посоветовал: — Температуру во время завалки сбавлять незачем. Мало того, что печь сама тепло теряет, вы еще подачу мазута уменьшаете...

Свирепо, во всю мочь, гудели, разгораясь, форсунки. Остервенелое пламя зверем металось за заслонкой, било огненными, космытыми лапами в смотровое отверстие.

На соседнем пролете негромко зазвонил колокол. Восьмая печь начинала выдавать плавку раньше срока. Стеклянный фонарь над крышей мартеновского цеха густо зарозовел от выпущенного металла.

А возле нового дома на Декабристской стояла грузовая машина, и Анна Степановна помогала Наталье Меньшутиной перетаскивать вещи наверх в квартиру. Вся лестница была заставлена корзинками, комнатными цветами в глиняных банках, кухонной посудой; в прихожей — настоящее столпотворение.

Раскрасневшись от суеты, Анна Степановна объясняла Наталье, что́ у них надумано приобрести после переезда, и, выгораживая сына, не очень убедительно уверяла:

— Это он и придумал. «Пускай,— говорит,— мама, Меньшутины в нашу квартиру вселяются, а мы — в ихнюю. Все-таки у них дети!»

— Трое,— не помня себя от счастья, подтверждает Наталья.— Видала какие, Степановна?

— Выровняются, — убежденно уверяет ее Анна Степановна.— Солнце рахиту — первый враг! — И, мысленно возвращаясь к сыну, продолжает: — Сердце у него, Натальюшка, золотое, отцово сердце! Семен бы Егорыч наш ни за что не допустил, чтобы детей чьих обидеть. За то, может, и жизнь отдал...

Она еще не знает, как отнесется ко всему происходящему, вернувшись с завода, сын, и, помогая соседке таскать вещи, время от времени глубоко вздыхает и прислушивается, не идет ли Кутарев.

— Правильно ты говоришь,— благодарно соглашается Наталья.— Детей обидеть — последнее дело!

Закончив переноску ее вещей, Анна Степановна открывает дверь через площадку напротив, заглядывает к себе. Обделенная солнцем квартира кажется ей светлее и уютнее, чем прежде, как будто весна по-хозяйски заглянула в распахнутые окна.

Наталья входит следом, поправляя сбившийся платок, торопит:

— Давай теперь к тебе, Степановна. Поехали, а то не управимся, пока мужики с работы придут!

— Ой, правда,— спохватывается та.— У меня ж еще ничего и не увязано...

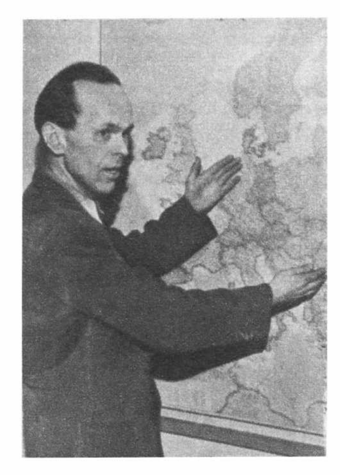
Они торопливо спускаются к стоящей у подъезда машине и едут за вещами к Кутаревым.

А у окна, на широком, наново выкрашенном белой масляной краской подоконнике, сидит худенький рыжеголовый Генька Меньшутин и осколком зеркальца пускает по всем углам слепящих разноцветных солнечных зайчиков.

— Лезь ко мне, Ольгунька,— восхищенно картавит он.— Не бойся, не разобьешься!

За общеевропейскую безопасность

Чехи и словаки не хотят повторения тяжелых уроков истории. Они помнят, что их страна была первой жертвой агрессивного германского милитаризма. Занятые мирным трудом, они хотят безопасности для себя и всех народов Европы.

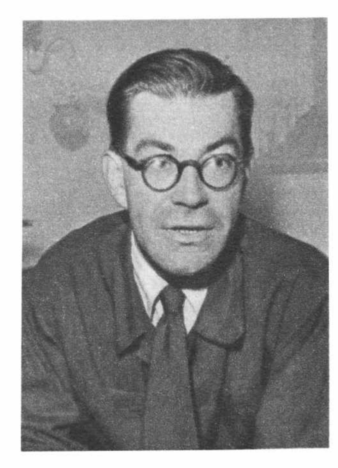

Индржих Шкубал.

Мне приходилось разговаривать об этом с разными людьми в городах и селах Чехословакии.

Фрезеровщик пражского завода Индржих Шкубал, с которым у нас завязалась беседа в кафе «Прага», выразил свои мысли просто и ясно, как и полагается рабочему человеку.

— Когда Чехословакия была занята фашистами,— сказал он,— с одного только нашего завода было отправлено в концентрационные лагери и замучено там несколько десятков рабочих. Мы не хотим, чтобы это всё повторилось! Читая в газетах предложение об обеспечении безопасности в Европе, с которым выступил Молотов на Берлинском совещании, мы у себя на заводе вели такой разговор: советский делегат выражает и наши думы, он говорит и от нашего имени!

Владимир Аллигер.

...Большой разговор о системе коллективной безопасности, предложенной Советским Союзом, происходил и на заводе имени Георгия Димитрова.

— Идея коллективной безопасности,— говорил рабочий Владимир Аллигер,— вовсе не нова для нас. Все мы хорошо помним, что еще до войны Советский Союз настойчиво предлагал другим державам договор коллективной безопасности, чтобы сорвать план гитлеровцев, которые хотели завоевать и поработить Европу. Если бы тогда этот договор не был отвергнут, не было бы Мюнхена, не было бы кровавой оккупации нашей страны! Теперь на западе Германии готовят фашистские дивизии для нового нападения на нас. Нет, этому не бывать!

...Православ Краткий, директор гастрономического магазина «Прамен», что на Вацлавской площади, сказал нам:

— Я ежедневно встречаюсь со многими людьми. Это простые люди, трудящиеся. Они все согласны с тем, что советский проект общеевропейского договора отражает наши общие интересы, интересы мира и спокойствия в Европе.

...Видный чешский писатель Иржи Марек, говоря о безопасности Европы, страстно бичевал тех, кто хочет принести народам новую войну.

— Господа Даллес, Иден и Бидо,— сказал Иржи Марек,— отвергли проект европейской коллективной безопасности, предложенный В. М. Молотовым, потому, что это был советский проект. Наше правительство недавно высказалось за проект Молотова отнюдь не потому, что это советский проект, а потому, что предложение СССР ведет к укреплению дела мира.

Православ Краткий.

Нет на свете такого народа, который хотел бы быть ввергнутым в новую войну! Нет на свете народа, который испытывал бы радость, когда оттачивается оружие. Народы знают, что войну они оплачивают своей кровью. Наше правительство, заявив, что присоединяется к идее европейской коллективной безопасности в той форме, как ее наметил Молотов, говорит от имени народа. Оно говорит от имени народа, который хочет в мире и спокойствии возделывать свои поля, управлять ходом заводских машин, собираться по вечерам в клубах и театрах, танцевать, петь песни своим детям...

Мих. ЯРОВОЙ

Иржи Марек.

На Советской площади

С балкона здания Московского Совета открывается вид на Советскую площадь, знакомую миллионам. Красочные открытки с ее изображением разошлись по всему свету. Но скоро открытки прежних изданий устареют.

...Высоко к небу поднялся башенный кран. Растут этажи большого благоустроенного дома, в котором уже в 1955 году поселятся сотни москвичей. Такой же дом скоро начнут строить по другую сторону площади. Оба здания девятиэтажные, и фасады у них одинаковые. Это создает цельность архитектурного ансамбля.

Еще недавно напротив Моссовета стояла каменная плита с надписью: «Здесь будет памятник основателю Москвы Юрию Долгорукому». Плиту убрали, а на ее месте подготовлен фундамент монумента, для которого отведен участок в восемьсот с лишним квадратных метров.

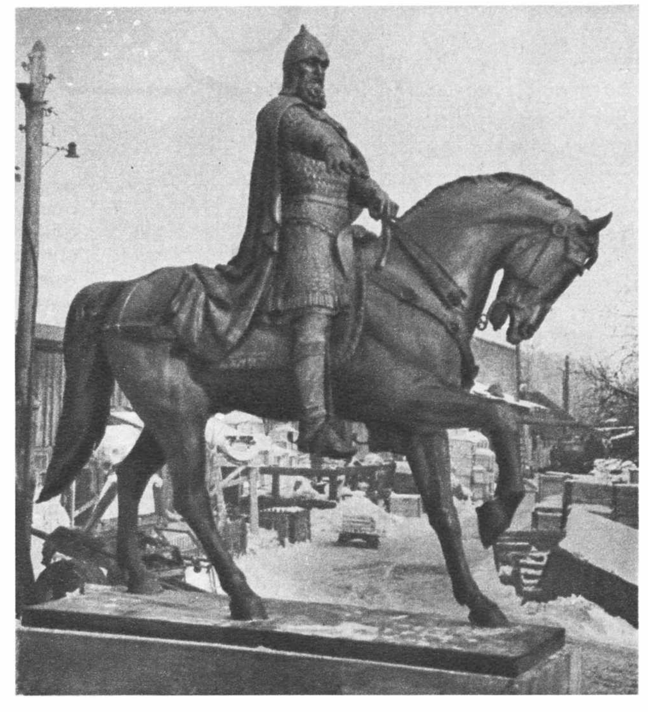
Сейчас возводится постамент. Укладываются массивные гранитные плиты серого цвета. По углам будут установлены гранитные шары, каждый диаметром в метр.

Поднимаясь уступами, постамент завершится параллелепипедом с полированным орнаментом в древнерусском стиле. Шары и верхняя часть постамента изготовлены из серого с голубоватыми прожилками лабрадорита — одного из самых красивых декоративных материалов.

Когда семиметровый пьедестал будет готов, на нем водрузят статую высотой в 5,6 метра. Она уже отлита в бронзе на Мытищинском заводе художественного литья и ждет отправки в Москву. Вес ее достигает восемнадцати тонн.

Юрий Долгорукий сидит на боевом коне, натянув поводья. Правая рука вытянута, взор устремлен вдаль.

Б. ЛЬВОВ

Памятник Юрию Долгорукому, отлитый на Мытищинском заводе.

Фото Б. Вдовенко.

Здесь зашумят хлеба

Заснеженной белой скатертью тянутся казахские степи с запада на восток, с юга на север. Кое-где чуть золотятся над ними пожелтевшие, но не сникшие прошлогодние травы, а повсюду снег, белый, чистый, слепящий. Лежит под ним целина, не возделанная, не паханная, не родившая.

Мчатся сейчас по железнодорожным магистралям Казахстана тяжеловесные составы. Везут тракторы, плуги, комбайны, тракторные вагончики, белые палатки, разборные жилые дома. Идут поезда в Северный Казахстан, в Кокчетав, Кустанай, Акмолинск, Актюбинск, в Прииртышские степи, в области освоения новых земель. Пятьдесят три тысячи восемьсот тракторов в пятнадцатисильном исчислении только в этом году получит Казахстан.

В Кокчетаве, недалеко от станции, находится пересылочная база. Круглые сутки тянутся отсюда вереницы машин в МТС, в совхозы, где люди пока разбивают временные палатки, а вскоре вырастут усадьбы новых совхозов.

На станции Кустанай эшелон с тракторами встречают представители МТС, трактористы. Первой получила машины Октябрьская МТС. Ведет колонну тракторист Выговский.

Механики Александровской МТС Алексей Баранов и Кужевай Андрохманов выехали в степь на снегозадержание. Вдоль и поперек длинными лентами ложатся снежные насыпи.

В Кустанайском зерносовхозе встретились два поколения московских комсомольцев: старшее приехало сюда, в совсем необжитые степи, двадцать лет назад. За два десятилетия здесь построен городок, возделаны тысячи гектаров земли, создан один из крупнейших зерносовхозов Казахстана.

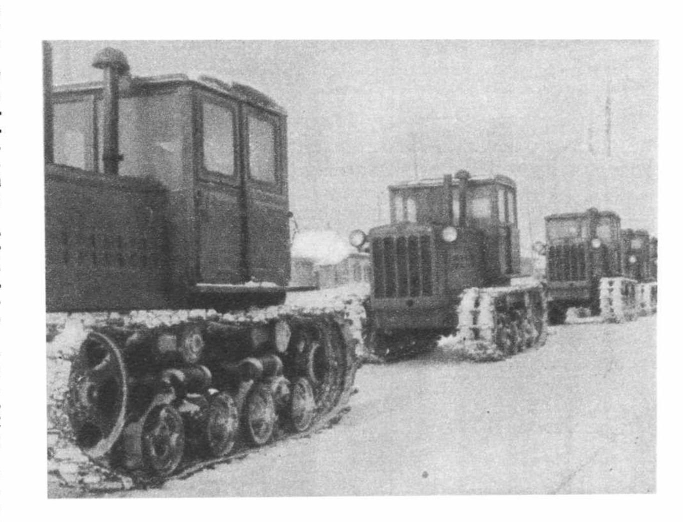
Нынешней весной кустанайцы будут поднимать четырнадцать тысяч гектаров целины. На помощь бывшим комсомольцам приехала молодежь.

Каждое утро группы девушек и юношей направляются в щколы механизаторов. Никогда раньше не думал печатник Георгий Лобанов стать механизатором, а ныне считает, что нет профессии интереснее. Не думала об этом и алма-атинская комсомолка, работница кожевенно-галантерейной фабрики Галина Авсеенко. Теперь идет она утром по селу, морозный ветер обжигает ей щеки, шумит в ушах, и Галина старается представить себе, как осенью поведет комбайн.

Для будущих механизаторов деревообделочники Усть-Каменогорской ГЭС начали ставить дома, а в мастерских ГЭС делают мебель.

Вместе с трактористами, инженерами, механиками, агрономами на целинные земли прибыли экспедиции научных работников. Они разрабатывают план постепенного введения в севооборот все новых и новых земель, на которых со временем зашумят хлеба.

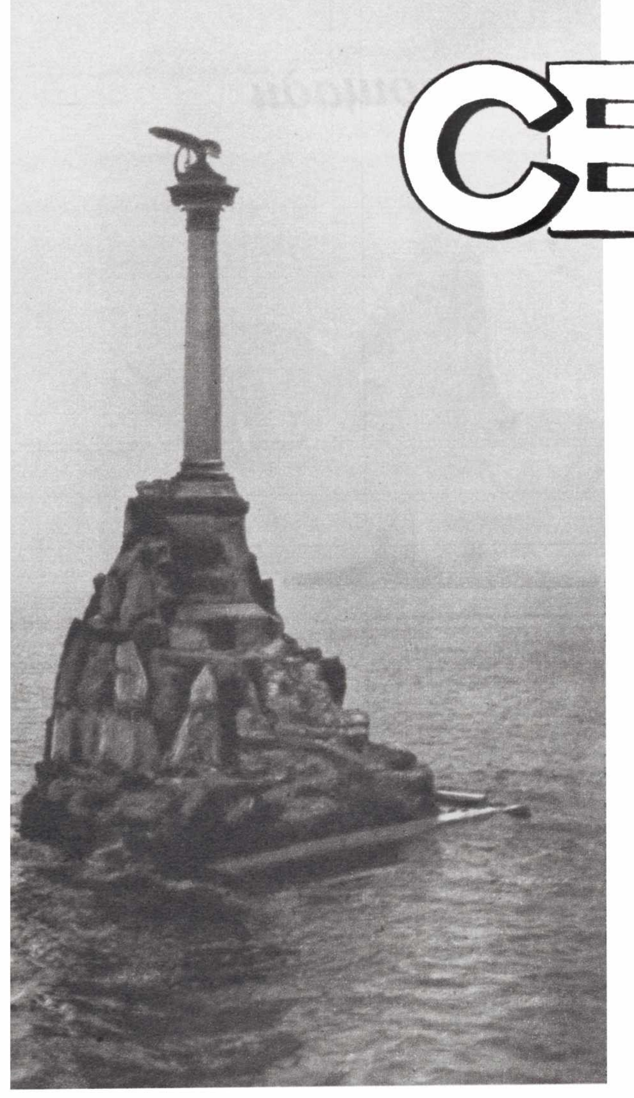
В. ЛАВРОВА

Прибывшие на станцию Кустанай тракторы направляются в Октябрьскую МТС.

Фото М. Галкина.

СЕВАСТОПОЛЬ

Памятник погибшим кораблям.

С. МОРОЗОВ. Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

I. Летопись славы

Кто на Черном море не знает легенду о камне? Суровая и мудрая, как мифы древности, она сложена нашими современниками.

Из Севастополя, испепеленного фашистскими варварами, уходил последний советский матрос, прижимая к себе кусочек каменистой родной земли. Камень Севастополя был с матросом-бойцом и в предгорьях Кавказа и в объятом пламенем Сталинграде. Но вот наступили дни победы, советский флот возвратился в черноморскую свою столицу, и камень матроса лег в стены города, поднимающегося из руин.

Сегодня новый Севастополь уже существует. Просторные, пронизанные светом белокаменные кварталы его высятся над крутыми склонами Сарматского холма, над извилистыми берегами бухт. Под солнцем стены домов золотятся нежным, телесным загаром, точно живая ткань. В хмурую погоду они обретают строгие, серые тона. А со временем, так говорят знатоки-старожилы, на строения ляжет зеленоватый оттенок, словно тронет их время морской волной. Таков инкерманский камень: в кладке он будто цветет, год от года становясь прочнее.

Прочный, надежный город! Старый и вечно юный город на Черном море, он ведет свою родословную от Херсонеса-Корсуня, чью тысячелетнюю твердыню сокрушили киевские дружины князя Владимира. Укрепления, воздвигнутые Суворовым, защитили бухты будущего Севастополя в годы присоединения Крыма к России. От севастопольских причалов вышли на просторы морей победоносные эскадры Ушакова.

Гордый Севастополь Льва Толстого! Город-герой Великой Отечественной войны!

Знаменательные даты его истории отмечаются в нынешнем, 1954 году: столетие первой Севастопольской обороны, десятилетие освобождения города от фашистских оккупантов. Немало мыслей рождается при сопоставлении этих двух дат.

Вооруженные силы четырех держав: Англии и Франции, Турции и Сардинии — одиннадцать месяцев осаждали русский город на Черном море. Беспримерной храбростью и презрением к смерти прославили себя воины-севастопольцы. Уничтожив под стенами Севастополя отборные части противника, русские войска еще раз показали всему миру свою богатырскую мощь, свое воинское мастерство. Но прогнившая насквозь крепостническая империя Романовых проиграла Крымскую войну. Священные камни Севастополя, обильно политые русской кровью, долго еще лежали под пеплом пожарищ.

В 1856 году в Париже был заключен мир. Четырнадцать лет спустя участник Севастопольской обороны генерал Меньков говорил с горечью:

«...Город-страдалец остался в том же виде, в каком мы покинули его. Кто-то из бывших недавно в Севастополе сравнил его с кладбищем, где между памятниками погибшим лишь изредка виднеются домики сторожей кладбища».

Книга «Севастополь. Историческое описание для путешественников», изданная в Москве в 1874 году, начинается так:

Уроженцы Сталинграда близнецы Василий и Иосиф Кейдук, ростовчанин Юрий Лабинцев, ленинградец Борис Чадаев пришли на военную службу в Черноморский флот с дипломами художественных ремесленных училищ. Молодые матросы занимаются в скульптурной студии.

«Севастополь... Многострадальный мученик Русской земли. Девятнадцать лет лежит он в развалинах под кучею погребальных холмов...»

Пожелтевшие от времени отчеты морского ведомства хранят невеселые анекдоты о том, как на сооружение севастопольских храмов тратился камень от разрушенных портовых зданий и доков. Скандальную память о себе оставил в Севастополе американский авантюрист Гоуэн, взявший подряд на очистку бухт от затопленных кораблей и за семь лет не сделавший ровно ничего.

Только в 1887 году, спустя тридцать два года после Крымской войны, адмирал Шестаков — морской министр Александра III — смог записать в своем дневнике:

«Город, видимо, отстраивается... Заметны явные признаки воскрешения Севастополя из мертвых...»

II. Строители наступают

По-иному сложилась судьба Севастополя в нашу, советскую эпоху. И в тяжкую пору военных невзгод Родина заботилась о нем. Фронт стоял еще на Кубани, а над руинами Севастополя уже кружил краснозвездный крылатый разведчик. На аэроснимках он запечатлел обширную площадь разрушенного города. Как оперативное донесение в штаб, снимок был доставлен в Москву градостроителям. Здесь, увеличенный в несколько раз, он стал картой — первоосновой генерального плана реконструкции Севастополя.

Нахимовский проспект. Новая гостиница «Севастополь».

Отличник боевой и политической подготовки сигнальщик линкора «Севастополь» Б. Д. Онистратенко.

Черноморцы высаживали десант в Керчи, а в Москве архитекторы расчерчивали красными линиями будущие магистрали города. В Севастополь, освобожденный от врага силой советского оружия, вслед за воинами вошли строители. За минерами шагали каменщики и плотники, инженеры и зодчие.

Многое в облике нынешнего, нового Севастополя роднит его с прошлым. Так цветущий юноша бывает похож на отца. Сын шире в кости, выше ростом. Ясным взором глядит он на мир.

Центральная часть города открывается новой площадью с памятником Пушкину. Рядом газоны и дорожки нового Пушкинского сквера. Вширь раздвинулась и улица Ленина. С тротуара видны корабельные мачты, стаи чаек над ними. Соседство городских дорог с большими морскими путями, прежде скрытое сутолокой беспорядочных строений, теперь искусно подчеркнуто новой планировкой.

Черноморская синева оттеняет молочную белизну нового Нахимовского проспекта. Между громадой театра, еще одетого в строительные леса, и колоннадой новой гостиницы проглядывает рябящая волнами Артиллерийская бухта.

Там, где прежде трамвай скрежетал на крутом, стиснутом домами повороте, теперь раскинулась новая площадь Нахимова. Шурша резиной по асфальту, автобусы и троллейбусы плавно объезжают островок сквера и устремляются на Большую Морскую. Вместе с улицей Ленина и Нахимовским проспектом она образует кольцевую магистраль в центральной части города.

Чем дальше едешь по кольцу, тем реже попадаются старые, восстановленные после разрушений дома. Если на Ленинской их насчитаешь с десяток, то на Нахимовском и на Большой Морской только два таких здания. Все остальные отстроены заново. Трехэтажные, с балконами и лоджиями, с выложенными камнем ступенчатыми двориками за чугунными узорами ворот, новые дома хорошо «вписываются в профиль» южного приморского города, расположенного на гористых берегах.

Дома-ровесники подчас одного роста и чуть схожи внешне. Насколько это лучше того архитектурного разностилья старого, довоенного Севастополя, в котором дешевый модерн перемежался с купеческой безвкусицей особняков и скученностью мазанок!

Новые дома занимают целые кварталы и в центре города и там, где прежде были окраины. За площадью Коммуны с величественным, увенчанным башней, зданием нового матросского клуба начинается улица Гоголя, занятая жилыми массивами. Линия троллейбуса ведет к вновь отстроенной слободе Афанасия Матюшенко, мимо новой улицы Ивана Голубца. Имена двух матросов: вожака восстания на «Потемкине» и краснофлотца Отечественной войны — стоят рядом на плане нового Севастополя.

С площади Ленина, сквозь колоннаду Графской пристани, за силуэтами кораблей, вдали, на Северной стороне, открывается монумент Славы. На Графской севастопольцы встречали Нахимова — победителя при Синопе. От Графской революционные черноморцы уходили на Дон громить белогвардейцев. На Северную сторону в августе 1855 года отошли по наплавному мосту русские войска. С Северной в мае 1944 года стремительным десантом ворвались в центр города гвардейцы Советской Армии.

Нерушима в Севастополе связь времен, громко звучит перекличка поколений!

План реконструкции Севастополя рассчитан на десятилетия. Им предусмотрен будущий центр города на Сарматском холме, с бронзовым монументом Ленина, вознесенным высоко

В Музее Черноморского флота. Сестры Фильченковы: фельдшерица Роза (слева) и экскурсовод музея Майя — вместе с экскурсантами у скульптуры Героя Советского Союза Н. Д. Фильченкова.

над морем. Рядом, на месте изрешеченного снарядами собора, в котором покоится прах четырех адмиралов: М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина и П. С. Нахимова,— будет Пантеон Славы.

Все это — дело близкого завтра. Но и сегодня, когда новые кварталы еще соседствуют со строительными площадками и пустырями, Севастополь превосходит свои довоенные размеры и числом домов и благоустройством.

Вековые традиции воинской славы живут в творческом труде строителей.

Бастионами индустриальной крепости раскинулись вокруг Севастополя предприятия строительных материалов. Кирпич и черепица, цементные трубы, железобетонные панели, оконные рамы — все это стало массовой продукцией цехов, заводов, комбинатов.

Севастополю нужно много камня: желтого ракушечника для кладки стен, молочно-белого инкерманского для облицовки зданий. Глубокими траншеями протянулись под Евпаторией карьеры ракушечника. Словно сухопутные броненосцы, движутся там по рельсам камнерезные электроагрегаты. Стальные диски вгрызаются в недра крымской земли, выпиливая аккуратные плиты. В Инкерманских каменоломнях, точно в донецких шахтах, работают врубовые машины. Скоро на смену им придет мощный камнерезный комбайн. Больше камня! Продукция Инкермана нужна не только Севастополю. Молочно-белыми плитами облицовывают строения и в Киеве, и в Краснодаре, и в Николаеве, и в Харькове.

Новые дома Севастополя украшены каменной резьбой. Труд резчиков по камню кропотлив, медлителен. И здесь с искусными руками мастеров успешно соперничают машины — детали для украшения домов строители в особых формах отливают из каменной пыли, скрепленной цементным раствором.

Тысячи людей, занятые на стройке Севастополя, стараются, чтобы новый город рос быстрее, чтобы красивые, крепкие, рассчитанные надолго сооружения его обходились государству дешевле.

В огромной трудовой армии, прочно обосновавшейся в Севастополе, наступающей на широком строительном фронте, встретишь украинцев и белорусов, москвичей и южан, волгарей и сибиряков. Одни приехали в Севастополь безусыми юнцами сразу после войны и за годы послевоенных пятилеток выросли в мастеров строительной индустрии. Другие, постарше годами, перекочевали сюда со строек, которыми так богата наша страна.

Запыленную спецовку каменщика встречаешь в Севастополе так же часто, как и синий матросский воротник. У строителей есть свой жилой городок на Четвертой бастионной: отличные каменные дома, такие же, как у моряков и железнодорожников. Там и детские сады, и ясли, и больница. У строителей свои школы ФЗО и ремесленные училища, свой техникум. В старинном белоколонном доме, пережившем две обороны Севастополя, скоро откроется городской клуб строителей. Перед этим зданием, воздвигнутым столетие назад по образцу античного храма Тезея, разбита площадь Строителей.

III. «Мы — севастопольцы!»

В летописях города воинские подвиги тесно переплетены с примерами высокого гуманизма и беззаветного служения прогрессу. Сто лет назад в севастопольских госпиталях под дождем снарядов, посылаемых англо-французскими «рыцарями культуры», работали великий хирург Н. И. Пирогов и матросская дочь Даша — первая русская сестра милосердия. Адмирал М. П. Лазарев — первооткры-

Большая Морская улица.

Площадь Коммуны.

ватель Антарктического материка и герой Наваринского боя — был одним из основателей Севастопольской морской библиотеки. В семидесятых годах прошлого века, когда начиналось изучение природы Черного моря, сюда обратил свои взоры выдающийся натуралист Н. Н. Миклухо-Маклай — по его инициативе была создана Севастопольская биологическая станция Академии наук.

Имена великих соотечественников и даты знаменательных событий город хранит на многочисленных памятных досках, украшающих здания. Но есть в Севастополе дома, не отмеченные никакими надписями и, тем не менее, по-своему известные.

Женская средняя школа № 4. На нее в первую ночь войны упала одна из мин, сброшенных фашистской авиацией на севастопольские бухты. Седая учительница Наталья Николаевна Донец рассказывает, как в дни осады эта школа вместе с другими переселилась под землю. Сколько детворы училось тогда в подвалах, штольнях и пещерах! С одним из последних кораблей ушла учительница Донец из родного города. В море, когда вражеский бомбардировщик повредил корабль, она вместе с матросами спасала из затопленных трюмов полотна эвакуируемой панорамы Севастопольской обороны. Наталья Николаевна вспоминает и о том, как в освобожденном Севастополе одним из первых был восстановлен дом школы № 4, как пришли в класс девочки, вернувшиеся из эвакуации: Оля Ващук, Валя Левант.

Сегодня Наталья Николаевна встречает их в учительской: Ольга Петровна Ващук преподает математику, Валентина Наумовна Левант — историю. Обе девушки, окончив педагогический институт, вернулись в родную школу.

Нередко учительницы водят школьников на экскурсии по историческим местам города. Ребята любуются светлым куполом панорамы Севастопольской обороны, вновь поднявшимся над зеленью Исторического бульвара. Здание панорамы уже восстановлено, скоро внутри будет закончено воссоздание полотен Рубо.

С моряками крепко дружит вся севастопольская детвора. Нередко на палубах боевых кораблей проводят свои сборы пионерские дружины, и матросы повязывают красные галстуки малышам, вступающим в ряды юных ленинцев.

Каждый день на пристани высаживается с катера мальчуган в бушлате и бескозырке с ученической сумкой в руках. После полудня он снова появляется здесь, и катер отвозит его на линкор «Севастополь». Двенадцатилетний Толя Селеменёв, сын погибшего воина, воспитывается у моряков линкора. За учением мальчика следят и комендор Альберт Варваштян, и сигнальщик Борис Онистратенко, и капитан 3-го ранга Федор Семенович Нестеров. Пятидесятилетний ветеран флота Федор Семенович стал «севастопольцем» еще на Балтике, — вместе с линкором он совершил штормовой поход 1929 года из Кронштадта в Черное море. Старый и малый — закадычные приятели. Конечно, Толя вырастет со временем в бравого морского офицера.

Стоит юноше или девушке попасть в Севастополь, и их, откуда бы они ни приехали, сразу захватывает любовь к городу, к Черному морю. Молодые гидробиологи Нина Горбунова и Марта Киселева учились в Москве и Ленинграде, после университета побывали на Каспии и Тихом океане, потом, попав в Севастополь, решили остаться на Биологической станции Академии наук. Недавно они защитили кандидатские диссертации.

Сестры Роза и Майя Фильченковы недавно переселились в Севастополь из Горького. Их отец, Герой Советского Союза Николай Дмитриевич Фильченков, погиб в 1941 году, защищая черноморскую крепость. Обвязавшись гранатами, он вместе с четырьмя матросами лег под вражеские танки. Дочери героя выросли на Волге, но далекий черноморский город манил их давно. Сейчас Роза в госпитале, она фельдшерица; Майя — экскурсовод Музея флота.

Широко известен Музей Черноморского флота. Под сводами его залов молодежь встречается с севастопольцами-ветеранами.

С матросами учебного подразделения приходит сюда главный старшина Григорий Доля. На одном из стендов он показывает своим питомцам заржавленное, годы пролежавшее в земле оружие защитников легендарного Одиннадцатого дзота. Он, Григорий Доля, единственный из защитников дзота остался в живых.

Там, где хранятся листовки, отпечатанные в оккупированном Севастополе подпольщиком Василием Ревякиным, стоит пожилая женщина в окружении ребят-ремесленников. Ребята хорошо знают «тетю Нату» — Анастасию Павловну Лопачук — по книге И. Козлова «В городе русской славы». Рядом с домиком Анастасии Павловны, на улице, названной именем Ревякина, в годы оккупации была штаб-квартира подпольной организации советских патриотов.

В благоговейном молчании смотрят молодые севастопольцы на полуистлевшее полотнище с синим косым крестом. Этот андреевский флаг развевался на флагмане в Синопском бою, под этим флагом лежал в гробу великий флотоводец России Павел Степанович Нахимов.

Наши юные современники с усмешкой разглядывают шпагу на груде железных крестов и эсэсовских свастик. Эту шпагу — подарок кайзера Вильгельма — гитлеровский генерал Бемэ положил к ногам советских воинов на мысе Херсонес.

А рядом, за стеклами широких окон, ветер полощет корабельные флаги и под солнцем грозно синеет броня орудийных башен.

Прекрасен Севастополь — старый и вечно юный черноморский город! Украинский народ, чьи сыны плечом к плечу с братьями-русскими дважды стояли насмерть под его стенами, счастлив тем, что ныне город-герой вместе с Крымской областью вошел в состав Советской Украины.

В судьбе Севастополя — мужество и трудолюбие наших людей, их ратная доблесть, их извечная дружба с морем.

Они родились в Севастополе... Детский сад в городке строителей.

Членский билет № 15

Перевыборы Советов
г. Ленинград
1934 г.

Район

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА
на избранного
ЧЛЕНА ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА XIV СОЗЫВА

Членский билет № 15

1. Фамилия, имя и отчество Горький (Пешков) Алексей Максимович
2. От кого избран от галошного з-да

Этот любопытный документ недавно обнаружен научными сотрудниками Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области.

На обложке толстого дела надпись: «Ленинградский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Личные карточки на членов Ленсовета. XIV созыв». Карточек много, несколько сот. На каждой из них фотографии и анкетные данные.

Среди них обращает на себя внимание «Личная карточка на избранного члена Ленинградского Совета XIV созыва, членский билет № 15». В первой строке ее чернилами выведено:

«Горький (Пешков) Алексей Максимович».

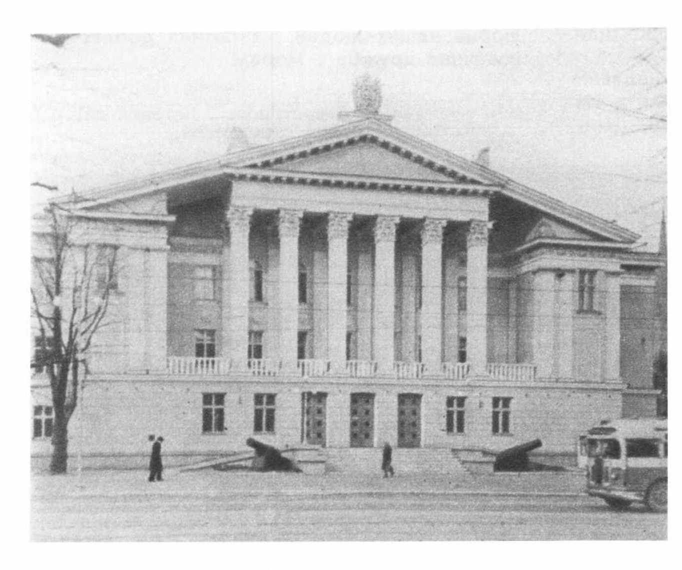
Во второй строке, в ответе на вопрос, «от кого избран», значится: «От Галошного завода». Слева прикреплена фотография А. М. Горького.

На протяжении многих лет Алексей Максимович Горький был тесно связан с Ленинградом. Еще в дореволюционные годы он здесь жил и работал, позже поддерживал оживленную переписку с рабочими, интеллигенцией, неоднократно приезжал сюда, бывал на заводах, фабриках, стройках, в домах культуры, школах. В декабре 1934 года ленинградцы избрали великого писателя своим депутатом в городской Совет.

Через несколько дней, в январе 1935 года, Алексея Максимовича Горького ленинградцы послали своим делегатом на XVI Всероссийский и VII Всесоюзный съезды Советов.

К. ЧЕРЕВКОВ

Дом на Морском бульваре

Дом офицеров Балтийского флота.
Фото С. Розенфельда.

На этом бульваре стоят тяжелые старые здания из серого плитняка. Ветер доносит горьковато-соленый запах моря. Еще недавно Морской бульвар, как и некоторые другие старинные улицы Таллина, оставлял довольно неприглядное впечатление. Теперь он ярко освещен. В центре стоит желто-белое здание с колоннадой. Это недавно открывшийся Дом офицеров Балтийского флота.

Зрительный зал Дома — самый большой в Таллине, в нем 1 100 мест. Отделанный лепкой и темнокрасным бархатом, ярко освещенный, он выглядит нарядно и уютно.

Библиотека Дома насчитывает 70 тысяч томов. Здесь есть читальный зал, комнаты для занятий кружков самодеятельности, художественного рукоделия, курсов стенографии, машинописи.

Н. ХРАБРОВА

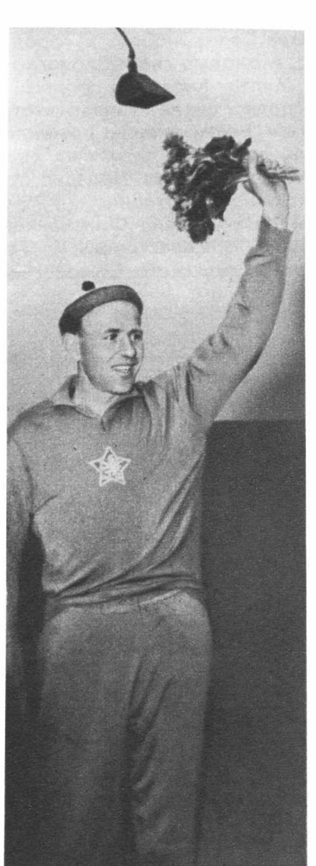
Дневник Огонька

В Париже на кроссе «Юманите»

18 апреля исполняется пятидесятилетие газеты «Юманите», органа Французской коммунистической партии. В этом году традиционный кросс имени «Юманите» прошел с исключительным успехом.

В день 21 марта на ипподроме в Венсенском лесу собрались десятки тысяч зрителей.

Затопек отвечает на приветствия зрителей.

Первое место в забеге на 10 тысяч метров среди мужчин занял чемпион олимпийских игр, чехословацкий спортсмен Эмиль Затопек. Второе место занял польский спортсмен Е. Хромик. На третье место вышел молодой советский бегун В. Куц.

В сильнейшем забеге среди женщин все три первых места заняли советские спортсменки. На пьедестале почета — Нина Отколенко, Ангелина Комарова и Полина Солопова.

Советские спортсмены вышли на первое командное место.

Чемпион Франции по бегу на длинные дистанции Мимун поздравляет советскую спортсменку Н. Отколенко с победой. Справа от нее известный французский бегун, ныне корреспондент журнала «Мируар спринт», Жюль Лядумег.

Париж.

Г. РАССАДИН

Полеты к друзьям

Как уже сообщала печать, в конце февраля — начале марта северные районы Албании подверглись невиданным снежным заносам и завалам, которые отрезали десятки тысяч горцев, населяющих эти места, от внешнего мира, создали перебои в снабжении.

Советские люди немедля оказали братскую помощь албанскому народу. Союз Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР передал для пострадавшего населения Албании продукты питания и медикаменты на четыреста тысяч рублей. В Тирану направилась группа советских летчиков, которые должны были принять участие в доставке продовольствия, лекарств, топлива, теплой одежды жителям занесенных снегом районов. Недавно наши летчики, отлично выполнив задание, вернулись в Москву.

Вот что рассказал корреспонденту «Огонька» командир корабля Евгений Константинович Калиновский:

— Наш экипаж не раз уже летал в Албанию, хорошо изучил трассу, рельеф местности и, в частности, гористые северные районы. Мы полюбили эту страну, ее народ и были рады, что можем как-то помочь нашим друзьям, попавшим в беду.

Мы прилетели в Тирану с большим грузом медикаментов на борту поздним мартовским вечером и сразу же были приняты членами Государственной комиссии по борьбе со стихийным бедствием в северных районах Албании и по оказанию помощи населению этих районов. Нам сообщили о размерах бедствия, постигшего страну: таких заносов в Албании не было на протяжении последних пятидесяти лет. Мы узнали о героизме населения, об огромной работе, проделанной партийными, молодежными и другими организациями, о самоотверженности солдат Народной армии, расчищающих дороги в горах. Тут же был составлен список населенных пунктов, куда в первую очередь требовалось доставить продукты и прежде всего соль, муку, сахар.

На другой день мы начали наши полеты.

Конечно, нечего было и думать о посадках в горах большой, тяжелой машины. Поэтому мы взяли с собой из Москвы специальные грузовые парашюты. Но сбросить груз с высоты 2 000—2 500 метров — а именно таковы горы на севере Албании — не так-то легко. Ведь нужно, чтобы парашюты приземлились в точно намеченном пункте, а не были бы унесены ветром в сторону, куда не доберешься из-за заносов. Возвращаясь из первого полета, мы боялись, что наш груз не достигнет цели. Но оказалось, что в Тирану уже позвонили из населенного пункта, куда мы летели, и сообщили: все продукты доставлены в целости и сохранности. Такие звонки раздавались и позже, в течение всей нашей работы в Албании, и доставляли нам огромную радость.

Сложно летать над горами, а еще сложнее между гор. Стараясь предельно снижаться, чтобы как можно точнее сбросить груз, мы залетали и в ущелья, в которых можно было маневрировать. В таких случаях тщательно рассчитывали силу и направление воздушных потоков.

Селения горцев часто располагаются в таких местах, куда трудно подступиться даже с воздуха. Некоторые населенные пункты лежат на самом дне глубоких ущелий. Мы подлетели к Драгобии в девятом часу утра, когда солнце находилось уже высоко над горами, но лучи его не достигали селения — там было темно... Жители Мертури, Шоши, Кири ставят свои дома на уступах скал, на узких горных террасах. Сюда было особенно трудно сбрасывать груз. Можно попасть в дом, снести крышу. Приходилось снижаться до предельно малой высоты, чтобы выбрать площадку для сбрасывания грузов.

Пролетая низко над домами, мы видели людей, видели, как они подбирают сброшенные нами мешки. В Кукесе собрались толпы горцев. Все время, пока мы делали круги над поселком, они приветственно махали нам руками.

Наш экипаж пробыл в Албании две недели, совершив 25 полетов и доставив в северные районы страны десятки тонн грузов: соль, муку, сахар, теплую одежду, керосин, табак, газеты. Мы старались летать в любую погоду, в любых условиях, потому что знали, как ждут нас в горах, как нужна наша помощь.

Нам рассказали о трогательном эпизоде, когда один старый горец был послан своими земляками в пункт, где есть телефон, чтобы позвонить в Тирану и поблагодарить советских летчиков. Старик шел более двух суток, пробираясь сквозь заносы и завалы, и все-таки выполнил поручение.

Перед нашим отлетом из Тираны Государственная комиссия устроила торжественный прием в честь советских летчиков. Правительство Народной Республики Албании объявило благодарность нашему экипажу: второму пилоту Виктору Сыкулеву, штурману Михаилу Тихонову, бортмеханику Ивану Милованову, радисту Юрию Егорову и мне как командиру корабля.

Когда мы улетали в Москву, на аэродроме около самолета собрались наши друзья — албанские летчики, обслуживающий персонал. Из толпы провожающих вышел синоптик, всегда дежуривший на метеостанции во время наших полетов, и взволнованным голосом прочитал стихи. В этих стихах говорилось, что никакая злая стихия, никакая непогода не в силах помешать советским летчикам сделать доброе дело...

Слева направо: штурман М. И. Тихонов, бортмеханик И. А. Милованов, командир корабля Е. К. Калиновский, второй пилот В. М. Сыкулев, бортрадист Ю. А. Егоров.

Фото О. Кнорринга.

40-летие журнала «Работница»

Юбилейный вечер в Колонном зале Дома союзов.

На днях общественность столицы отметила 40-летие со дня выхода первого номера журнала «Работница». На вечере, посвященном этой дате, собрались работницы промышленных предприятий, транспорта и строек столицы, представители партийных и общественных организаций Москвы.

Успех молодых советских мастеров

В. Корчной (справа) и Р. Нежметдинов в Бухаресте.

С 25 февраля по 25 марта в столице Румынской Народной Республики Бухаресте происходил международный шахматный турнир.

В интересном соревновании приняло участие 18 шахматистов различных стран. Среди них румынские мастера Чоколтя и Сабо, чехословацкие международные мастера Филипп и Пахман, чемпион Бельгии международный мастер О'Келли, гроссмейстер Штальберг (Швеция). Советское шахматное искусство было представлено молодыми мастерами: Виктором Корчным, Рашидом Нежметдиновым, Семеном Фурманом и Ратмиром Холмовым. Все они выдвинулись сравнительно недавно. В. Корчной на последнем чемпионате Союза разделил 2-е и 3-е места с гроссмейстером М. Таймановым. Рашид Нежметдинов трижды был победителем шахматного первенства Российской Федерации. Р. Холмов и С. Фурман неоднократно занимали высокие места в чемпионатах СССР.

Все же сильный по составу Бухарестский турнир был серьезным испытанием для молодых советских шахматистов. Они впервые принимали участие в международном соревновании. Трудный турнир советские шахматисты провели с большим подъемом, особенно двадцатитрехлетний Корчной — победитель турнира, а также Нежметдинов, занявший второе место. Хорошо сыграл и Холмов, разделивший 3-е и 4-е места с Филиппом. Третий приз был вручен Холмову, так как по таблице коэффициентов его результат был лучше. Фурман, опередив гроссмейстера Штальберга и международного мастера О'Келли, разделил 6-е и 7-е места с международным мастером Пахманом.

Новая победа советских мастеров в Бухаресте прежде всего свидетельствует о том, что у ведущей группы советских гроссмейстеров имеются хорошие резервы. В прошлом году в таком же турнире блестящего успеха достиг шестнадцатилетний Борис Спасский.

Что отличало игру наших молодых мастеров на Бухарестском турнире? Прежде всего волевое стремление к победе. Советские мастера, особенно Корчной и Нежметдинов, вели свои партии остро, предприимчиво, смело, и этой творческой платформе советской шахматной школы не смогли оказать должного противодействия даже опытнейшие представители зарубежного мастерства.

Итоги Бухарестского турнира — успех на нем советской молодежи — еще одна славная страница в истории побед советской шахматной школы.

П. РОМАНОВСКИЙ,
заслуженный мастер спорта

Врачи — на целинные земли

Группа выпускников медицинского института, выразивших желание ехать в районы целинных земель, на Алтай. Слева направо: Ю. Губернский, О. Бондаренко, С. Хмара, Н. Азарх и Р. Стерина.

Фото М. Семенова.

С далекой Камчатки пришло письмо. Группа молодых врачей, два года назад окончивших Первый московский медицинский институт, писала выпускникам этого года:

«Когда мы встречаемся вместе, всегда говорим: хорошо, что поехали на Камчатку. Работа здесь интересная, живая, она дает глубокое удовлетворение, видишь ее плоды.

Мы не думаем расставаться с Камчаткой. Призываем и вас ехать на периферию, даже такую далекую...»

Через три месяца около шестисот питомцев института сдадут государственные экзамены и уедут врачами в различные уголки Советского Союза. Комиссия по распределению оканчивающих институт уже приступила к работе. Первые дни показали, что у молодежи живы лучшие традиции института: работать там, где больше всего нужны силы и знания специалистов.

Н. Азарх хотела поехать на Север, Э. Садчикова — в Приморский край. Но, узнав, что в районах освоения целинных земель нужны врачи, комсомолки Азарх и Садчикова попросили членов комиссии направить их в Алтайский край.

Комсомолка И. Копейкина училась отлично, комиссия предложила ей остаться в одной из клиник института. Но девушка отказалась.

— Хочу работать в Казахстане или на Алтае,— сказала она.

В эти же районы выразили желание поехать В. Люсоед и его жена — педагог. Их не остановило то, что у них двое маленьких детей. На освоение целины поедут и многие другие выпускники института.

И. ГЕЙЗЕР

СЕМЬЯ МАШИН

Виталий **ВАСИЛЕВСКИЙ**

1

Зинаиду Васильевну Гавриленко, конструктора Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения, послали в Крым.

Зачем?

Гавриленко «ведет» на Гомсельмаше стогометатель. «Ведет» — это значит, что она следит за конструктивной и технологической «чистотой» серийных машин. Проект создан не в Гомеле, а в Люберцах, но рабочий коллектив Гомсельмаша внес в конструкцию 600 поправок. Красноречивость этой цифры вряд ли нуждается в комментариях. И все поправки собирались у Зинаиды Васильевны; она первая их оценивала, отметала ошибочные, писала о них в Люберцы, чтобы силой коллективного таланта своего завода и люберецких конструкторов создать наиболее совершенную машину.

Теперь нужно было посмотреть стогометатель на лугу, в работе, оценить трезво и всесторонне его достоинства и в то же время зорко разведать недостатки.

Труд советского конструктора сельскохозяйственных машин энциклопедичен. Колхозник, агроном, ученый, то есть сама жизнь, говорят ему, что надо сделать для деревни. Конструктору надлежит самостоятельно решить, придумать, **как** построить новую машину для сельского хозяйства.

А масштаб творческих изысканий Гомельского конструкторского бюро весьма значителен: смеситель органических и минеральных удобрений, кормоприготовительный комбайн, передвижная доильная установка, доильный зал, автомат для мойки и чистки животных, прибор для пастеризации молока...

Зинаида Васильевна занимается только стогометателем. Кажется, что это работа сравнительно узкого профиля. Но это лишь кажется.

...Проплывали за окном вагона украинские степи, столь баснословно плодородные, что Зинаида Васильевна все время чувствовала себя посетителем украинского павильона на сельскохозяйственной выставке... Зато какими угрюмыми, скудными показались ей присивашские солончаки.

Потом, поутру, ее ослепило безбрежное темносинее, отражающее всю силу, весь блеск солнца море, и это было так прекрасно, что она на миг затаила дыхание.

Но в путевом дневнике пришлось с огорчением записать: «Купалась всего три раза...»

И по степным дорогам, припорошенная пылью, мгновенно покрывшаяся блестящим, как лак, загаром, она колесила на попутных грузовиках, на райкомовских «газиках», чтобы самой все узнать, все увидеть, учить и одновременно учиться.

...Там и тут в знойной степи озорно поблескивают стрелы стогометателей. Круто свернув с шоссе, грузовик вихрем летит по целине, разбрызгивая из-под колес фонтанчики пыли. Дверца кабины распахивается, и Зинаида Васильевна сердито спрашивает:

— Где прикрепили «пальцы»?

Командировочное удостоверение предъявляется директору Советской МТС Авдею Ивановичу Степовенко лишь вечером.

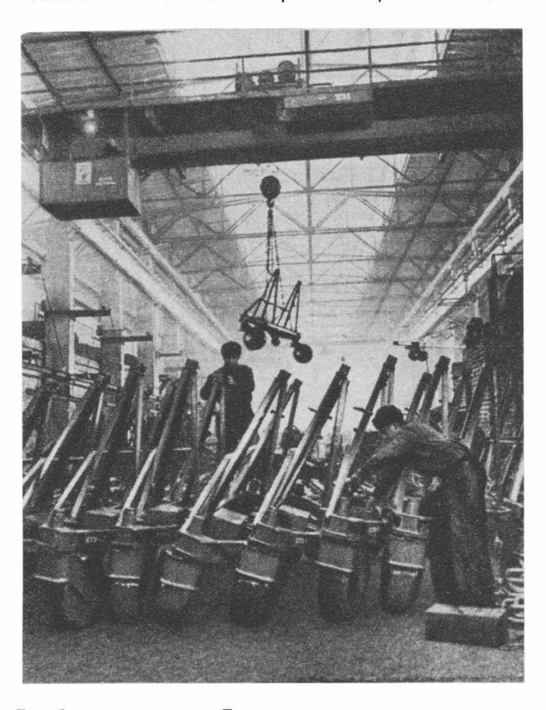
Весь долгий день Зинаида Васильевна с трактористом и скирдоправами возится у машины: «пальцы», придерживающие сено, были прикреплены к раме изнутри, а не снаружи.

И машина из-за этого подхватывала охапку сена неуверенно, слабо, теряла при подъеме целые вороха.

Гавриленко ночует здесь же, в степи, в копне пахучего сена, и, просыпаясь, видит над головою такие неправдоподобно крупные, такие блестящие звезды, каких на Гомельщине и не сыщешь.

Через несколько дней Зинаида Васильевна записала в дневнике: «За 10 рабочих часов здесь стогометатель убирает и складывает в стога сено с 50 га. Вручную для этого потребовалось бы 40 лошадей и 28 колхозников; теперь управляются всего-навсего тракторист и 3 скирдоправа...»

Вечером в полевом стане состоялось техническое совещание накоротке. Пришел и директор МТС А. И. Степовенко и главный инженер А. Ф. Ткаченко. Вошел незнакомый тракторист. Стряпуха, тыча во все стороны пухлыми локтями, поставила миски с борщом, таким наваристым и густым, что в нем стояла ложка.

В сборочном цехе Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения. Узлы стогометателей готовы к отправке.

Тракторист до того устал, что непрерывно клевал носом, и Зинаида Васильевна тревожилась, что он вот-вот окунет в борщ вместо ложки свой сожженный солнцем нос.

— Первый недостаток,— сказал директор Степовенко,— вибрация троса. При работе трос дрожит, вибрирует. Не только стогометатель, но и трактор сотрясается, как в лихорадке...

— Как в лихорадке... — повторил Ткаченко. — Да ведь детали от вибрации снашиваются. Амортизационный срок не выдержим... И трос кроме того срывается с барабана!

— Трактористам всего хуже,— осуждающе сказал директор.

При этих словах тракторист встрепенулся, протер глаза рукавом и быстро заговорил:

— Мы, Зинаида Васильевна, за машину вам, гомельцам, очень благодарны! Машина стоящая!.. Но учтите, сколько рычагов! И на моем тракторе и на вашем «метателе»... И каждый рычаг «со скрипом», тугой. К полудню так руки наломаешь, хоть плачь!

В ее дневнике появилась строка: «Трос, барабан, рычаги».

Можно не упоминать о иных, более мелких замечаниях, так же аккуратно записанных Зинаидой Васильевной.

Напоследок она спросила о подвеске стогометателя.

Сейчас лебедка стандартного стогометателя прикрепляется к тракторам разного типа с помощью подвесок тоже разного вида.

Главный инженер Гомсельмаша П. Кубышкин, как-то повстречавшись на заводском дворе с Зинаидой Васильевной, посоветовал словно случайно:

— Подумайте, как нам сделать универсальную подвеску! Одну для всех тракторов.

Едва она упомянула о подвеске, как тесная, сколоченная из досок будка наполнилась шумными криками. Размахивая увесистыми, словно гири, кулаками, тракторист с яростным ожесточением говорил, что это недопустимо, что это «форменная труба», что ему до черта надоело возиться с этими разными подвесками, а Степовенко и Ткаченко с мрачным видом повторяли:

— Стандартизация!

Слово «стандартизация» для конструктора емкое: стандартизация — простота, удобство, стандартизация — высшее достоинство любой машины.

И, вероятно, воспоминание о совете Кубышкина и столь неотложные, столь суровые в своей непосредственности требования работников Советской МТС были последним толчком к тому, чтобы поток ее личных наблюдений и размышлений приобрел целеустремленное и верное направление. Захлопнув записную книжку, выпрямившись, она твердо обнадежила:

— Сделаем!

Да, пора возвращаться в Гомель. Соскучилась по дому, по семье. И с заводом за минувшие шесть лет свыклась, сроднилась... Так отрадно ранним утром идти на работу. Шаг стремительный, дыханье легкое. Нужно миновать пять железнодорожных переездов, чтобы добраться до Сельмаша, расположенного на окраине Гомеля. Обычно шлагбаум преграждает путь шумной толпе рабочих, служащих. Сотрясая землю, проползает товарный поезд, и на каждой платформе то зерносушилки, то остроугольные стогометатели...

И обязательно кто-либо — конструктор ли Георгий Александрович Трофимук, слесарь ли из экспериментального цеха Василий Фролов, его однофамилец Николай Фролов или она сама, Зинаида Васильевна,— задумчиво, вполголоса произносит:

— Наши!

И в этом обычном слове как бы кристаллизуется чувство рабочего коллектива.

Да, пора возвращаться. Надо поскорее в стогометателе провести серьезные доделки, ввести в конструкцию «крымские» поправки. А универсальная подвеска? Заманчивое, перспективное дело!..

2

Стогометатель — машина серийная. Ее надо улучшать, совершенствовать, но все-таки конструктивно она готова. Гомельские конструкторы сейчас решают новые, более сложные проблемы.

...Утром, еще до гудка, в конструкторском бюро пронзительно прозвонил телефон.

— Георгия Александровича!

Трофимук торопливо, не попадая в рукава, натягивает кожаное пальто. Сначала он идет медленно — «не на пожар!»,— через несколько минут трусит побыстрее и влетает в цех, запыхавшись. Напрасно в это время уговаривать себя: ну, ведь первая модель, так всегда бывает!

Да, **так** бывает всегда, но привыкнуть к этому невозможно. Он вложил в чертеж все силы души, все знания, весь технический и житейский опыт. И все же чертеж не машина, а только образ машины, хотя допуски в нем и обозначены микронами. Теперь этот образ нужно воплотить в металле.

Экспериментальный цех — первый практический экзамен любого проекта. Там строят первую модель и в ней видят уже тысяча

первую машину; там проверяют, исправляют, совершенствуют проект.

Запыхавшись, конструктор вбегает в «экспериременталку». В середине цеха стоит приземистая машина — первый смеситель удобрений.

Монтаж еще не закончен. Машина скелетообразна, ее ребра не обросли «мясом» деталей. Облокотившись на станину, начальник цеха Г. В. Сопин и слесарь Василий Фролов о чем-то ожесточенно спорят. Завидев Трофимука, они замолкают и протягивают чертеж.

— Н-да, Георгий Александрович, здесь у вас что-то не получается.

Сосредоточенное покашливание. Очки не раз и не два протерты платком. Поближе к окну: здесь светлее.

К замечаниям Василия Фролова нельзя не прислушаться. Любой рабочий «экспериментальки» — по самой природе своей, по нутру универсал. Он вслед за конструктором, иногда и опережая его, непрерывно творит, проводит опыты, рискует. Но Василий, как говорится,— из универсалов универсал, из молодцов молодец! Он сказал недавно Трофимуку, что в элеваторе отверстие запроектировано не на месте, работать будет и неудобно и мешкотно. Сказал — и не ошибся.

Переделали.

Вдруг конструктор откладывает чертеж, становится на четвереньки и проворно уползает под машину.

...К машине неспешно, солидной походкой приближается Борисов, тоже знатный экспериментальщик. Это он на днях изменил ширину цепи в механизме подъема, чтобы цепь в работе не задевала стенок. За ним подходит и Николай Фролов...

Теперь машина со всех сторон густо облеплена рабочими. Они не отдыхают, не бездельничают: ведь обнаруженная в чертеже неполадка застопорила им всю работу. Они ждут, когда мысль конструктора проложит им новый путь.

— Получилось!

Заслышав радостное восклицание, Сопин облегченно вздыхает, Фроловы и Борисов переглядываются и — чего греха таить! — с недоверчивой улыбкой наклоняются, чтобы получить указание конструктора.

Ну, можно покурить, отдохнуть... В жарко натопленной цеховой конторке мы рассаживаемся вокруг стола; Сопин тотчас принимается подписывать какие-то разнарядки; Трофимук, полузакрыв глаза, то ли дремлет, то ли задумался.

— Георгий Александрович, а что там случилось? — осторожно окликаю я его.

— Да так, мелочь... Поймите,— неожиданно загорячился конструктор,— можно чертежом «затуманить» любую комиссию, но машину не обманешь; она вскроет и просчет и фальшь!

— Да, Фролов маху не даст,— согласился Сопин. И пояснил мне: — Он бывший колхозник и сейчас на селе живет, тут, под боком у завода.

— Значит, двойное зрение: и колхозное и заводское,— заметил Трофимук. И спросил Сопина: — Георгий Васильевич, а вы в Красном были?

В пригородном селе Красном, где живет Василий Фролов, находится подшефный Гомсельмашу колхоз.

— Был. До сих пор в ушах звенит! — усмехнулся начальник цеха. — Извольте видеть,— обратился он ко мне,— поставили мы там в порядке шефской помощи кормозапарник... Подъезжаем вчера — орут и визжат голодные свиньи. А их в колхозе три сотни! Что за притча? Фланец в запарнике лопнул, воду на ночь не выпустили, вот морозом и прихватило. А поди-ка, приготовь вручную корма на триста свиней! Ну, я прихватил фланец — и на завод; спасибо нашим Пацкевичу и Гуро — после смены остались, к полуночи починили!

Сопина позвали в цех. Он сгреб со стола какие-то бумажки и, сунув их в карман, быстро вышел.

Полузакрыв глаза, Трофимук задумчиво курил у окна.

— Но ведь была же инструкция... как пользоваться,— предположил я.

— Да что инструкция,— поморщился конструктор.— Мы всегда виноваты, мы... Фланец железный, а надо, видимо, поставить чугунный...— Он говорил медленно, как бы раздумывая вслух, и барабанил пальцами по столу.— Три крана.. усталый человек ночью ошибся, отвернул два, а про третий забыл... Видимо, нужен лишь один кран, повернул,— он показал, как повернуть,— и готово!

— А вы там были?

— Да. И в воскресенье опять поеду. Наши конструкторы Бежак и Васильев сейчас проектируют для колхоза подвесную дорогу. Конечно, есть типовая модель, но там, в Красном, особые условия. Нужен вариант!

— А стогометатели уже «привились» в гомельских колхозах?

Тут конструктор искоса посмотрел на меня, и виноватая улыбка скользнула по его губам. Он ничего не ответил.

3

Теперь приходится вернуться к поездке Зинаиды Васильевны Гавриленко в Крым.

Отрадно, что творческий мир гомельских конструкторов не замкнут пределами своего бюро, завода, что маршруты дальних странствий пролегли от Гомеля почти во все края необъятной Советской державы.

Конструктор Б. Басс ездил в Казахстан, чтобы на отгонных пастбищах проверить, оправдала ли себя передвижная доильная установка для одновременной дойки 10 коров.

Павел Лаврентьевич Симаков побывал в подмосковном колхозе имени Молотова, где уже оборудован доильный зал. Конструктор все досконально осмотрел и даже указал, что напрасно обложили кормозапарник кирпичом: металл не жаростойкий, мало ли что случится... Из-за кирпичной стенки прогар не заметишь. Выгоднее изоляционная «рубашка»: все видно!

Но в белорусских, даже близких гомельских колхозах конструкторы бывают крайне редко. А если бы они навещали своих соседей почаще, то услышали бы, что стогометатель к местным условиям полностью не подходит: нужен «белорусский» вариант...

Сами конструкторы — и Гавриленко, и Трофимук, и Басс, и Симаков — догадываются, что смеситель удобрений можно бы приспособить для смешивания торфа и извести. Им вполне понятно, какое значение имел бы такой «белорусский» вариант новой машины для здешней кислой почвы. Но об этом они пока что именно догадываются... Чтобы догадка переросла в научное знание, надо поездить по Белоруссии, потолковать с механизаторами, колхозниками.

Дело доходит до смешного: первую модель смесителя собираются испытывать... на заводской конюшне. Да не проще ли отвезти машину в село Красное, в подшефный колхоз, за 9 километров, и испытать ее там? Сам бы Фролов и провел испытание!..

Минувшей осенью я побывал в северной Башкирии. И вот что мне рассказали работники Дуванской и Месягутовской МТС:

— Наши великолепные сельскохозяйственные машины недостаточно «районированы». Конечно, мы по мере сил рационализируем машины, приспосабливаем их к местным условиям, но ведь это кустарщина!..

И правда, кустарщина! Снимают со старых тракторов детали, клепают вручную. А завод, конструкторское бюро далеко...

Но так ли далеко? Ведь страшна отдаленность не территориальная, а творческая.

Гомельский стогометатель в основном оправдал себя в Крыму, хотя тамошние механизаторы и отыскали в нем немало серьезных неполадок.

Но на Всесоюзном совещании работников совхозов директор Алтайского зерноживтреста товарищ Ангельев заявил, что «существующие механизмы, предназначенные для стогования сена, по сути дела, не уменьшают потребностей в рабочей силе и не дают нужного экономического эффекта».

Следовательно, нужен не только белорусский, но и алтайский «вариант» стогометателя.

Об этом не мешало бы подумать прежде всего не в Гомеле, а в Москве, в Министерстве машиностроения. Именно оно обязано позаботиться о том, чтобы конструкторы сельскохозяйственных машин имели возможность испытывать свои машины в поле, чтобы росла непрерывно семья машин, приспособленных к условиям, столь несхожим в разных районах страны.

Начальник экспериментального цеха Г. В. Сопин (слева) и слесарь-сборщик Н. Н. Фролов проверяют деталь по чертежу.

Инженеры-конструкторы Ю. Б. Васильев и М. Ф. Крахмальная за разработкой чертежей кормоприготовительного комбайна.

Фото В. Лупейко.

К ВЕРШИНАМ

Записки начальника геодезической экспедиции

Г. ФЕДОСЕЕВ

Фото автора.

Джугджурский хребет после снегопада.

Карта... Как много заключено в этом слове времени, труда и героизма!

Мне хочется рассказать о некоторых создателях современных карт — о советских землепроходцах.

Проводник Афанасий Амосов.

Наша экспедиция проводила работу на малоисследованной территории Дальнего Востока. Была зима, гуляли метели, но отряды геодезистов и топографов пробирались к местам работ, преодолевая глухую тайгу, горы и полутундры.

...В штабе наступило затишье. Находившиеся в пути полевые подразделения напоминали о себе краткими сообщениями по рации: «Здоровы, пересекли Учур» или «Сегодня покидаем залив». Казалось, все шло гладко, и вдруг тревожная телеграмма: «Заезжал в подразделение Короткова, пирамида на Алгычанском пике построена, но в лагере никого не оказалось, палатка занесена снегом. Наши поиски в течение двух дней не дали результатов. Поскольку постели, продукты, печь находятся в палатке, предполагаем, что люди ушли ненадолго и с ними случилось какое-то несчастье. Необходимо организовать поиски.

Начальник партии Виноградов».

Я на минуту представил себе Алгычанский пик, расположенный среди многочисленных отрогов Джугджурского хребта, близ Охотского моря. Из записок геодезиста Т. Пугачева, обследовавшего эти горы годом раньше, мы знали, что пик окружают глубокие цирки, пропасти и скалы. Единственный подступ к вершине, найденный Т. Пугачевым после тщательного обследования склонов, идет правым скатом западной лощины. Отряд Т. Пугачева даже сумел отлить бетонный тур на пике для установки на нем высокоточных инструментов. Но лес для постройки пирамиды над туром поднять не удалось. Такие пирамиды нужны геодезистам для определения расстояния между различными точками на поверхности земли. Т. Пугачев советовал возвести пирамиду позже, когда западную лощину забьет снегом и можно будет поднять на пик лес.

Срок пришел, и в Джугджур было направлено лучшее подразделение экспедиции во главе с техником Григорием Титовичем Коротковым. Григорий Титович и его помощники считались у нас умелыми таежниками, были связаны между собой многолетней работой.

Трудно поверить, что они стали жертвой какой-нибудь оплошности. Но все же, если... Ведь на Джугджурский хребет даже местные люди зимой не ходят. Этот горный район славится неукротимыми ветрами и обвалами.

Я вызвал своего постоянного проводника, прекрасного следопыта и охотника Василия Николаевича Мищенко. Много он исходил таежной земли, хорошо разбирался в следах, уже не раз находил затерявшихся людей. Присоединился к нам и радист Геннадий Чернышев.

В тот же день вечером мы летели над Охотским морем, вернее, над разрозненными полями льдов. Под нами изредка проплывали скалистые островки, да иногда слева обозначался мрачный контур материка.

Мы знали, что Охотское море, превышающее по размеру Балтийское, Черное и Каспийское, вместе взятые,— родина вечных бурь и ураганов, холодное и неукротимое, но оно и самое богатое в мире по количеству рыб и птиц, в нем уживаются представители Северного Ледовитого океана и южных морей.

— Идем на посадку, — предупредил нас командир экипажа.

Через десять минут наш груз лежал на льду...

Рано утром, пока не было проводников, я и Василий Николаевич покинули палатку, чтобы поглядеть на море.

Мы шли берегом, направляясь к мысу Льготный. Он уже чуть-чуть вырисовывался сквозь поредевший мрак ночи. Под ногами шумела разноцветная галька, мелкая, плоская, пересыпанная перламутровыми ракушками. Как много их на берегу! Тут и двухстворчатые, и чашеобразные, и спиральные. Вместе с ракушками море выбрасывает на берег много ценнейших водорослей, откладывая их в виде длинных валов или небрежно разбрасывая по гальке. Ими никто, кажется, не интересуется, кроме разве бурого медведя, большого охотника до морской капусты.

Слева от нас уходили в безграничное пространство шероховатые поля льдов. Начинался прилив. Море медленно надвигалось на материк, и в его дыхании ощущались мир и спокойствие.

За пляжем начинался припай — незыблемая полоска берегового льда. Справа над припаем высились исполинские скалы, очертаниями напоминающие крепости с полуразрушенными бастионами. Могучие утесы походили на часовых, оберегающих рубежи материка. Море придало этим скалам причудливые формы, отполировало колонны, вырезало пещеры, разрушило бастионы.

По бровке скал темной каймой виднелся лес. Крайние ряды деревьев поднимаются не более как на полтора метра. Их жесткие и изувеченные кроны густо переплелись между собой, будто деревья понимали, что только сообща, обнявшись, они могут противостоять силе ветра и стужи.

Встречались, правда, и одинокие деревья. Но они не растут вверх, а лежат, как осьминоги, присосав-

ДЖУГДЖУРА

Припай — неподвижная полоска берегового льда.

шись к поверхности плоских скал.

Тяжелую борьбу ведут деревья за право жить на морском берегу! И все же радостно смотреть на этих пионеров растительного мира, дерзнувших перешагнуть границы края безжизненных камней.

...На следующий день к лагерю подъехали оленьи упряжки.

— Люди есть? — послышался громкий голос, и в палатку ввалились два человека.

— Мы проводники. Куда ехать будем? — спросил молодой парень, лихо сдвинув на затылок ушанку.

— Проходите, садитесь, сейчас завтрак будет готов, за чаем и поговорим,— ответил Василий Николаевич.— Звать-то вас как?

— Меня — Николаем Федоровым, а его — Афанасием Амосовым. Мы из колхоза «Рассвет». Куда ехать будем?

— На Джугджур. Пока через перевал, а там видно будет.

— Джугджур?! — переспросил проводник с явным испугом, повернулся и сказал старику несколько слов на родном языке.

— Вы что, боитесь ехать через перевал? — спросил Геннадий, от наблюдательности которого не ускользнула тревога проводников.

— Нет,— ответил Афанасий,— проедем, надо только торопиться, пока хорошая погода.

Мы позавтракали и свернули лагерь.

По заснеженной дороге дружно бежали олени. На передних нартах сидел Афанасий. Он нет, нет, да и подстегнет поводным ремнем праворучного быка. Упряжка вдруг рванется вперед и взбудоражит обоз, но через минуту олени сбавляют ход и снова бегут спокойной размашистой рысью.

В полдень мы увидели на горизонте заснеженные горы. То был Джугджурский хребет. Высоко в небо поднимаются его скалистые вершины. Широкой полосой тянутся на север многочисленные отроги. Именно там, в гуще скал и нагромождений, быть может, боролась за жизнь горсточка близких и дорогих нам людей.

Мы ехали по руслу реки Алдомы, берущей свое начало в центральной части хребта. Над нами все выше поднимались туполобые вершины гор. Долина сужалась и, наконец, раздвоилась глубокими ущельями. Мы свернули влево. День кончался. Все чаще доносился окрик Афанасия, подбадривавшего уставших оленей.

Но вот передние упряжки поднялись на берег реки, и через полчаса мы оказались на поляне, где и расположились лагерем. До перевала оставалось не более семи километров.

На поляне мы увидели остатки чумов, следы старинных таборов и множество пней.

— Тут эвенки оленей кормят, иногда живут много дней, месяц,— говорил Афанасий, распрягая животных.

— Это почему же? — переспросил я его.

— Джугджур может не пустить.

С рассветом мы двинулись к перевалу. Было тихо. На небе ни единого облачка. Так начинался этот столь памятный нам день.

Проводники изредка перебрасывались короткими фразами и проявляли необыкновенную торопливость.

Извилистое ущелье, по которому мы поднимались к перевалу, глубоко врезается в хребет. Дороги терялись среди многочисленных препятствий, преграждавших подступ к перевалу. Оленям то приходилось обходить глыбы скал, скатившихся в ущелье, то спускаться на дно заледеневшего ручья, то взбираться по каменистым террасам. От натуги рвались упряжные ремни, нарты скатывались вниз, ломались. Требовалось много времени, чтобы привести в порядок обоз. Продвигались медленно, а конца подъему не было видно.

— Вот и перевал! — крикнул кто-то.

Подъем груза.

Лиственницы похожи на осьминогов.

Пирамида на гребне хребта.

Мы увидели впереди узкую щель, разделившую хребет на две части. Это и был перевал. До него оставалось всего лишь полтора километра крутого подъема.

Взобраться на перевал можно было только по льду ручья, промывшего своим руслом много недоступных террас. Подъем был очень крутой. На гладком льду олени падали, раздирали до крови ноги, путались в упряжных ремнях и все чаще и чаще ложились, отказываясь идти. За час мы кое-как продвинулись на полкилометра. Дальше путь перерезали небольшие водопады, замерзшие буграми. Пришлось браться за топоры и прокладывать по льду дорогу для оленей.

Мы уже были в двухстах метрах от перевала, как над нами высоко прошумел ветер. По льду пронесся вихрь, бросая в лицо заледеневшие крупинки снега. Сразу закурились вершины гор, и от них понеслись в голубое пространство волны белесоватой пыли.

Холодный ветер уже метался по ущелью. Из глубины долины надвигалась на нас мутная завеса непогоды. Все вокруг изменилось. Исчезло солнце. Непогода будто нарочно поджидала того момента, когда мы окажемся под перевалом, чтобы обрушиться на нас со всей яростью.

Сопротивляться ветру не было сил. Глаза забивало песком. Все вокруг нас вдруг взбунтовалось и закружилось.

Захватив с собой нарту, груженную продуктами, палаткой и печкой, мы бросились вниз. Лица были до крови иссечены песком и заледеневшим снегом. Проваливаясь в сугробах, мы теряли друг друга и только к вечеру добрались до поляны. Никто не в состоянии был зажечь спичку или растянуть палатку: у всех закоченели руки. Потребовалось более часа, пока был организован приют.

Долго гуляла пурга над Джугджурским хребтом. Три дня мы не покидали палатки. И вот как-то Афанасий, вернувшись от оленей, сообщил нам радостную весть.

— За горами небо видно, звезды есть, непременно завтра пурга кончится,— сказал он.

В полночь действительно ветер стих и после непродолжительного снегопада куда-то унеслись тучи.

Я разбудил своих спутников. Пока варили суп, проводники пригнали оленей, и с рассветом мы покинули поляну, так долго служившую нам приютом.

Джугджурский хребет сиял белизною только что выпавшего снега. Мы поднимались быстро, но под перевалом пришлось задержаться: долго откапывали из-под снега нарты, оставленные там несколько дней назад, и приводили в порядок ремни. Слева и справа над нами стеной обрывался главный Джугджурский хребет. Хорошо были видны его пирамидальные вершины и волнистые стежки зубчатых скал, сбегающих в глубину ущелья.

Оказавшись на перевале, мы увидели на пригорке небольшое сооружение, сложенное из камней. Афанасий остановил оленей и направился к пригорку. Пошли туда и все мы.

Сооружение оказалось урной. Четыре плиты, установленные на широком постаменте, служили чашей. Чего только не было в ней! Пуговицы, куски ремней, гвозди, спички, металлические безделушки, цветные лоскутки, гильзы, птичьи кости, шишки и разная мелочь.

Николай снял шапку, вырвал несколько волосинок и бросил их в чашу. А Афанасий достал из кармана с десяток мелкокалиберных патрончиков и, выбрав один из них, тоже опустил его в чашу.

— Для чего это? — спросил Василий Николаевич.

— Кто идет через перевал и хочет вернуться обратно, должен что-нибудь положить Джугджуру, иначе он назад не пропустит.

— А ты хитрый. Почему положил негодный патрончик, с осечкой?

Афанасий добродушно рассмеялся.

— Джугджур не видит, немножечко обмануть можно,— ответил он.

Афанасий достал из ниши, сделанной в постаменте, ржавую жестяную коробку.

— Тут много разных писем,— кто, куда, зачем ходил, кто обидел Джугджур,— все написано.

Это была старая коробка из-под чая, доверху наполненная разными бумажками.

Я развернул одну из самых пожелтевших. Она была исписана детским почерком и читалась с трудом. «Джугджур, зачем угнал наших оленей, теперь мы должны вернуться домой пешком, сами тащить нарты, может, в школу скоро не попадем. Сыновья Егора Колесова». В другой записке было написано: «Не годится, Джугджур, так делать, ты десять дней не пускал через перевал, холод наслал на нас, и мы выпили много спирта, который везли Рыбкопу. Как рассчитываться будем? Нехорошо!» Под текстом были четыре неразборчивых подписи. Датировано 1939 годом.

Я увидел знакомую бумагу, которой пользуются геодезисты для вычислительных целей, и немало удивился. Это была записка наших товарищей, работавших в прошлом году на Джугджурском хребте. Читаю ее вслух: «Перестань дурить, Джугджур! Взгляни на свою недоступную вершину, на ней мы слили бетонный тур. Ты побежден! Пугачев, Юшманов, Деморчук, Павлов».

Не задерживаясь, мы тронулись дальше. Теперь ехали без дороги, полностью положившись на умение Афанасия угадывать путь. Много пришлось в этот день пересечь седловин, ущелий, не раз взбирались на отроги. И только вечером мы оказались недалеко от подножья Алгычана.

— А где же пирамида? — спросил я подошедшего ко мне Василия Николаевича.— Ведь Виноградов сообщал, что она была построена.

Тот протер глаза и, всматриваясь в зубчатую вершину пика, в недоумении повел плечами.

— Кто же мог свалить ее? — размышлял он вслух.

Подошли остальные. Все мы были удивлены этим открытием.

— Не упала ли она с пика вместе с людьми? — предположил Геннадий.

Скоро мы оказались в лагере Короткова. Палатка наших товарищей была погребена под снегом, и если бы не шест, установленный начальником партии А. Виноградовым, трудно было бы нам отыскать ее среди многочисленных снежных бугров.

Откапывая палатку, мы у входа нашли веревки, кайла, остатки гвоздей и догадались, что все это принесено сюда с пика после того, как окончили там работы. Внутри палатки мы увидели спальные мешки, неубранную посуду, нарубленные куски мяса для супа. Создавалось впечатление, что люди действительно ушли ненадолго.

— Видимо, часть груза они спустили с пика и ушли за остальным, но не смогли вернуться,— заключил Василий Николаевич.

Куда же девалась пирамида?

Утром мы решили попытаться выйти на пик, надеясь найти там какие-нибудь следы товарищей и выяснить, куда исчезла пирамида. Ущелье, по которому мы поднимались, было завалено обломками скал. Чем выше, тем оно становилось круче и, наконец, раздвоилось.

Там мы увидели гору грязного снега, смешанного с дресвой и камнем. Это были остатки недавнего обвала. Лавина, пронесшаяся по лощине, вероятно, несколько дней назад, смыла и сбросила вниз толстые пласты снега, скопившегося в ней за зиму.

...Снизу донесся выстрел. По нашему следу быстро поднимался человек, таща за собой какой-то груз.

— Никак Афанасий? — сказал Геннадий.— Не случилась ли еще какая беда?

Афанасий, заметив нас, стал махать руками, кричал, но понять было трудно, пока он не поднялся ближе.

— Люди там, понимаете, люди!..— Афанасий показывал куда-то вперед.

Через несколько минут сверху послышался протяжный гул, он повторился еще и еще.

— Слышите, камни бросают, значит, верно, живы!..— кричал Геннадий.

Мы лезли все выше и выше, пока не подобрались под самую шапку. До пика теперь оставалось немного. И вдруг впереди мы увидели совершенно отвесную стену снежного надува, перегородившего лощину. Все остановились.

— Не пройти,— сказал Афанасий, осматривая надув.— Что делать будем?

— У-у-у...— прокричал Геннадий, и громкое эхо прокатилось по Алгычану.

Через минуту над нами послышался грохот падающих камней: кто-то спускался по россыпи. Затем донесся и ответный крик. Люди спустили нам камень с запиской, привязанной тонкой веревочкой, сплетенной из разноцветных трикотажных лоскутков, видимо, из белья.

«Кто вы? — писали они.— Мы геодезисты, нас четверо, попали в беду. Лавиной сорвало надув в лощине, по которому мы поднялись и где находитесь вы. В другом месте спуститься нельзя. Сегодня дожгли последние остатки пирамиды. Помогите, подайте веревку, мы седьмой день голодные, совсем обессилели. Коротков».

«Не волнуйтесь,— ответил я.— Мы приехали разыскивать вас. Рады, что все живы. Вяжем лестницу, через час подадим ее конец. Закрепите его, и мы с Василием Николаевичем поднимемся к вам. Не беспокойтесь, все будет хорошо, без вас не спустимся с Алгычана».

Веревочная лестница без палок оказалась очень неудобной для подъема, но она все же помогла нам взобраться наверх.

Нельзя без волнения вспомнить эту встречу! Мы обнимали друзей, все говорили разом, каждый торопился излить свои чувства.

Спустя некоторое время мы поднялись к пику.

— Вот и наша нора,— сказал Коротков, показывая на отверстие в сугробе.

Я пролез внутрь. Узкий вход вел глубоко под обломки. Помещение было низкое, тесное, изолированное от внешнего мира каменным сводом и двухметровым слоем заледеневшего снега. Через маленькое отверстие просачивался свет, оно, видимо, служило и дымоходом. Не устрой люди свое убежище в виде норы, глубоко в камнях, и не накрой его толстым слоем снега, трудно было бы пленникам гор пережить последнюю пургу.

...Через несколько дней мы снова вынесли на пик лес и воздвигли пирамиду. Теперь она гордо возвышалась, как символ победы советского человека над силами природы.

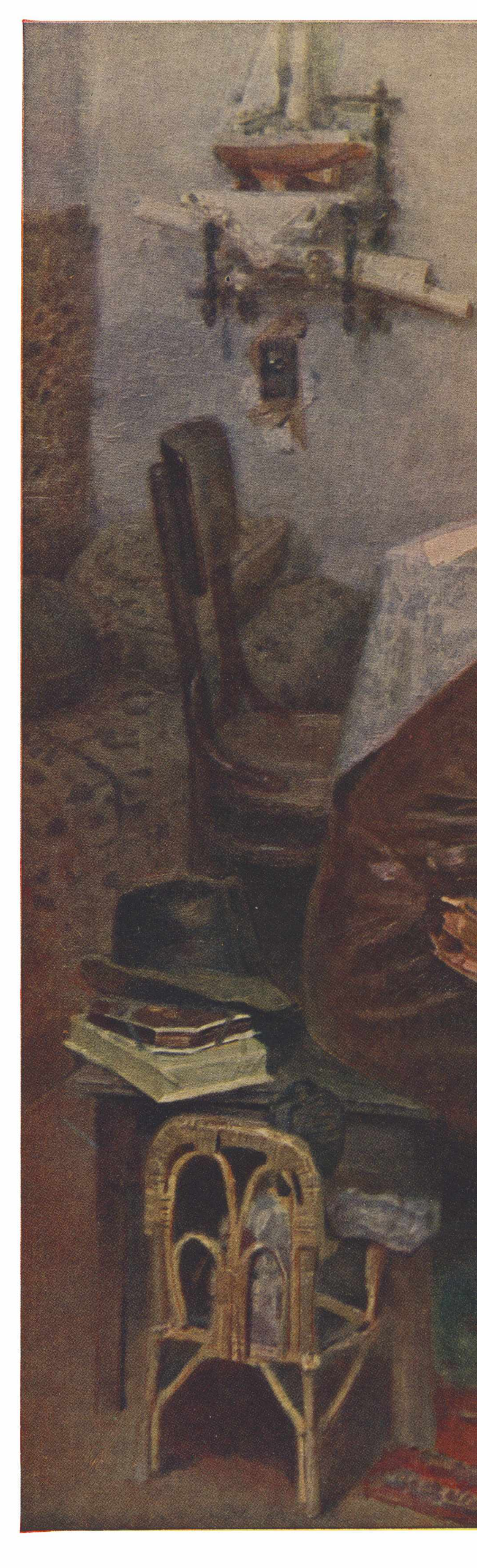
Мы с Григорием Титовичем Коротковым покидали вершину последними. На спуске он вдруг остановился и, всматриваясь в синеватую даль необозримого пространства, сказал:

— Лягут эти горбатые хребты, кручи, долины на карту, побегут по ней голубые стежки рек, ручейков, зелеными пятнами обозначится тайга, только никому не прочесть на ней того, что перенесли мы тут, на Алгычане...

С. И. Васильковский. 1854—1917. К ВЕСНЕ (Харьковщина).

С. И. Васильковский. ИНДЮКИ. Из частного собрания.

С. А. Григорьев. ВЕРНУЛСЯ.

«Вернулся»

Судьбы живописных произведений бывают разными. Перед одними из них стоят ценители, которые, не торопясь, долго и со вкусом обсуждают удавшийся тон, эффектный мазок, верность общего колорита, необычную композицию. Мимо других люди проходят, скользнув по картине равнодушным взглядом. У третьей картины неистово спорит поклонник художника с человеком, который заранее, узнав лишь одну фамилию автора, уже настроился отрицательно и по отношению к новой картине.

А бывает и так. В зале появляется полотно, у которого и ценители, и не искушенные в живописи зрители, и противники художника — все стоят подолгу и тихо.

О таком впечатлении от новой картины Сергея Алексеевича Григорьева и написал в книге записей один из зрителей, киевлянин. Вместе с другими он очень долго стоял у картины, потом долго сидел над книгой записей и в конце концов написал очень мало:

«Был свидетелем тишины, которая убедительно говорит о сильном действии картины. Люблю такую живопись». И в волнении забыл даже поставить свою подпись.

Если же у картины «Вернулся» после раздумий возникали споры, то спорили не о колорите и не о мазках. Спорили о том, простит она его или не простит. И об этом же писали в книге записей:

«Умная и нужная картина. Еще не известно, простят ли возвратившегося,— и в этом сила».

«Оставить такую семью, такую женщину мог только подлец или разложившийся человек. И я не знаю, прощать ли ему сразу».

«Вообще, глядя на картину, я мог бы рассказать жизнь четырех душ за последние два года».

По картине С. А. Григорьева действительно можно рассказать историю семьи.

Два года. И вот... один день. Отец вернулся в брошенную им когда-то семью. Что было пять минут назад? Девочка с бантом угощала из чашечки плюшевого медвежонка. За маленьким столиком важно восседала другая кукла. Усталая мать пришла с работы; надо проверить и уроки сына и успеть заштопать чулочки для дочери.

Открылись двери. Отец вернулся в семью в скользком пальто, в изысканной, но уже помятой шляпе болотного цвета. Он даже принес подарки. И... оробел. Сел на дочкин столик, положив за спину свои подарки. Дочка дичится и прячется за мать: она почти забыла отца. Сын помнит, но обошел вокруг стола и встал рядом с матерью, почти не глядя на отца: «Эх, папа, папа!»... На этажерке слева — все нехитрое хозяйство сына: самодельный корабль, электрический фонарик, чертежи. Прямо на стене портрет счастливой молодой женщины. Это ее портрет, матери, и сделан он был, еще когда ни о каких драмах не думалось... А рядом на стене — не выгоревший на солнце прямоугольник. Когда-то здесь висел другой портрет.

Но главное в этой картине не первый план. Главное в ней — фигура и лицо женщины, исполненные художником с живописным блеском и ласковой кистью.

С. А. Григорьев убеждающе говорит: вот как красивы наши женщины! Любите семью!

Думается, что ни один из советских зрителей не пройдет равнодушно мимо острого сюжета картины. Воспитательное достоинство картины бесспорно. Бесспорно и мастерство художника.

В. КЛИМАШИН

И. П. Похитонов. 1850—1923.

ВЕСНА НА ЮГЕ.

Из частного собрания.

Простой, нехитрый сюжет или выразительный портрет, а чаще всего лирический, задушевный пейзаж — вот что характерно для творчества Ивана Павловича Похитонова.

Для своих пейзажей Похитонов находит на палитре радостные краски. Его картина «Весна на юге» наполнена теплым воздухом и светом. Так и хочется вслед за художником пройти по отогревшейся земле, по только что пробившейся зелени.

Благородно-сдержанная, спокойная гамма тонов и живописная манера говорят о большом профессиональном мастерстве художника.

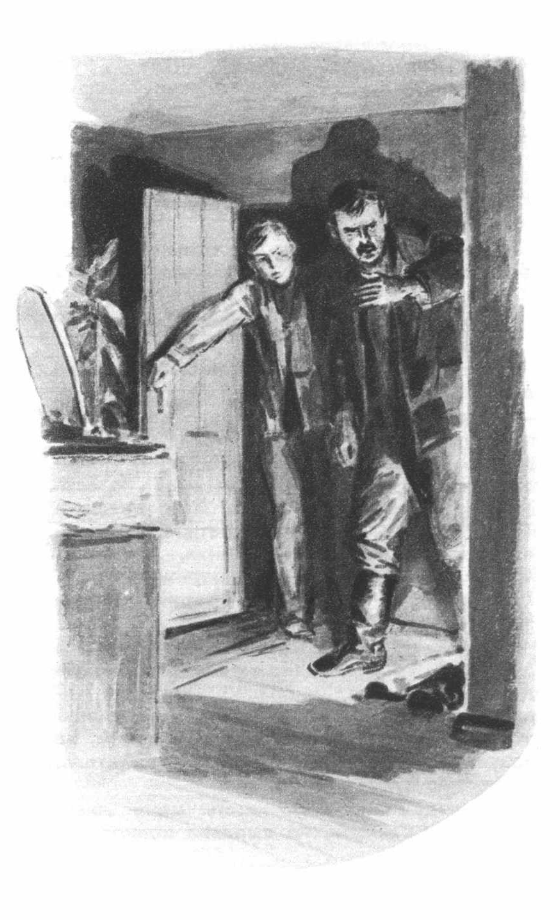
Лучшие традиции русской и украинской пейзажной живописи развивает Сергей Иванович Васильковский — известный украинский художник. Он умеет проникновенно передавать красоту природы — прозрачный воздух морозного январского дня, летний зной, трепет пробуждающейся весной жизни. Все его произведения наполнены непосредственностью чувств и правдой жизни. Во многие свои пейзажные работы Васильковский вводит жанровые зарисовки, и это всегда согревает пейзаж, придает ему еще большую жизненную достоверность.

МАСТЕРСКАЯ ПЫРИНА

(Из романа «Закипела сталь»)

Владимир ПОПОВ

Рисунки Г. Балашова.

Ожидая прихода Павла Прасолова, Сердюк нетерпеливо мерил шагами небольшую комнату своей тетки, уставленную старомодной мебелью. Тетка, предусмотрительно отправленная к соседке, вот-вот могла придти, а Павла все не было.

«Прилип, что ли, там?» — сердился Андрей Васильевич, зная о любви парня к оружию.

У Павла действительно была страсть к револьверам. В детстве он не расставался с пистолетом, стрелявшим пробкой, позже появился пугач, а затем на смену ему пришли негодные револьверы, которые он выменивал у мальчишек своего поселка, целыми днями шнырявших в поисках добычи на заводских складах металлического лома. Он терпеливо возился со своим арсеналом, хранившимся в заброшенном курятнике, безуспешно пытаясь то исправить смятый в лепешку барабан, то выправить окончательно искривленный ствол, из которого, как говорил, посмеиваясь, его брат Петр, можно было, целясь в землю, попадать в небо.

В компетентности Павла Сердюк не сомневался.

Уже темнело, когда появился Павел, озабоченный и невеселый.

— Ну, как оружие? — спокойно спросил его Сердюк.

— Сто штук «ТТ» новеньких, один в один. Все осмотрел. Хотел из одного бабахнуть — не дали.

— Где? — возмутился Сердюк.

— Там же в погребе. У них он хорошо замаскирован. На люке, что в погреб ведет, буфет стоит тяжелющий, насилу вчетвером с места сдвинули.

— И ты ничего с собой не принес?

— Не дали. Я было отложил два «ТТ» и две лимонки, завернул в тряпочку — тряпочку специально с собой захватил,— да забрали, окаянные. «Мы, говорят, по счету приняли — по счету и сдадим. Дело военное. А тебя где-нибудь с этим сверточком поймают — и к ногтю».

— Правильно рассудили. И так ничего и не взял?

— Ей-ей!

— Ох, врешь, Паша! На тебя не похоже. Чтобы ты из оружия ничего не стащил, быть не может.

Павел потупил глаза.

— Неужели я пистолета не заработал, Андрей Васильевич?

— Куда дел? — потребовал Сердюк.

— Под крыльцом во дворе спрятал «ТТ» и лимонку.

— Неси.

Павел неохотно вышел и принес два свертка.

Сердюк развернул их, внимательно осмотрел пистолет, потом вынул капсюль из гранаты, положил на стол. Павел не сводил глаз с пистолета.

— Оружие как оружие,— заключил Андрей Васильевич. — А что тебя беспокоит?

— Обстановка в доме странная. Ничто ни к чему не подходит. Видно, с разных квартир натаскана. А какой подпольщик будет этим заниматься?

— А еще? — Сердюк чувствовал, что Павел не договорил до конца.

— Ребята не как ребята. Больно уж сытые все. По-моему, такими люди из окружения не выходят. Все по-солдатски остриженные, волосы короткие, словно сегодня из парикмахерской. Где бы это они могли? Если в армии стригли, то уже обрасти должны. А?

В пальцах Сердюка заерзала папироса. Он смял ее и бросил на пол. Потом взял со стола капсюль гранаты, взвесил его в руке, шагнул к печи, бросил в пылающие угли и выскочил из комнаты, увлекая за собой Павла.

Павел сжался, ожидая, что капсюль взорвется, но прошла минута — другая — было тихо. Сердюк, прикрыв лицо руками, вошел в комнату и заглянул в открытую печь. Раскаленный капсюль спокойно лежал на углях и уже начинал плавиться.

— Липа? — спросил Павел.

Сердюк кивнул головой. Он был бледен, глаза неподвижно уставились на раскидистый фикус у окна.

— Значит, выследили нас, Андрей Васильевич?

— Выследили, Паша.

— Доработались,— процедил Павел и, взяв со стола пистолет, сунул его за пояс брюк.

Давно, очень давно Сердюк не испытывал чувства ужаса. Теперь он его испытал. Перед его глазами прошла вереница людей: Теплова, Петр Прасолов, Мария Гревцова, Саша, которого он хорошо себе представлял. Кто выслежен? Может быть, их уже схватили, может быть, Теплову (почему-то он подумал именно о ней) терзают сейчас в гестапо? И во всем виноват он! Значит, слабо знает конспирацию, значит, не оправдал доверия партии.

Сердюк застонал и схватился за голову. Павел испуганно рванулся к нему. Это заставило Сердюка взять себя в руки. «Нет, сегодня их не возьмут,— подумал он. — У гестаповцев другой план: захватить всех. Это ясно. Иначе меня схватили бы первым. Значит, есть время для размышления, для действий».

— Мы еще поработаем,— тихо, как бы про себя, сказал он.— Слушай, Павел. Передай Тепловой приказ от моего имени немедленно уйти к Крайневу.

— Через линию фронта?

— Нет, она знает, куда.

— А я?

— Ты тоже с ней.

— Я останусь. Меня ведь только тайные агенты видели, а они в гестапо не ходят. У вас на явке я за последние два месяца первый раз.

— Возможно, тебя сегодня и выследили.

— Ну да,— усмехнулся Павел,— меня выследят! Я дворами сюда шел, дворами и уйду.

— На улице встретят.

— Тогда вот это пущу в ход! — Павел похлопал себя по бедру, где за поясом был спрятан «ТТ», который он решил не отдавать Сердюку ввиду чрезвычайных обстоятельств.

Андрей Васильевич с нежностью и тревогой посмотрел на паренька. Его соображения были логичны.

— Согласен при одном условии: поселишься в кочегарке и будешь там дневать и ночевать.

— Идет! — обрадовался Павел.— Меняю хату на кочегарку. От гестаповцев лучше всего прятаться в гестапо. А вы?

— Я и Пырин пока останемся. Надо, Паша, предупредить еще одного товарища.— Сердюк подумал о радисте.— А то придет в мастерскую на явку — и прямо в лапы...— И вдруг подошел к Павлу вплотную: — А нука, давай оружие!

— Андрей Васильевич!

— Давай, давай! Осмотрю — верну.

— Честное партийное?

— Честное. Давай.

Павел недоверчиво протянул пистолет.

Сердюк вынул обойму, проверил механизм — действует безотказно. Один за другим он разложил патроны на столе. Внимание привлекли легкие, почти незаметные простым глазом царапины на одной пуле. Царапины были расположены с обеих сторон. Значит, кто-то вынимал пулю из гильзы.

Вспомнился случай на границе, когда удалось задержать нарушителя без выстрела. Никаких обвинений, кроме попытки перейти границу, к нему предъявить не удавалось. О цели перехода он упорно молчал. Уличила только царапина на пуле. В подозрительном патроне обнаружили фотопленку со снимками секретных чертежей.

Сердюк торопливо принес ящик с инструментами, достал ручные тиски, зажал в них пулю. Она подалась без особого труда, и содержимое гильзы — мелкий желтый порошок, похожий на яичный,— высыпалось на скатерть.

Когда Сердюк поднес спичку, порошок не вспыхнул, а загорелся спокойным синим огоньком.

— Ну, счастье твое, Павел, что не выстрелил,— сказал он, опускаясь на стул, и показал глазами на все еще горевший порошок.— Это взрывчатка. Вместо выстрела — взрыв.

— Все предусмотрели, сволочи! — ужаснулся Павел.— Сам пистолет в порядке? — с надеждой в голосе спросил он.

— В порядке. А как удалось стащить?

— Схитрил. Коптилку перевернул, будто нечаянно. Пока зажигали, я за пазуху.

Сердюк вышел в кладовую, долго гремел там банками, бутылками и принес обойму с патронами.

— Бери — и марш выполнять задание. И помните о слежке.

* * *

Иваненко появился в мастерской на другой день.

Не каждый актер может быть разведчиком, но каждый разведчик должен быть актером. Сердюк встретил провокатора приветливо, даже самогоном угостил. Иваненко размяк, но при каждом скрипе наружной двери не забывал вздрагивать. Андрей Васильевич смотрел в его голубые приветливые глаза и думал, что все имеет свои пределы, только подлость безгранична.

Окончание. См. «Огонек» № 13.

— Вы когда решили действовать, Андрей Васильевич? — спросил Иваненко после второй рюмки самогона.

— В следующее воскресенье.

Брови у Иваненко внезапно сошлись.

— Так нельзя судьбу испытывать,— укоризненно сказал он.— Жить еще неделю на явочной квартире, где оружие спрятано! Облава, обыск — и сорвалась операция.

Иваненко держался так естественно, говорил так задушевно, что Сердюк на какой-то миг потерял ощущение, что перед ним враг.

— Операция — это пустяк. Лишь бы организация не провалилась.

— Но почему все-таки в воскресенье? — допытывался Иваненко.

— По трем причинам. Первое, всех оповестить не такое простое дело. Это не на общее собрание созвать. Второе, на менку люди больше всего по воскресеньям ходят. И есть третье соображение — ближе к годовщине Красной Армии. Это, так сказать, будет наш предпраздничный подарок. Понял, дружище?

Против таких аргументов возражать было трудно, и Иваненко не стал спорить и принялся излагать свои соображения:

— Операцию лучше начать попозже — часа в два ночи. Но долго держать в балочке такое количество людей опасно. Придется выступить часов в десять. А вам, Андрей Васильевич, безопаснее всего придти к нам, на Боковую, и уже оттуда вместе через степь. Все-таки нас будет пятеро.

«Все продумано. Хотят взять меня живьем»,— понял Сердюк, но выразил полное согласие с планом.

* * *

Прошло три дня после посещения Иваненко мастерской. Ни Павел, ни Валя Теплова к Пырину больше не являлись. За них Сердюк был спокоен. И за себя он совершенно не тревожился: до воскресенья — назначенного дня операции — его не схватят. Андрей Васильевич рассказал обо всем Пырину: явочная квартира выслежена, они находятся под угрозой ареста, но поста своего оставить пока не могут, так как в воскресенье днем должен придти на явку радист.

Пырин выслушал Сердюка с видом полнейшего безразличия: выслежен — так выслежен, ждать — так ждать. Ему было все равно — жить или умереть. Семья, к которой он был так привязан, погибла, и личная жизнь для него потеряла цену. Пока он помогал подпольной организации, он еще видел смысл существования. А уходить в заводские подземелья не хотелось.

— Вы напрасно так хладнокровно к этому относитесь,— сказал ему Сердюк.— Пытка в гестапо — штука неприятная.

— От меня ни звука не добьются,— заверил его Пырин.

Последнюю ночь Андрей Васильевич спал плохо, часто просыпался, вставал, ходил по комнате, курил. Нервное напряжение достигло предела.

Одно он знал твердо: до часа раздачи оружия, пока гестаповцы убеждены, что операция состоится, жизнь подпольщиков вне опасности. Но удастся ли им с Пыриным благополучно ускользнуть и что будет, если радист явится в следующее воскресенье? Гестаповцы безусловно засядут здесь — и он попадется. Только додумавшись поджечь перед уходом мастерскую, Сердюк немного успокоился. Придет радист, увидит — и все поймет.

Утром он засел в жилой половине дома и стал ждать. Около одиннадцати часов Пырин доложил, что пришел какой-то человек, назвал пароль и спросил Сердюка.

Поздоровавшись, вошедший лихорадочно сбросил полупальто, растегнул пояс брюк и достал радиограмму. Она была коротка: «В ваш район заброшены агенты гестапо, окончившие спецшколу. Опознавательные знаки школы — на одном рукаве пиджака две пуговицы, на другом одна. Примите меры к их ликвидации. Особенно Захар Иваненко. Крайне опасен. Снабжен партийным билетом».

Сердюк спокойно перечитал радиограмму и тут же сжег ее.

— Большое вам спасибо за весточку с Большой земли,— поблагодарил он радиста. — Кое-что мы разгадали сами, радиограмма подтверждает наши догадки. Спасибо.

Радист снял шапку, вытер пот с желтого, как у малярика, лица, нервно причесал волосы. Под правым, слегка косящим глазом часто билась выпуклая синенькая жилка.

«Трусоват,— заключил Сердюк и невольно усмехнулся.— А вот лицо Иваненко внушает доверие».

— Наши дела сейчас очень неважны,— сказал он, глядя радисту прямо в глаза.— Квартира эта выслежена и, очевидно, находится под наблюдением. Вам придется уйти черным ходом, а потом дворами и внимательно следить за тем, чтобы кто-нибудь не увязался. Передатчик у вас на дому?

— Н-нет,— замялся радист.

Вошел испуганный Пырин и шепнул, что в мастерской Иваненко.

Услышав эту фамилию, радист рванулся со стула и непонимающе уставился на Сердюка. Сердюк тоже заметно растерялся: встреча с Иваненко была назначена на пять часов вечера.

Андрей Васильевич вынул из кармана маленький пистолет, положил перед собой на стол, накрыл полотенцем.

— Впусти,— сказал он и обратился к радисту: — А ты сиди.

Вошел Иваненко, поздоровался с Сердюком, протянул руку радисту. Тот нехотя подал ему свою.

— Чего явился так рано? — поинтересовался Сердюк.

— Как тут усидишь дома, Андрей Васильевич?..

— Можешь при нем говорить все. Это свой,— сказал Сердюк и посмотрел на радиста, уставившегося на рукава Иваненко. Взглянул на них и Сердюк. На левом рукаве пиджака отсутствовала одна пуговица.

— Все остается без изменений? — осведомился Иваненко.— Вы заходите к нам, а ровно в десять...

— А что, Штаммер опасается, как бы срок не перенесли? — потеряв обычную выдержку, выкрикнул Сердюк и протянул руку под полотенце.

Провокатор от неожиданности отступил на шаг и в следующий миг сунул руку в карман.

Сердюк выстрелил на вскидку, не успев сбросить полотенце. Иваненко с пробитой головой рухнул на пол. Не выпуская из рук оружия, Сердюк подошел к нему, достал из кармана пистолет и пропуск для ночного хождения по городу. Больше ничего у провокатора не оказалось.

В дверь заглянул Пырин и тотчас вернулся к себе.

— Ловко вы его! — радист с трудом перевел дыхание и посмотрел в окно: не слышал ли кто из прохожих выстрела?

На улице было пусто.

— Рамы двойные, выстрел слабый,— успокоил его Сердюк и спросил: — Стрелять умеешь?

— Конечно.

— Тогда возьми.— Сердюк протянул пистолет.— Может, пригодится. Хотя лучше бы не пригодился.

Он нагнулся над Иваненко, рванул ворот его рубахи.

— Смотри, как тонко работают, даже шрам сделали. Попробуй, раскуси вот такого!

Труп засунули под кровать, спустили одеяло пониже.

Сердюк набросал текст радиограммы, в которой коротко сообщал о происшедшем, и дважды повторил, что связная схвачена гестапо.

— Передать немедленно.— Он протянул бумажку радисту.— Ночью тебя уже могут арестовать, если выследят. Сегодня — завтра не схватят,— значит, уцелеешь.

Он договорился о пароле, установил явку и проводил радиста черным ходом.

Рассказав Пырину о радиограмме из штаба, Сердюк приказал ему закрыть мастерскую, как обычно, а в десять часов придти в каменоломню за городом. Оттуда они проберутся в подземный водосборник.

— Значит, остальные филеры останутся в целости,— с укором сказал Пырин.— А приказ штаба?

— Не до жиру, быть бы живу,— отмахнулся Сердюк. Его самого мучила невозможность ликвидировать провокаторов.

Больше здесь делать было нечего, и Сердюк ушел дворами, беспрестанно озираясь, наблюдая, нет ли слежки.

* * *

Гейзен и Штаммер еще раз продумали свой план. В девять часов вечера партизаны, по данным Иваненко, должны собраться в небольшом овраге между городом и аэродромом. Вот здесь их и накроют.

Для проведения операции были созданы ударная группа окружения и резерв для оцепления на тот случай, если кому-нибудь из партизан удастся прорваться. По первому выстрелу в степи с аэродрома поднимутся самолеты, сбросят осветительные ракеты, и операция из ночной превратится в дневную.

Только одно обстоятельство тревожило гестаповцев: от Иваненко не приходил связной, который должен был подтвердить, что партизаны не отложили нападения на аэродром.

Около семи часов вечера прибежал агент, наблюдавший за мастерской, и доложил, что Пырин ушел, а Сердюк, Иваненко и еще какой-то третий на улице не показывались,— очевидно, дожидаются темноты.

Гейзен задумался, но велел ничего не изменять в плане операции.

* * *

Выполнить распоряжение Сердюка Пырин не собирался. У него созрел свой план. Закрыв мастерскую, он приподнял топором доску по-

ла в сенях и извлек из-под нее жестяную банку. В ней находились завернутые в ветошь капсюль и граната. Вернувшись в комнату, он поставил гранату на боевой взвод, тщательно укрепив кольцо, затем со свойственной ему аккуратностью пробил небольшое отверстие точно в середине крышки банки и продел в него шпагат. Один конец шпагата привязал за кольцо гранаты, сделал петельку на другом конце, вложил гранату в банку и закрыл крышку. Убедившись, что капсюль находится на столе, потянул петельку. В банке щелкнуло. Открыл крышку — предохранительное кольцо было снято, взвод спущен. Он повторил свой опыт несколько раз. Нехитрая механика действовала безотказно. Потянув шпагат, можно было взорвать гранату, не доставая ее из банки.

Пырин слабо улыбнулся, вложил капсюль в гранату, привел механизм в боевую готовность и завернул банку в газету, оставив петельку шпагата снаружи. Потом он разделся, помылся до пояса, вымыл ноги, надел чистое белье и решил позавтракать. Покосившись на кровать, под которой лежал труп провокатора, вынес еду в мастерскую и расположился за рабочим столом, на котором тикали часы, напоминая дружный стрекот кузнечиков в вечернем поле. Он выпил залпом стопку спирта, брезгливо поморщился и неторопливо съел картофель и капусту, которые полил постным маслом, оставшимся в бутылке.

Тщательно, по-хозяйски, заперев дверь мастерской, Пырин со свертком подмышкой побрел по городу.

На Боковой улице он замедлил шаг у невзрачного трехоконного домика, обращенного фасадом в степь. «Третий от угла,— отметил в памяти Алексей Иванович.— Найду и в потемках».

День стоял солнечный. Кое-где по дороге чернели проталины. Пырин вышел на пригорок и остановился. Сколько раз обозревал он отсюда город, дымный завод. Уныло выглядел теперь завод. Только один паровозик зачем-то бегал по его путям, надрывно свистя.

Дальше Пырин не пошел. Отойдя от дороги, присел на камень в небольшой ложбинке и стал смотреть в небо, где медленно плыли взъерошенные облака.

По дороге шли люди, изнуренные, мрачные, не разговаривая друг с другом. Это возвращались горожане из окрестных сел с небольшими узелками за плечами. Они тревожно всматривались в даль: нет ли впереди полицаев или гитлеровцев.

Когда начало заходить солнце, Пырин повернулся к западу и долго с тоской следил за медно-красным диском, медленно врезавшимся в землю.

— Увижу ли я его завтра? — вслух спросил он себя и покачал головой.— Навряд. А может, и увижу. Как обернется.

Уже стемнело, когда он поднялся и направился к городу. На Боковой улице отсчитал третий дом от угла и остановился. И вдруг безумно захотелось уйти отсюда, встретиться с Сердюком, жить... Ведь никто не узнает, что он смалодушничал.

Он уже повернулся, осторожно, на цыпочках, чтобы потихоньку удалиться, но тут же в мозгу ярко, как молния, вспыхнули слова приказа о ликвидации агентуры. «Кто же, кроме меня, выполнит этот приказ? — думал Пырин. — Сердюк — руководитель, он не имеет права рисковать жизнью, а я могу распоряжаться собой. Скольких людей спасу, умертвив гадов!»

И, чтобы не передумать, не потерять вернувшейся решимости, он бросился, как одержимый, к двери и порывисто постучал.

— Кто? — тотчас откликнулся человек.

Пырин продел палец в петлю шпагата, свисавшую из свертка.

— Здесь продается кровельное железо? — глухо спросил он и не узнал своего голоса.

Дверь мгновенно распахнулась, и Пырин шагнул в темную переднюю. Кто-то взял его за руку и помог переступить высокий порог. В комнате тоже было темно. «Что если убьют раньше, чем дерну за шпагат?» — мелькнула мысль.

В лицо ударил яркий свет электрического фонаря.

— Сердюк? — спросил кто-то.

— Нет, Сердюк придет позже,— ответил Пырин, щурясь от света.

— А ты кто?

— Его помощник.

Фонарь погас. Чиркнула спичка, зажглась лампа, и Пырин увидел трех вооруженных пистолетами мужчин, стриженных под машинку.

Тотчас резко распахнулась дверь из другой комнаты, и оттуда выскочили четверо в гестаповской форме.

«Ого, семеро! — обрадовался Пырин.— Ей богу, за это стоит, Сердюк простит».

— Ручки на всякий случай вверх! — скомандовал один из стриженых, хотя хилая фигура Пырина не возбудила в нем никаких опасений.

Пырин конвульсивно дернул шпагат, выронил банку, одним прыжком выскочил в сени и упал. Раздался выстрел, и в следующий миг его оглушил сильный взрыв. Но он встал, нащупал задвижку, толкнул входную дверь и выскочил на улицу. Свежий ветер пахнул в лицо.

«Ушел»,— подумал Пырин, не видя солдат, бежавших к нему из засады, не слыша топота их сапог. В то же мгновенье кто-то огромный и тяжелый, как медведь, набросился на него сзади, свалил на землю и оглушил ударом.

* * *

Сердюк стоял у каменоломни, наблюдая фейерверк в степи. Здесь была ночь, а в районе аэродрома день. Гитлеровцы не пожалели ракет. Их висело столько, что можно было бы осветить поле сражения.

Постепенно ракеты погасли, степь погрузилась во мрак, а Пырина все не было. Сердюк прождал его до рассвета и с тяжелым сердцем направился к входу в подземное хозяйство.

Ответ на вопросы читателей

Там, где испытывают атомные бомбы

Как сообщала печать, 1 марта в районе острова Бикини был произведен атомный взрыв, жертвой которого оказались несколько мирных рыбачьих судов и их команды, находившиеся в море. В связи с этим сообщением некоторые читатели «Огонька» обратились в редакцию с просьбой рассказать об островах Микронезии.

На протяжении последних месяцев в районе островов Эниветок и Бикини (Микронезия) американская военщина проводила обширные подготовительные работы к испытанию водородной бомбы, а также некоторых видов атомного оружия. По сообщению американского агентства Юнайтед пресс, к марту эти работы были закончены. В район испытания водородной и атомной бомб направились военные корабли и самолеты. Туда же выехали многочисленные военные специалисты и представители различных родов войск.

Это не первый случай использования Микронезии для подобного рода экспериментов. После второй мировой войны эти острова были превращены США в военный плацдарм американского империализма на Дальнем Востоке. Там было создано огромное количество военных, военно-морских и военно-воздушных баз (по некоторым данным, их число превышает 200). Некоторые острова и прибрежные воды стали полигонами для испытания атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения. Над Бикини первая атомная бомба была взорвана американцами в июле 1946 года. Правда, туземное население острова не погибло в результате взрыва: ему была предоставлена возможность без пищи и крова умирать на других островах.

Для производства разного рода опытов со смертоносными видами оружия используется и другой крупный остров Микронезии — Эниветок. Население этого острова также было насильно переселено на другие острова и в настоящее время влачит там жалкое существование. Для различных целей американской армии используется более 63 процентов всей площади островов. Микронезия объявлена американской военно-стратегической зоной. Она полностью закрыта для внешнего мира. Коренное население этой страны фактически находится под властью безграничного произвола американской военщины.

Что же представляет собой Микронезия?

Острова Микронезии — Маршаллова, Марианская и Каролинская группы, общим количеством до тысячи пятисот — разбросаны в западной части Тихоокеанского бассейна. На протяжении около трех столетий они были объектом неослабевающей и жестокой борьбы сильнейших государств мира, стремившихся к господству в странах Тихого океана. Сначала испанские завоеватели, потом немецкие купцы, затем японские захватчики и, наконец, американские «опекуны» насаждали здесь так называемую цивилизацию. Плоды этой деятельности — упадок и вымирание племен, с незапамятных времен населявших острова, племен, которые, по свидетельству источников XVIII века, были «многочисленными и процветающими».

Население Микронезии издревле вело непритязательный образ жизни рыбаков, охотников, скотоводов. Но цвет кожи жителей островов темнокоричневый, и этого было достаточно для того, чтобы они в полной мере разделили трагическую судьбу «цветных рабов» в других колониальных странах. Многие племена, обитавшие на островах Микронезии, исчезли совсем. Оставшиеся были обречены на гибель.

В 1920 году Япония приняла от Лиги Наций мандат на управление Микронезией и взяла на себя обязательство «обеспечить благосостояние ее народа и ее прогресс в направлении независимости».

Началось «освоение», которое продолжалось вплоть до окончания второй мировой войны. Скрытно от внешнего мира на этом, как говорили токийские милитаристы, «жизненно важном пространстве», шло широкое и ускоренное строительство военных сооружений. Япония готовилась к войне. На островах был введен жесткий военный режим. За нищенскую плату коренное население должно было выполнять тяжелый труд неквалифицированных рабочих на строительстве. Пастбища и поля стали собственностью японских колонизаторов. Когда-то сильные туземные племена чоморро, канеки и остатки других племен быстро исчезали. Из ста тысяч туземцев на островах осталось только пятьдесят тысяч.

После второй мировой войны место японских империалистов заняли американские. По примеру своих предшественников они тоже подписались под торжественным обязательством: в соответствии со статьей 73-й устава ООН «обеспечивать, соблюдая должное уважение к культуре указанных народов, их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотреблений».

И снова обещания остались на бумаге. Американские империалисты, по существу, продолжают на островах жестокую политику японцев, придав ей свои, американские масштабы.

Объявив Микронезию «стратегической зоной», новые ее хозяева тотчас же приступили здесь к созданию многочисленных военных баз и аэродромов. Острова поставлены под прямой контроль американских военных властей. Въезд туда строго запрещен. Туземцы вновь используются на строительстве военных сооружений и выполняют самые трудоемкие работы, получая в 15—20 раз меньше, чем американский неквалифицированный рабочий.

За четыре года войны против Японии наиболее крупные острова (Сайпан, Трук, Понапе и другие), на которых проживает бóльшая часть туземного населения и где была сосредоточена основная промышленность Микронезии, подверглись многократным и ожесточенным бомбардировкам с воздуха и обстрелам с моря. На островах шли длительные военные операции. Жилища микронезийцев были разрушены, плантации сахарного тростника и хлебных деревьев почти полностью уничтожены. Такая же судьба постигла сахарные и спиртовые заводы, рыболовные промыслы. Ни победители — американцы, — ни побежденные — японцы, — разумеется, и не помышляли о возмещении населению нанесенного ущерба или хотя бы о частичном восстановлении разрушенного. Американских монополистов не интересует сахар, когда-то вывозившийся из Микронезии. Исключение составляет, пожалуй, спиртоводочная и кустарная промышленность: ведь американскому солдату полагается ежедневная порция спиртного, а богатые янки — большие любители разного рода сувениров. Они скупают кустарные изделия микронезийцев, предусмотрительно установив на эти изделия «твердые», то есть крайне низкие, цены.

На островах, как и сто лет назад, царит темнота и неграмотность. Здесь существуют только начальные школы, которые представляют жалкое зрелище: на их содержание не отпускается почти никаких средств.

Широко распространены тут туберкулез, проказа, трахома. Но почти никакой медицинской помощи население не получает. Вымирание туземцев продолжается. Американских колонизаторов это, конечно, мало волнует: для них острова Микронезии — прежде всего стратегическая позиция на Дальнем Востоке.

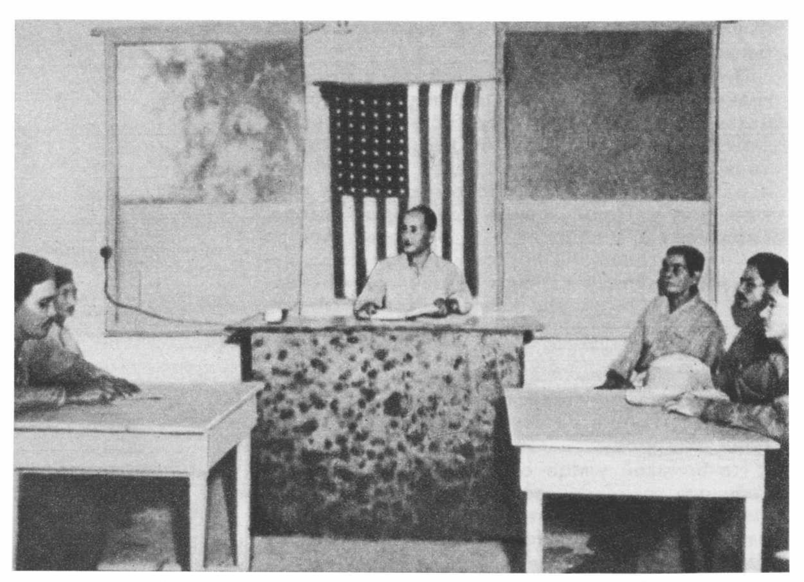
Касаясь положения в Микронезии, бывший военный министр США Круг признал, что «население островов умирает от голода, а военно-морские власти совершенно безучастны к создавшемуся положению».

Народ Микронезии не раз поднимался против угнетателей. В американском «Справочнике по подопечным островам в Тихом океане» говорится, что «туземцы не раз с оружием в руках оказывали сопротивление чужеземцам. При немцах жители района Понапе открыто восстали против мероприятий официальных властей. Японцы на первых порах оккупации острова Трук также встретились с сопротивлением местного населения...»

Несмотря на разобщенность, жестокую военную оккупацию, народные массы островов Микронезии используют всякую возможность для борьбы против насилий колонизаторов. В июле прошлого года при обсуждении в Совете по опеке ООН отчета американского правительства об управлении подопечной территорией «Тихоокеанские о-ва» от микронезийцев поступило свыше тысячи заявлений с требованием вернуть им их земли, отнятые американскими военными властями, и предоставить жителям островов элементарные права.

И здесь, на заброшенных в океане островах, трудящиеся присоединяются к борьбе прогрессивного человечества за свободу и мир.

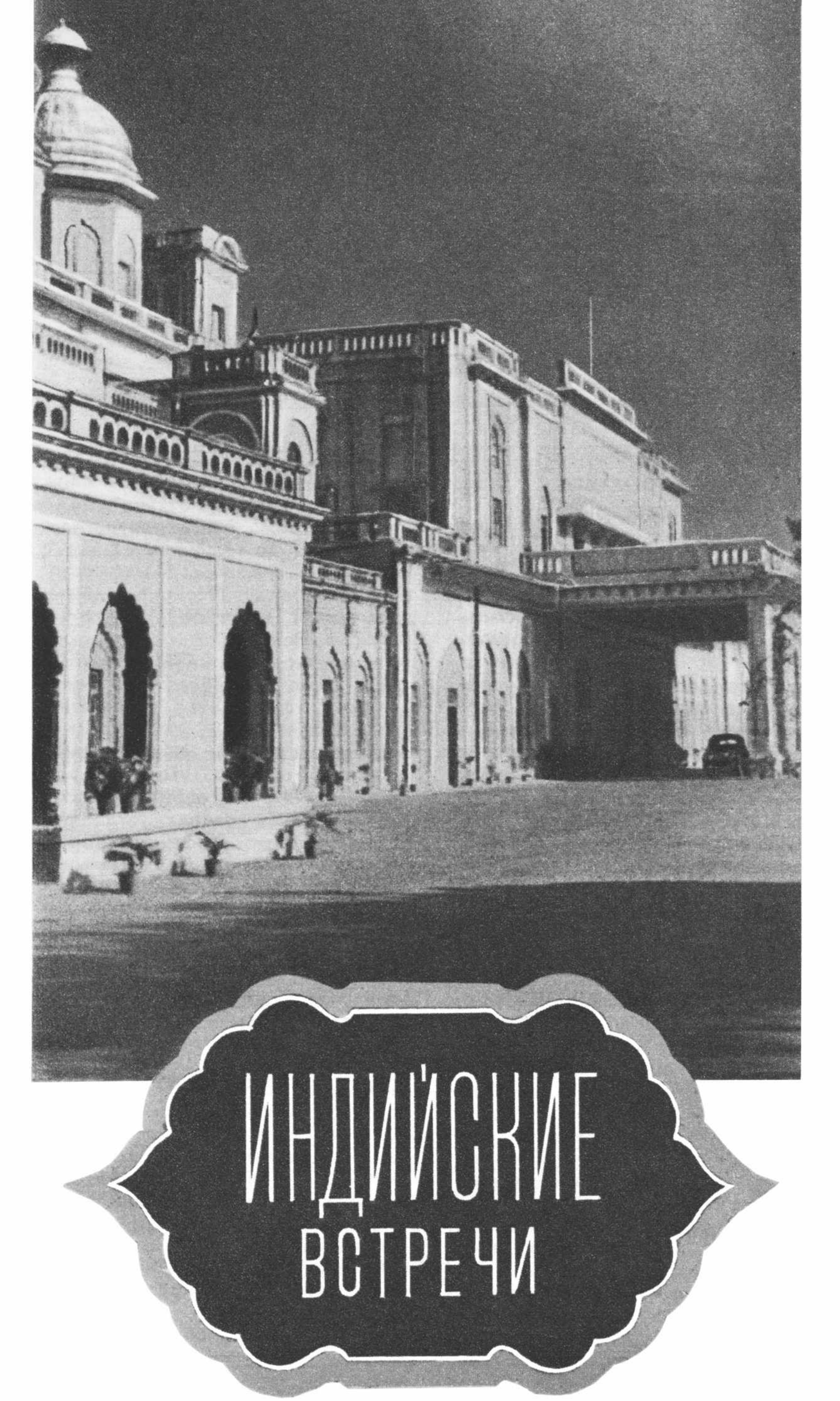
М. АНДРЕЕВ

Суд на островах Микронезии вершат американцы.

Островную полицию обучают американцы.

Институт в Лакнау.
←

ИНДИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Академик В. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ

Фото автора.

Мы вылетели из Москвы морозным декабрьским утром. А здесь, в Бомбее, стояла жара. Голубое небо, белые здания, яркая зелень пальм, и всюду цветы, множество благоухающих цветов. Белые цветочные гирлянды надевают и на нас.

Сколько здесь друзей! Вот доктор Сокхей, лауреат международной Сталинской премии; с ним я познакомился еще в 1950 году и не раз встречался в Вене, на международном конгрессе медиков, и в Москве; тут и профессор В. Р. Канолькар, с которым я встречался, когда впервые приезжал в Индию четыре года назад. Нас окружают представители научной общественности Бомбея, Индо-советской культурной ассоциации.

В Бомбее мы побывали в бактериологическом институте. Это — крупнейшее микробиологическое учреждение Индии. Здесь вырабатывают лечебные сыворотки, в том числе противочумную. Нам показали и лабораторию, где производится сыворотка против укуса змей.

Змеи — страшный бич Индии. Здесь встречается большое разнообразие змей — всего около трехсот видов. Шестиметровые питоны, огромные гадюки, кобры, среди которых королевская достигает двух метров. Особенно распространена небольшая, но страшная своим ядом змея караит. Благодаря серой, как пыль, окраске она часто незаметно заползает в дома. От укусов ядовитых змей в Индии ежегодно гибнут многие тысячи людей.

Бактериологический институт располагает собственной «змеиной фермой»; вырабатываемая им сыворотка спасает жизни тысячам индийцев. При нас в лабораторию принесли корзину с живыми кобрами. Служитель, пожилой индиец в белом тюрбане, смело открыл корзину, быстрым движением выхватил змею, бросил ее на пол и, наступив на хвост ногой, специальной развилкой прижал ее голову. Потом схватил злобно шипящего гада за затылок и поднес к пасти небольшой стеклянный сосуд, затянутый тонкой резиновой пленкой: кусай, пожалуйста! И действительно, молниеносным движением змея прокусывает пленку, выпуская на дно сосуда несколько капель прозрачного желтоватого яда.

Четыре года назад, будучи в Бомбее, я знакомился с работой сравнительно небольшого экспериментального отдела ракового госпиталя. Теперь он вырос в большой научно-исследовательский институт по изучению раковых заболеваний, руководимый доктором Канолькаром. Здесь ведется серьезная исследовательская и экспериментальная работа.

Другим наглядным свидетельством быстрого развития индийской науки явилась торжественная закладка нового здания Института фундаментальных научных исследований, возглавляемого одним из крупнейших индийских физиков, доктором Хоми Бхабха. На церемонии закладки присутствовал премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Обратившись к собравшимся с большой речью, он говорил о миролюбивых устремлениях индийской науки, о мирной направленности исследований по ядерной физике, которые будет проводить коллектив нового института.

Через несколько дней мы прилетели в город Хайдарабад — центр одноименного штата. Здесь недавно выстроено новое здание Османского университета. Все в нем — и внешнее оформление, и прохладные внутренние дворики, и искусная резьба, и мозаика в аудиториях и кабинетах — выдержано в восточном стиле. Мы посетили тут прекрасный биологический музей, созданный профессором Сингхом. Проходя по его обширным залам, вы как бы совершаете увлекательное путешествие по Индии, знакомитесь с ее разнообразнейшей фауной. Музей служит не только для учебных целей: в нем ведутся и научные исследования. От профессора Сингха я услышал высокую оценку работ советских ученых, в частности нашего выдающегося гельминтолога академика Скрябина.

В дни нашего пребывания в Хайдарабаде состоялось открытие нового крупного научного учреждения — Центральной научно-индустриальной лаборатории. Ее возглавляет профессор Хусейн Захир. Несколько лет назад, когда я впервые был в Хайдарабаде, эта лаборатория ютилась в тесном, неприспособленном помещении. Сейчас она занимает большое и отлично оборудованное здание. Здесь развернуты интенсивные исследования, в частности в области физико-химии, химической технологии, а также синтетического получения лекарственных веществ.

2 января в Хайдарабаде торжественно открылась 41-я сессия Индийского научного конгресса. Эта организация объединяет представителей всех естественных наук: физиков, химиков, математиков, медиков, агрономов и т. д. Конгресс собирается ежегодно в одном из университетских центров. Его сессии являются значительным событием в научной жизни страны. Достаточно сказать, что на 41-й сессии — в ней приняло участие около 2 000 делегатов — было прочитано несколько сот докладов.

Конгресс открылся в прекрасном саду Османского университета. Под огромным полосатым балдахином разместились президиум и гости — ученые СССР, Англии, США, Франции, Норвегии, Японии и других стран. Остальные участники уселись на скамьях под открытым небом. После вступительной речи премьер-министра Неру начались заседания секций. На пленарных заседаниях индийские ученые, как гостеприимные хозяева, предложили иностранным гостям сделать доклады.

С интересным программным докладом на секции физиологии, в заседаниях которой я тоже принимал участие, выступил ее председатель профессор Сен. Его доклад был посвящен социальному значению физиологических исследований. Надо сказать, что в последние годы индийские физиологи направили свои исследования на разрешение таких важных для народа проблем, как белковое питание, физиология животноводства, сохранение пищевых продуктов в жарком климате.

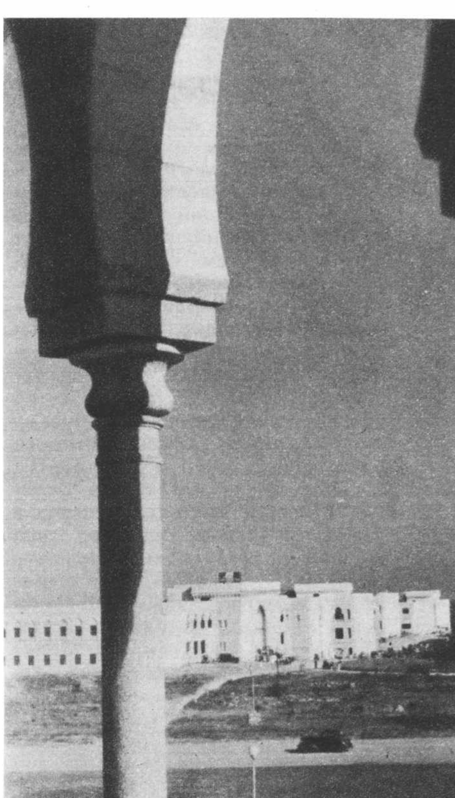
Профессор Сен поставил перед физиологами широкие задачи. Он сказал: «На ряд предстоящих лет у нас есть одна цель — избавить нашу страну от голода, болезней, нищеты и невежества, обеспечить нашу родину средствами для повышения общего благосостояния, улучшения здоровья и создания радостной жизни».

Закончился конгресс. Делегаты группами отправились в экскурсии. Мы поехали в Бангалур, чтобы повидаться с выдающимся индийским ученым В. Раманом, членом-корреспондентом Академии наук СССР, имя которого известно каждому химику и физику.

Бангалур лежит на высоком Деканском плато, в окружении базальтовых вершин. Это была самая южная точка маршрута нашего путешествия — 12 градусов северной широты. Горы и близость к экватору придают Бангалуру особое своеобразие. Тропический город в горах!

Дом Рамана стоит на окраине, в стороне от шумных и пыльных улиц. Хозяин и его жена встречают нас в саду. Раману за шестьдесят, но он бодр, необычайно подвижен и говорит с увлечением. Гостеприимные хозяева прежде всего показывают нам сад. Тут не

Здание Османского университета.

Советские ученые в гостях у Рамана (третий справа).

только пышная тропическая растительность, но и масса фруктовых деревьев и образцовый огород.

— Мы питаемся почти исключительно тем, что вырастили у себя,— говорит Раман.

Знаменитый ученый горячо любит свой народ. Во всем укладе жизни Рамана бережно сохранены национальные индийские черты — и в убранстве комнат, и в одежде, и в пище.

За чашкой душистого чая ученый рассказывал об исследованиях по оптике, которые он ведет в институте.

— Индийская культура, — говорил Раман,— одна из древнейших в мире. Индийские мудрецы стремились познать тайны природы. Они мечтали о том, чтобы природа служила человеку, сделала его счастливым. Сейчас наука владеет одной из величайших тайн природы, одной из самых могущественных ее сил — атомной энергией. Она может принести человечеству неизмеримую пользу. Но задача ученых — вырвать эту силу из рук тех, кто хочет использовать ее для уничтожения людей, для целей войны.

Раман с увлечением рассказывает о своих планах научной деятельности. Он хочет заняться изучением физики звезд. В этой области советские астрофизики добились выдающихся успехов. Труды Амбарцумяна, Фесенкова и других советских исследователей заложили здесь новые основы...

Побывали мы и в Калькутте. В этом огромном городе с многомиллионным населением находится крупнейший ботанический сад, занимающий несколько сот гектаров. В нем собраны растения со всех уголков земного шара. Лучшее украшение сада — пальмы, растущие по всей Индии, высокие королевские, кокосовые, финиковые. Тут встретишь и бананы с гроздьями по 200 плодов, и заросли бамбука, и дерево манго, плоды которого напоминают по вкусу персик и апельсин, и гигантское дерево талипат с листьями в метр и более. Поражает своими размерами разновидность фикуса — баньян. Это — огромное дерево с многочисленными воздушными корнями, под кроной которого может разместиться более тысячи человек. Некоторые деревья густо перевиты лианами, крепкими, как канаты.

В Калькуттском университете я встретился с крупнейшим индийским биохимиком, доктором Б. С. Гуха, моим коллегой по Международному биохимическому комитету. Доктор Гуха показал свою хорошо оборудованную лабораторию, где он вместе с коллективом сотрудников ведет интересные исследования над процессами возникновения витаминов в живых организмах.

Мы побывали также в Институте гигиены, куда ежегодно для повышения квалификации съезжаются десятки врачей. Молодая женщина-ученый с увлечением знакомит нас с работой руководимого ею отдела охраны материнства.

Надо сказать, что индийские медики, особенно гигиенисты, добились значительных успехов по предупреждению заболеваний. Благодаря их усилиям в стране сильно снизились заболевания оспой, чумой, холерой. Сейчас они сосредоточили свои усилия на борьбе с малярией, которую министр здравоохранения Индии госпожа Раджкумари Амрит Каур в беседе с нами образно назвала «наш враг № 1».

К юго-востоку от столицы Индии — Дели — расположен город Лакнау, известный в истории как центр восстания сипаев 1857—1859 годов. В Лакнау находится Институт по изучению лекарственных веществ, руководимый профессором Мукерджи. Институт расположен в бывшем дворце местного набоба. Роскошные залы и комнаты дворца искусно приспособлены для лабораторий и кабинетов. Ученые этого института предложили ряд препаратов, которые, судя по первым результатам, могут стать эффективными средствами борьбы со свирепствующими в Индии амебными заболеваниями.

За полтора месяца мы объездили в Индии десятки городов, любовались изумительной природой, восхищались памятниками старины. Но самое незабываемое — это люди, тысячи индийцев, радостно встречавших нас всюду, куда бы мы ни приезжали, горячо приветствовавших Советский Союз, дружбу индийского и советского народов. Мы покинули Индию с чувством большой любви к этой стране, к ее чудесному народу, среди которого у нас много искренних друзей.

ПО ДОРОГАМ

Г. БОРОВИК, Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Знакомство на ярмарке

В выцветшем небе висит белое ледяное солнце. Кажется, посмотришь на него — и не оторвешь взгляда: примерзнет... Вправо и влево от дороги, насколько хватает глаз, снежная равнина, прочерченная редкими деревьями или кустарником. На севере — неясные в утреннем тумане очертания гигантских холмов — Матры. Солнце то зябко кутается в прозрачные облачка, и тогда равнина покрывается легкой тенью, то вновь сбрасывает одежды, и все вокруг сияет холодным блеском. Мороз.

Несмотря на холод, дорога оживленна. Катят на велосипедах две раскрасневшиеся от быстрой езды крестьянки в национальных костюмах: цветастая, в мельчайших складочках юбка, высокие черные сапожки, жакет, два платка — один на голове, другой на плечах и перевязан крестом на груди. Через минуту обгоняем телегу, груженную какой-то живностью. Чуть впереди — пожилой мадьяр в высокой меховой шапке, полушубке и сапогах, до такой степени надраенных, что они кажутся белыми, ведет корову. Оживление на дороге объясняется просто: недалеко Дьендьеш, а там сегодня ярмарка скота — одна из тех, что ежемесячно устраиваются в разных областях страны.

Просторная ярмарочная площадь Дьендьеша до отказа заполнена народом. Здесь покупатели и продавцы не только из ближайших сел и городков, но из всей области Хэвеш. Площадь забита телегами и велосипедами, которыми в Венгрии с одинаковым успехом пользуются как летом, так и зимой. Миновав многочисленные заграждения из этих средств транспорта, мы попадаем в царство свиней с такой длинной и курчавой щетиной, что их немудрено принять за овец. Невысокая каменная ограда отделяет свиной ряд от коровьего. Коровы с совершенным безразличием относятся к финансовым операциям, решающим их судьбы.

Но больше всего народу на конном базаре. Венгры знают толк в лошадях, и любо-дорого посмотреть, как здесь идет торговля. Вначале покупатель прохаживается сторонкой возле приглянувшейся ему лошади: то отступит на несколько шагов, словно перед картиной, и смотрит, склонив голову набок, то подойдет совсем близко или обойдет вокруг. Хозяин пока молчит: хорошая лошадь сама за себя скажет,— он только взглядом косит на покупателя да как бы между прочим поправит красиво спадающую на шею гриву. Покупатель начинает «детальный» осмотр лошади: глянет в зубы, пощупает ноги... Знающий ей цену хозяин пока не вмешивается; он спокойно греет руки над дымящимся рядом костерком. Самый бурный этап по-

Перед рыночной площадью.

ВЕНГРИИ

купки — торг. «Заинтересованные стороны» долго спорят, кидают длинные меховые шапки на снег, взывают к окружающим, бьют по рукам — и... расходятся. Потом снова спорят, снова хлопают, опять взывают и наконец приходят к соглашению. Сделка совершена.

Высокий худощавый человек с живым, изрезанным глубокими морщинами лицом и немного лукавыми глазами придирчиво осматривает черную трехлетку с белым пятнышком на лбу. Он отрицательно качает головой: лошадь ему не нравится.

— Товарищ Мичурин,— с обидой в голосе отзывается хозяин,— да вы такой на всей ярмарке не сыщете!

Мичурин? Нам, наверное, послышалось. Нет, опять хозяин повторяет: «Мичурин, эльфтарш» — товарищ Мичурин.

— Так это же Вираг Герге,— объясняет нам стоящий рядом крестьянин.— Его вся область, даже жена «Мичуриным» зовет. Он тут неподалеку, в селе Аткар, председательствует, километров шесть — семь, в кооперативе имени Мичурина. Сегодня они лошадей закупают. Ох, придирчивый!

Тут же состоялось наше знакомство с Герге Вирагом.

— К нам в кооператив? Да, пожалуйста, в любое время. Давайте хоть завтра. У нас, правда, утром совещание будет насчет курсов виноградарства, это вам, может, неинтересно, так вы после двенадцати приезжайте...

В аткарском кооперативе

В прокуренной комнате правления кооператива имени Мичурина сидит человек двадцать. Обсуждают доклад председателя. Здесь не только мичуринцы, но и представители соседних кооперативов и единоличники. Не спеша перебрасываются словами, говорят медленно, с расстановкой: торопливость не в почете. Большинство одобрительно относится к идее курсов: площадь под виноградом расширяется, от этого кооперативу выгода и государству польза.

— Э, курсы, курсы! А на что нужны они? Разве никогда виноград не разводили? Да и не знаю, как другие, а я стар учиться. Поздно! — говорит неожиданно высокий рыжеусый крестьянин и садится, мрачно подперев рукой подбородок.

Собрание приняло это заявление спокойно.

И только седоволосый небольшого роста крестьянин с франтовато повязанным кашне раскипятился:

— Да как ты можешь говорить такое, Болош? Одно дело — самому на четверти хольда виноград сажать, другое — в кооперативе. Тут наука требуется. А насчет старости, так и я, Лойчик Пал, не моложе тебя: мне в апреле шестьдесят,— а учиться пойду и сам учить буду!

Собрание шло своим чередом, а Лойчик еще долго шепотом уговаривал Болоша, то и дело обращаясь за подтверждением к соседу справа, Яношу Урачу.

— Ну как, удалось убедить? — спросили мы Лойчика после совещания.

Тот улыбнулся:

— Точно не обещал, но сказал, что подумает. Раз колеблется,— значит, придет.

Видимо, уверенность Лойчика основывалась на его личном опыте. Совсем недавно он сам колебался в очень серьезных вопросах.

Лойчик живет в Аткаре всю свою жизнь. После первой мировой войны он на скопленные средства приобрел один хольд, то есть полгектара, земли и стал «землевладельцем». Хозяйство шло еле-еле, хоть трудился он на своем хольде не покладая рук. После освобождения по земельной реформе он получил еще пять хольдов, и сразу жизнь пошла другая, непохожая на старую. Кооператив в Аткаре он встретил не особенно приветливо. Сомневался: «Зачем от хорошей жизни уходить, неизвестно, как в кооперативе дело обернется». Но дело оборачивалось там явно хорошо, и, поколебавшись год, он вступил. А на другой год вышел из кооператива вместе с одиннадцатью другими. Почему? «Не сошелся» с председателем, с «Мичуриным».

— Да разве один «Мичурин» в кооперативе?

— Один не один, а все равно не мог я выдержать, чтобы он командовал, а я — в подчинении. Ведь мы вместе росли, вместе по Аткару без штанов бегали...

И опять начались у Лойчика колебания. Теперь, правда, это продолжалось не год, а всего несколько месяцев. Кооператив собрал небывалый урожай. Продукты за трудодни тракторами развозили: лошадям не под силу. Девять семей новые дома себе построили, другие мебель накупили, радиоприемники, велосипеды. В общем пришел Лойчик в правление, попросился обратно.

— Ну, а как же Вираг? Вы теперь с его руководством согласны? — поинтересовались мы.

— Сегодня он очень правильно насчет курсов говорил,— уклончиво ответил Лойчик.

— А из-за чего другие одиннадцать ушли?

— Э, чужая душа — потемки! — услышали мы в ответ.

Лойчик, видимо, не хотел распространяться на эту тему.

— Тут все дело в том, что у нас еще много внутреннего вражья,

В коровьем ряду.

Лойчик уговаривает Болоша. Слева — Янош Урач.

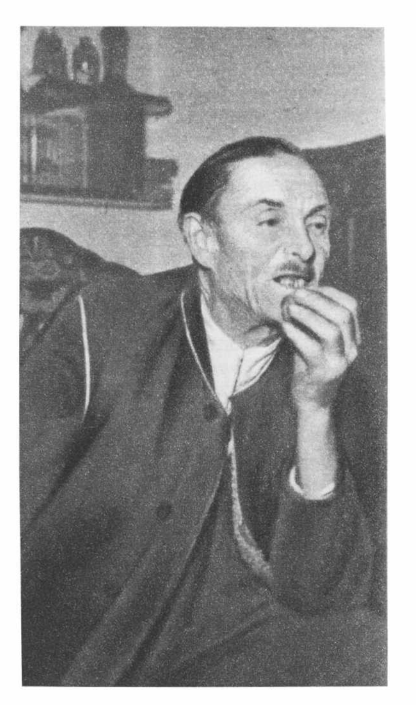
ну, и, конечно, внешнего,— говорил нам вечером Вираг — «Мичурин», когда разговор зашел о кооперативных делах. — Причем вражьé самое умное и хитрое осталось. Поглупее — те давно себя выдали, а эти сидят замаскированные — не сразу поймешь, откуда ветер дует... Перед жатвой кулаки по деревне распространили слух, будто ни грамма зерна члены кооператива не получат. Кое-кто из крестьян забеспокоился. Правлению пришлось принимать контрмеры — выдали часть собранного хлеба досрочно, авансом. Собрали урожай, стали делить по трудодням — богато. А по деревне пущен новый слух: все это, мол, пропаганда, завтра обратно заберут.

Большинство таким слухам, конечно, не верит,— продолжал Вираг, — но кто послабее, на удочку частенько попадается... Те двенадцать, что ушли из кооператива в прошлом году, как раз из слабых. Но правда всегда свое возьмет. Они теперь все назад просятся. Лойчика мы приняли уже. Остальных тоже примем — ошибки ведь у каждого бывают,— только не всех сразу, а постепенно... И, знаете, нет худа без добра: их ошибка оказалась хорошей агитацией за кооператив.

Мне тут недавно пришлось и с другой агитацией познакомиться, — смеется председатель. — В сентябре прошлого года выступал я в Будапеште на совещании передовых работников МТС и кооперативов. И вот через несколько дней говорят мне, что американская радиостанция «Свободная Европа» заявила: мы, дескать, понимаем, господин Вираг, что вы по бумажке выступали, а бумажку эту вам составили, иначе вы, конечно, не подталкивали бы вперед телегу коммунистов...

Когда в селе про бумажку эту рассказали, смех стоял: все знают, что я никогда по написанному не говорю, разве что цифры иногда запишу на всякий случай. А вот насчет «телеги коммунистов» меня зло взяло.— Вираг медленно произносит каждое слово, и его лицо становится серьезным и жестким.— «Какую же телегу,— думаю,— мы должны подталкивать, господа хорошие? Может, прикажете вам в ноги поклониться: приходите, мол, «освободите» нас? От новых домов освободите, от хлеба, от жизни зажиточной, помещиков верните, очень мы по ним соскучились! Пусть снова возьмут нас к себе в батраки, снова дерут три шкуры...» В общем ответил я им по радио как следует. Не знаю, как «Свободная Европа», а сын мой, офицер Народной армии, ответом остался доволен...

На другой день мы снова были в Аткаре. В правлении кооператива имени Мичурина опять шло совещание, не такое, правда, многочисленное, как вчера. Человек десять сгрудились вокруг стола; на нем были разложены топографические планы, листы бумаги, испещренные длинными колонками цифр. Совсем еще молодой человек держал в руках логарифмическую линейку. Мы оказались свидетелями исторического события: составлялся проект первого трехлетнего хозяйственного плана кооператива. За столом сидели бригадиры, агроном, председатель и два студента-практиканта из будапештской школы овощеводства, присланные в кооператив. Назывались цифры поголовья скота, продуктивности, планируемые средние цифры урожайности, кто-то спрашивал о строительстве Дома культуры, кто-то предлагал увеличить средства на свадьбы...

Герге Вираг рассказывает.

...Снег весело искрится на улице под солнечными лучами. Словно снег, белые стоят вдоль улицы аккуратные широкооконные домики под черепичной крышей — это новые, построенные в кооперативе в прошлом году. Мы на удачу вошли в один из них. Объектив фотоаппарата сработал в тот самый момент, когда, открыв дверь, мы обнаружили, что попали в семью уже знакомого нам по вчерашнему собранию Яноша Урача.

Янош Урач и его жена Яноше Урач были в числе девяти семей

Совещание продолжалось на улице...

Семейство Урачей.

аткаровцев, основателей кооператива. До этого у них было небольшое хозяйство в пять хольдов, которые они получили после освобождения. А до освобождения... Об этом лучше не вспоминать — батрачили. Прошло три года. И вот у Урачей новый, уютный дом. В комнате старшей дочери, Эржибет, которая осенью выходит замуж, стоит хорошая мебель, в шкафу полно платьев — приданое. Недавно купили радиоприемник, и вчера, когда подвели к дому электричество, его впервые включили.

Разговор заходит о председателе Герге Вираге.

— Вы знаете, в чем сила у него, у нашего «Мичурина»? До науки охоч. Ведь и раньше Герге неплохо хозяйствовал, до кооператива, крепким середняком был. А тут понял, что на старом далеко не уедешь. В кооперативе работать по-старому — это все равно, что в мой радиоприемник керосиновые лампы поставить! Обложился наш Герге книгами. И нас заставляет. Ведь его «Мичуриным» зовут не только по имени кооператива, но и за науку эту...

Тут недалеко от Эгера, — продолжал Урач, — в селе Кереченде, есть два кооператива. И земля у них хорошая и люди вроде неплохие, а дела не клеились. Куда уж там доходы — концы с концами свести не могли. В общем послали они заявление в министерство: просим, мол, считать наши кооперативы распущенными, не идет дело. И тут надоумил их кто-то к нам приехать, посмотреть. Прибыли на двух автобусах. Весь день ходили, смотрели, в каждую щель заглядывали, расспрашивали. А на другой день в министерство телеграмму послали: «Считайте наши заявления аннулированными!».

Урач смеется:

— Ничего, говорят, теперь у них дела пошли, налаживаются...

Мы вышли от Урача, когда уже смеркалось, но в правлении совещание еще не окончилось. Вернее, формально окончилось, но группа крестьян и два студента еще стояли у крыльца и о чем-то горячо спорили. «Мичурин» был, конечно, здесь же.

☆ ☆ ☆

В день отъезда из Венгрии мы беседовали с нашими будапештскими друзьями. Кто-то сказал:

— Сегодня в газете есть сообщение: председателю кооператива имени Мичурина присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— Вирагу! — воскликнули мы в один голос.

Наши собеседники засмеялись:

— Нет, не Вирагу. У нас много хороших кооперативов и есть несколько, которые носят имя Мичурина.

Илонка Хадрик и Михайне Сабо.

К югу от Асода

Возле небольшого городка Асода мы свернули на юг и через несколько километров очутились в селе с трудным названием — Галгахэвиз.

Это село славится на всю Венгрию своим коллективом художественной самодеятельности. Душа коллектива, его художественный руководитель, главный режиссер, дирижер, балетмейстер — Альбин Эдеш, сельский учитель, проработавший в местной школе около четверти века.

В одноэтажном здании с табличкой над входом: «Школа»—первой попалась нам навстречу девочка с короткими русыми косичками, расположенными, вопреки закону земного тяготения, параллельно линии горизонта. На наш вопрос об Эдеше она выпалила одним духом:

— Эдеш дома, занятия уже кончились, завтра он уедет в Будапешт сдавать экзамены в институте, потому что он тоже учится, хоть и взрослый, я вас провожу, он мой папа!

После этого она деловито залезла в наш автомобиль и уж до самого дома молчала, восхищенно взирая на бесчисленное множество блестящих рычажков, кнопок, стрелок и цифр.

Альбин Эдеш оказался невысоким худощавым человеком с длинными, зачесанными назад, уже начинающими редеть волосами и внимательными, немного усталыми глазами. Он с большой охотой рассказал нам о том, как создался ансамбль в селе Галгахэвиз. Рассказывая, Эдеш ни разу не произнес слова «я».

В 1950 году в стране был объявлен первый всевенгерский смотр художественных самодеятельных коллективов. «Почему бы и нам не испробовать силы?» — решили галгахэвизцы, которые издавна славились песнями и танцами. В столицу послали шестнадцать лучших танцоров, танцовщиц, певцов. С «артистами» поехала чуть ли не вся деревня, и уж, по крайней мере, все близкие и дальние родственники, что вызвало панику среди работников гостиницы, где надо было разместить ансамбль. Выступления галгахэвизцев прошли с большим успехом, но, пожалуй, самое большое одобрение зрителей вызвал концерт, который они дали прямо на улице, когда узнали, что их группа заняла одно из первых мест.

— Не совсем мелодичный аккомпанемент автомобилей и трамваев, — рассказывал нам Эдеш, — не мог заглушить нашей радости.

Успех окрылил галгахэвизцев. В ансамбль сразу пошло чуть ли не все село. Нашлись и свои поэты, композиторы, балетмейстеры. Старая тетушка Жирош — она знает множество песен, народных мелодий, обрядов — даже привязала тетрадку к своей кровати, чтобы и ночью можно было записать вдруг всплывшие в памяти слова. К Эдешу односельчане прибегали иногда до рассвета: есть песня, вспомнили танец!

Однажды от Будапештского дома народного творчества пришел подарок — десять билетов на выступление советского танцевального ансамбля под руководством Игоря Моисеева. Для Эдеша до сих пор остается загадкой, как ухитрились на эти десять билетов посмотреть концерт чуть ли не все члены сельского ансамбля, а ведь к тому времени, даже «по официальным данным», их было больше пятидесяти.

Разговорам о концерте советского ансамбля не было конца; галгахэвизцы решили, что пора начать серьезную работу: поставить спектакль «Свадьба». Для этого надо было из яркого народного празднества, которое длится обычно дня два, выбрать самое характерное и вместить это в сорокапятиминутное представление. Трудно было «актерам», нелегко пришлось «режиссерам», но общими усилиями справились.

Эдеш пригласил нас на репетицию. В одной из комнат сельсовета — клуб еще не достроен — собралось изрядное количество народа. «Артистов» было несколько меньше, чем «сочувствующих». В селе кто-то успел уже рассказать о приезде журналистов, — должно быть, дело тут не обошлось без девочки с горизонтальными косичками. Вначале собравшимся пришлось пережить несколько тягостных минут: дважды перегорали пробки, не выдерживавшие нагрузки наших осветительных агрегатов. Наконец неполадки были устранены, и фотоаппарат запечатлел тот момент, когда активная участница ансамбля Михайне Сабо оправляла платок на одной из лучших певиц, Илонке Хадрик, приговаривая:

— Ведь весь Советский Союз смотреть на тебя будет!

Участники ансамбля и зрители с большим вниманием выслушивали замечания и советы хлопотуньи Михайне Сабо. Тетя Мари, как мы узнали потом, была в числе основателей сельскохозяйственного кооператива в Галгахэвизе, а теперь — секретарь его партийной организации и ко всему чудесная кооперативная повариха.

...Через несколько дней мы были в деревне Тура, куда пригласили нас на свой концерт галгахэвизские «артисты». Без малого вся деревня, блестяще опровергнув расчеты инженеров о вместимости зданий, находилась в Доме культуры. Ребята облепили окна, завладели замочными скважинами, даже забрались на крышу. А на сцене в это время бурный чардаш сменялся веселой песней, за песней следовал коротенький спектакль, и снова танцы, песни... Четыре пожилые женщины из Галгахэвиза, среди которых была и тетя Мари, с самыми серьезными лицами пели такие задиристые частушки, что зрители покатывались со смеху.

В клубе присутствовали иностранные гости — члены английской делегации деятелей культуры, — они только что прибыли в Венгрию. Переводчик не успевал переводить, но, зараженные весельем зала, гости смеялись и аплодировали от души.

После концерта мы разговорились с одним из членов английской делегации, драматургом и фольклористом Ивэном Макколлом.

— Я впервые приехал в венгерское село, — сказал он. — Мы ходили по крестьянским домам, в которых чердаки полны продуктов, а подвалы — вина. Мы посетили церковь, где молились верующие. Мы беседовали со многими крестьянами. И вот вечером пришли в сельский клуб. Я бывал во многих странах Западной Европы. Но могу вас уверить, что ни там, ни у меня на родине я не видел и не встречал ничего подобного. Только народ, который по-настоящему доволен своим трудом, своей жизнью, может так искренне, так самозабвенно веселиться, так любить свое народное искусство. Мы повезем отсюда записи песен. Они лучше всяких слов расскажут в Англии о том, как живут венгры...

Поздно вечером мы выезжали из Тура. Мороз отпустил. В густом черном небе весело перемигивались звезды. Машина шла к Будапешту. Нам предстояло переночевать там, чтобы рано утром снова отправиться в путь по одной из дорог, лучами расходящихся от столицы во все концы Венгрии.

Ивэн Макколл беседует с участниками художественной самодеятельности.

Белорусская народная песня

Немногим более года назад в Минске был создан Белорусский государственный народный хор. В новый коллектив отбирались лучшие народные певцы и танцоры республики, преимущественно молодые колхозники и колхозницы. Художественный руководитель хора Г. Цитович, знаток белорусского народного творчества, много лет руководивший самодеятельными коллективами, за небольшой срок сумел из начинающих певцов и танцоров сформировать интересный профессиональный коллектив, недавно побывавший в Москве. Хор выступил в зале имени П. И. Чайковского, а потом принял участие в концертах песен на пленуме Союза советских композиторов.

В программе концертов исполнялась среди других шуточно-лирическая песня «Хацела маці мине замуж аддаць», имевшая большой успех.

М. ВИКТОРОВ

Хотела меня мать замуж отдать...

Ой, хотела меня мать
Да за первого отдать.
А тот первый, первый, да неверный,—
Не отдавай меня, мать.

Ой, хотела меня мать
За второго да отдать.
А тот лугом ходит по подругам,—
Не отдавай меня, мать.

Ой, хотела меня мать
Да за третьего отдать.
А тот третий, словно в поле ветер,—
Не отдавай меня, мать.

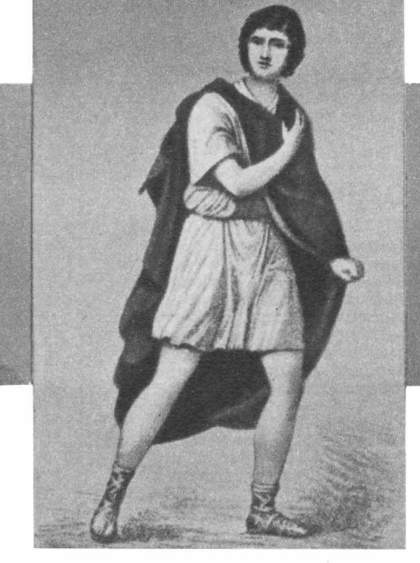
Ой, хотела меня мать
За четвертого отдать.
А четвертый ни живой, ни мертвый, —
Не отдавай меня, мать.

Ой, хотела меня мать
Да за пятого отдать.
А тот пятый — пьяница проклятый,—
Не отдавай меня, мать.

Ой, хотела меня мать
За шестого да отдать.
А он просто малый недоросток,—
Не отдавай меня, мать.

Ой, хотела меня мать
За седьмого да отдать.
Он пригожий и веселый тоже,
Да замуж он не хочет брать.

Перевод А. СОФРОНОВА.

Тальма в роли Прокула. «Брут» Вольтера.

LA COMÉDIE-FRANÇAISE

К гастролям театра Французской Комедии в Москве

Г. БОЯДЖИЕВ

Весной 1954 года произойдут два значительных события в художественной жизни Москвы и Парижа: на гастроли в Советский Союз прибудет старейший театр французского народа «Комеди франсез», а во Францию поедет группа мастеров балета Государственного академического Большого театра и Ленинградского академического театра имени С. М. Кирова.

Выступления советских артистов в Париже и французских в Москве и Ленинграде — убедительное свидетельство крепнущих культурных связей СССР и Франции.

Духовный облик народа ярко запечатлевается в его искусстве, и, познавая друг друга, народы находят в национальном творчестве не только то, что их отличает, но и то, что их роднит. Наши артисты покажут в Париже сцены из таких известных спектаклей, как «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Лауренсия» А. Крейна, «Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева и «Медный всадник» Р. Глиэра.

Мольер в роли слуги Сганареля.

Москвичи увидят на сцене «Комеди франсез» бессмертные комедии Мольера «Тартюф», «Мещанин во дворянстве» и великую трагедию Корнеля «Сид».

Мольеровский «Тартюф» с огромной силой передает ненависть французского народа к религиозному ханжеству и политическому лицемерию. О «Тартюфе» и его авторе прекрасно сказал В. Г. Белинский: «Человек, который мог страшно поразить перед лицом лицемерного общества ядовитую гидру ханжества,— великий человек! Творец «Тартюфа» не может быть забыт!» Да, творец «Тартюфа» нами не забыт: достаточно сказать, что на сцене советского театра эта комедия была поставлена более 50 раз и среди этих спектаклей был такой выдающийся, как «Тартюф», осуществленный К. С. Станиславским в МХАТе.

Элиза Рашель в роли Роксаны. «Баязет» Расина.

Вторая мольеровская комедия, которую покажут наши гости, — «Мещанин во дворянстве». В ней Мольер с замечательным остроумием и меткостью показал, как народ презирает приспособленчество и льстивое угодничество перед сильными мира сего. Над незадачливым господином Журденом мы смеемся вместе с умной, ловкой и веселой служанкой Николь, истинной дочерью французского народа.

Адриенна Лекуврер в роли Корнелии. «Смерть Помпея» Корнеля.

Великую трагедию Корнеля «Сид» наш зритель увидит впервые. За рыцарским сюжетом старинной трагедии встает тот высокий идеал долга и чести, который может жить только в душе народа.

Вот репертуар гастролей «Комеди франсез» — театра высокой комедии и героической трагедии. По этим двум линиям и шло его развитие с самого возникновения.

Перелистаем страницы истории этого театра.

«Дом Мольера» — так часто называют «Комеди франсез». И хотя Мольер умер за 7 лет до организации театра, тем не менее такое название вполне заслуженно.

«Комеди франсез», созданная указом короля Людовика XIV в 1680 году, не удержалась бы в веках, если бы Мольер — великий драматург и актер — не заложил реалистические основы французского национального театра.

«Комеди франсез», организованная в результате слияния трех парижских театров: «Бургундского отеля» и ранее объединенных Мольеровского и театра Марэ,— стала великим национальным театром потому, что мольеровские комедии заняли прочное место в ее репертуаре, а для верных учеников и последователей Мольера идейные и художественные заветы учителя стали основой их творчества.

Мольеровские традиции определили собой реалистическую манеру исполнения комедийных спектаклей: ясность идейной трактовки роли, остроту сатирического подхода, точность и глубину психологических характеристик. Но принципиальный смысл реформы Мольера был так глубок, что она сказалась и на коренных изменениях стиля игры трагедий.

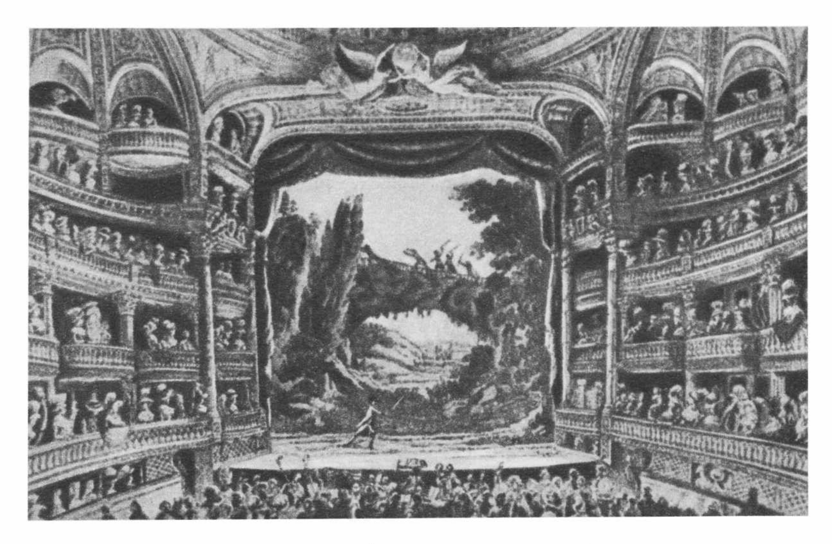
Самыми деятельными проводниками идей Мольера были его верные ученики и соратники — Лагранж и Мишель Барон, впоследствии великий трагический актер. Следуя заветам Мольера, Барон начал энергичную борьбу против искусственности и жеманства в актерской игре. Встретив ожесточенное сопротивление со стороны консервативной части труппы, Барон нашел себе союзницу в лице юной Адриенны Лекуврер, замечательной трагедийной и лирической актрисы. Вольтер, высоко ценивший искусство Лекуврер, говорил о глубокой искренности ее исполнения.

Если влияние мольеровских принципов плодотворно сказывалось даже на сценическом воплощении трагических образов, то комический репертуар театра и комедийная исполнительская манера определялись ими целиком. В театре, наряду с трагическими актерами Мари Шанмеле и Розимоном, работала почти вся плеяда мольеровских учеников. С успехом шли здесь комедии Мольера и его последователей Реньяра, Данкура, трагедии Корнеля и Расина, лирико-комедийные пьесы Мариво. Большой любовью зрителей пользовалась комедия Лесажа «Тюркаре» (1709), в которой давалась острая сатира на откупщиков и представителей аристократии. Против пьесы и ее автора ополчились парижские банкиры. Но спектакль был поставлен и имел огромный успех.

Особенно заметную роль в общественной жизни страны «Комеди франсез» заняла в середине XVIII века, когда передовые умы Франции во главе с Вольтером и Дидро видели в театре важнейшее средство воспитания масс.

В течение всего столетия со сцены раздавались вольнолюбивые, тираноборческие и антипапистские тирады Вольтера, придававшие трагедийному искусству «Комеди франсез» яркий гражданский характер.

Трагедии Вольтера породили целую плеяду замечательных актеров, среди которых особо выдающееся место занимали актрисы Дюмениль и Клерон и великий

Зрительный зал театра «Комеди франсез». Старинная гравюра.

трагический актер XVIII века Лекен. Лекен с благородной простотой изображал сильные, возвышенные натуры героев, воодушевленных общественной идеей. Вместе с Лекеном выступали Мари Дюмениль, захватывающая зрителей силой и искренностью переживаний, и Клерон, поражающая тонким искусством глубокого психологического раскрытия и индивидуализации образов. Примечательно, что новаторство в творчестве этих актеров было неразрывно связано с их передовыми убеждениями и твердостью этических взглядов. Характерен в этом отношении случай с Клерон, вступившей в борьбу с администрацией театра, чтобы отстоять гражданские права актеров. Эта борьба привела ее к острому столкновению с актером Дюбуа, пользовавшимся покровительством двора. Клерон решила не выступать с Дюбуа на сцене и убедила следовать своему примеру Лекена и Моле. За это все трое были заключены в тюрьму. Выпущенная из заключения, прославленная актриса «Комеди франсез» заявила, что покинет сцену, если актерам не будут даны гражданские права. Получив отказ, Клерон в полном расцвете творческих сил ушла из театра.

Приближалась революция. Просветительские идеи стали приобретать открытое политическое революционное звучание. Особенно явственно это сказалось на премьере «Женитьбы Фигаро» Бомарше, данной на сцене «Комеди франсез» 27 апреля 1784 года. Спектакль превратился в открытую демонстрацию. Каждое острое слово плебея Фигаро, направленное в адрес знати, встречалось бурными аплодисментами и одобрительными возгласами. Героем дня стал актер Дазанкур, пленивший всех образом Фигаро, бесстрашного защитника интересов и достоинства простых людей.

Так театр вместе с просветителями помогал «третьему сословию» готовиться к революции 1789 года. В годы революции особенно остро обнаружились противоречия, всегда раздиравшие «Комеди франсез». Лучшая часть труппы во главе с великим Тальма стала на сторону народа, вступив в решительную борьбу с консервативно настроенными актерами. Окончательный раскол труппы произошел в связи с постановкой трагедии М. Шенье «Карл IX», где Тальма изобразил короля-тирана в резко обличительных тонах. Актеры-консерваторы саботировали спектакль. Тогда Тальма и его единомышленники покинули театр. И только в 1799 году Тальма вновь вернулся в «Комеди франсез».

В творчестве Тальма революционной поры гражданские тенденции были доведены до подлинно героического звучания. Тальма продолжает традиции Лекена, придавая стилю актерской игры черты реализма и демократические черты. Работая в «Комеди франсез» до конца своих дней, Тальма создает на сцене монументальные трагические образы, тем самым завоевывая мировую славу своему театру.

Впервые широкие слои русской публики знакомятся с искусством «Комеди франсез» в 1808—1812 годах, когда на гастроли в Россию приезжает прославленная актриса парижского театра м-ль Жорж. Ее поэтически возвышенная манера исполнения вызвала оживленную театральную полемику. Отмечались как сильные, так и слабые стороны искусства актрисы. Жар дискуссий показывал неизменно живой интерес русской публики к искусству представительницы французского театра.

Более дружный прием в России встретила знаменитая трагическая актриса Элиза Рашель. Гастроли Рашели в России в сезон 1853—1854 годов (ровно 100 лет тому назад) дали возможность узнать и по заслугам оценить самые лучшие стороны в искусстве «Комеди франсез». Выступления Рашели в ролях Федры («Федра» Расина), Гермионы («Андромаха» Расина), Камиллы («Гораций» Корнеля) поражали благородством, страстностью, силой переживаний. Сохраняя национальные традиции, требовавшие соблюдения ряда условностей, Рашель психологически правдиво раскрывала высокие душевные порывы. И если со сценическими условностями ее игры не мог согласиться один из самых искренних ценителей искусства Рашели, М. С. Щепкин, то творчество актрисы в целом глубоко пленило его. Щепкин писал о Рашели: «Я много уважаю ее, чтоб не сказать: люблю».

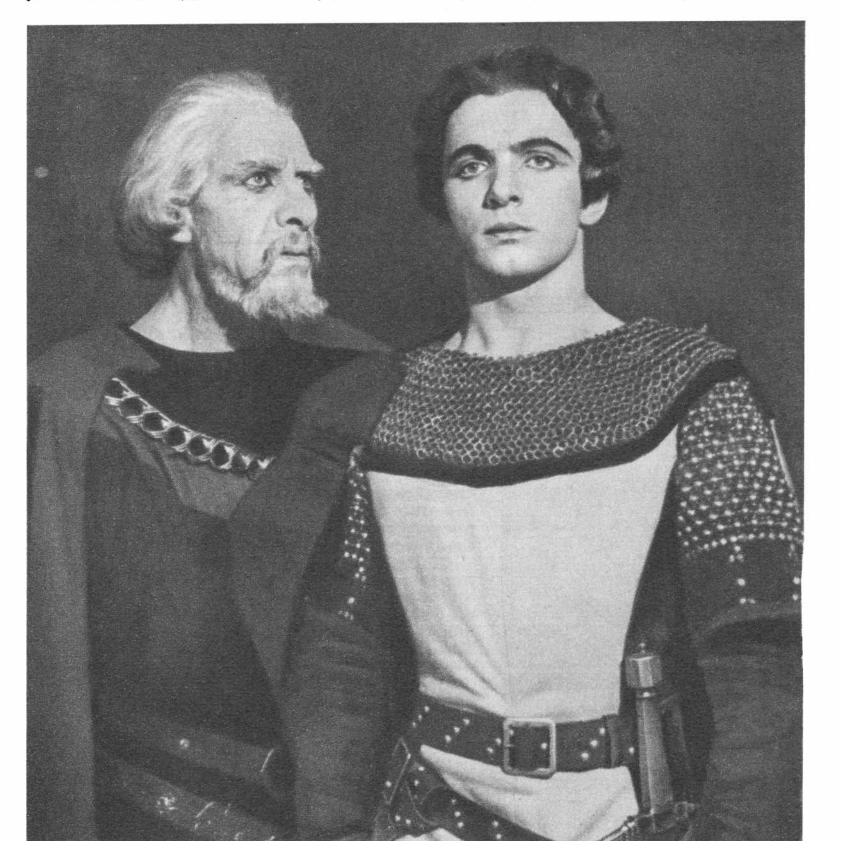
Высшее достижение комедийного искусства парижского театра русская публика имела возможность тепло приветствовать во время гастролей в Петербурге, Москве и Одессе Коклена-старшего, который унаследовал народное и оптимистическое начало мольеровских традиций. Он был неподражаемым исполнителем ролей слуг в комедиях Мольера, Реньяра, Лесажа и Бомарше. Шедевром Коклена был созданный им образ Сирано де Бержерака в одноименной комедии Э. Ростана. Виртуозно владея сценической речью, Коклен был преисполнен стремительной энергии.

С искусством трагических актеров «Комеди франсез» на рубеже XIX—XX веков в России познакомились во время приездов Мунэ-Сюлли и Сарры Бернар.

Хорошо зная лучших мастеров «Комеди франсез», русские зрители не имели все же возможности судить об искусстве этого театра в целом: труппа театра в Россию никогда не приезжала.

Тем отрадней нам сейчас приветствовать актеров «Комеди франсез» в Москве. Можно не сомневаться в том, что гастроли первого театра Франции, подлинного хранителя лучших традиций ее национального драматического искусства, будут способствовать еще большему укреплению дружеских связей между нашими великими народами.

Сцена из современной постановки комедии «Мещанин во дворянстве».

Сцена из спектакля «Сид». Артисты Жан Ионель и Андрэ Фалькон.

Публикуется впервые.

Антон Семенович Макаренко.

К 15-летию со дня смерти.

Путешествие Хамфри Клинкера

Недавно Гослитиздат выпустил в новом переводе А. В. Кривцовой роман Т. Смоллета «Путешествие Хамфри Клинкера». Впервые этот роман появился на русском языке в 1789 году, спустя восемнадцать лет после его создания.

Т. Смоллет — один из «отцов английского романа» (В. Скотт) — дает в своих произведениях выход «благородному негодованию, каковое должно вызвать у читателя возмущение презренными и порочными нравами общества». Писатель рисует сатирические портреты представителей буржуазно-дворянского общества своего времени. Своекорыстие, ханжество и лицемерие английского буржуа, фальшь, демагогия и мздоимство политиков, страдания простых людей — все это нашло отражение в его книгах.

Смоллет более убедительно, чем его предшественники, показывает влияние буржуазного общества на формирование характера человека. Тема «утраченных иллюзий», воплощенная впоследствии Бальзаком, а в Англии Диккенсом и Теккереем, зарождается уже у Смоллета.

Обращению к чувствам и переживаниям героев в английской литературе XVIII века обычно сопутствовала форма романа в письмах. Так написано и «Путешествие Хамфри Клинкера».

По письмам героев читатель следит за приключениями семейства Брамбл. Старый ворчун и добряк Мэтью Брамбл, за много лет впервые выбравшийся из своего поместья, чтобы полечиться от ревматизма, его сестра Табита, сопровождающая брата с тайной надеждой найти себе мужа на одном из модных курортов, двое молодых людей — племянник и племянница старого джентльмена, впервые знакомящиеся со своей страной, — по-разному они реагируют на события, разные явления привлекают их внимание. Роман строится как чередование эпизодов, порою смешных, порою трогательных. Но эта кажущаяся фрагментарность подчинена намерению автора широко показать Англию XVIII века — Англию бедняков и светских бездельников, фешенебельных курортов и тюрем, высоты просветительской мысли и подлого буржуазного своекорыстия.

Своей эпистолярной формой роман обязан еще и тому, что в нем воплотилось огромное количество проблем, занимавших английских просветителей. Но как живо, увлекательно, с каким глубоким чувством юмора автор вводит читателя в круг этих идей! Роман чужд педантизма и скуки, потому что не досужие умствования, а живой отклик на современность породили его. В рассуждениях Мелфорда о жизни, в спорах Брамбла со старым лейтенантом Лисмахаго читатель чувствует отражение жизни, которая встает пред его глазами со страниц книги. Настоящая жизнь и в истории Хамфри Клинкера, честного труженика, обреченного на голодную смерть потому, что он «виновен в бедности», и в злоключениях молодого Уилсона, не приемлемого для «приличного общества», потому что он избрал «позорное» ремесло актера.

Острота взгляда автора, художественное мастерство, доподлинная жизненность делают «Путешествие Хамфри Клинкера» нестареющей книгой.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

Непобедимая сила

Читая книгу Эдуарда Клаудиуса «О тех, кто с нами», вспоминаешь горьковские слова: «...Маленький человек, когда он хочет работать,— непобедимая сила! И поверьте: в конце концов этот маленький человек сделает все, чего хочет».

Любопытна история романа. Рабочий Ганс Гарбе, один из многих в Германской Демократической Республике, прославился на всю страну своей новаторской инициативой. Клаудиус написал рассказ «О трудном начале», где правдиво воспроизвел факт из жизни Ганса Гарбе. Из рассказа, как из зерна, вырос роман.

Герой книги Ганс Эре, став гражданином свободной Германской Демократической Республики, выказал все свои способности. Он во многом рационализировал производственный процесс. Труд для него — творчество на благо народа. Эре предлагает отремонтировать действующую печь и притом в невиданно короткий срок. Его бригада выполняет свое обязательство. В романе впечатляюще изображен пафос созидания, которым воодушевлены простые люди, когда они хозяева своего завода, своей страны. Секретарь заводской парторганизации Венде говорит на собрании о том, что Эре и его товарищи воплощают в себе могучую силу народа-творца, создающего новую жизнь. «Во всех нас есть эта сила, надо только ее осознать...» — добавляет Венде.

В романе Клаудиуса воссоздана картина социально-политической борьбы, которая не прекращается в стране, насильственно разорванной на две части. Ганс Эре осуществляет свои новаторские планы вопреки саботажу, вопреки проискам врагов, преступную деятельность которых финансируют и направляют западногерманские правители и американские империалисты. Он учится распознавать врагов, быть бдительным. Все шире и шире становится кругозор Эре; он избавляется от предрассудков, которые, например, мешали ему видеть в жене равноправного товарища по труду. Художнику удалось обрисовать цельный характер, будто бы сложившийся раз и навсегда, крепко-накрепко, и все-таки меняющийся под благотворным воздействием новой жизни.

Выразительно, хотя и немногими штрихами, очерчен в романе сатирический образ прежнего секретаря заводской парторганизации Бока — горе-руководителя, верхогляда, бюрократа, оторвавшегося от масс. Жаль, что многие другие персонажи — новый секретарь Венде, директор Карлин, рабочие Бакханс, Кербель, Рейхельт — изображены недостаточно живо: им не хватает углубленных индивидуальных характеристик. И все же книга Клаудиуса является несомненным и большим достижением современной немецкой литературы: это книга о человеке — строителе новой жизни.

Эдуард Клаудиус вступил в коммунистическую партию в 1932 году. Он был подпольщиком-антифашистом в Руре, бойцом Интернациональной бригады в Испании, участником партизанского движения в Италии. В романах Клаудиуса «Соль земли», «Зеленые оливы и голые горы» отображены этапы той героической борьбы за свободу, которую неустанно вели лучшие из лучших представителей немецкого рабочего класса. Роман «О тех, кто с нами» посвящен настоящему и будущему трудового народа Германии.

Л. СИМОНЯН

Эдуард Клаудиус. О тех, кто с нами. Роман. Издательство иностранной литературы. М. 1953. 294 стр.

Радость

Хироси НУЯМА

Иду один,
ветер в лицо...
Горы, покрытые снегом,
Окружили тесным кольцом,
Подняв от холода в небо
Белые воротники пальто.
А рядом — горный поток
Грохочет, живой и могучий...
Сыплют снег проходящие тучи,
Я ловлю его пересохшим ртом.
Впереди развернулась лента реки,
Темнеет на белом покрове.
Спешу:
ведь дни сейчас коротки.
Вброд иду через реку, вода кипит
С моими коленями вровень.
Да, ноги уже не те — устали,
И тяжесть в груди все больше заметна;
С трудом бреду против ветра:
Дает себя знать проклятая старость!
Но в сердце — радость,
большая, светлая.
...Снежный вихрь немного затих.
И вот уж вдали Тодзама,
К небу направив косые дымки,
В складке горы показалась.
В эту деревню лежит мой путь,
Там коммуниста
выбрали старостой!
Я хотел бы весь воздух вдохнуть
И громко запеть от радости!
Я иду туда поздравить товарищей,
Сказать им спасибо от нашей партии,
Сказать, что все больше в Японии знающих,
Какую дорогу избрать им.
...Тает снег на стеклах моих очков...
Сердце бьется неровно,
летами измученное.
Я устал.
Но на сердце светло и легко,
Как за этими серыми быстрыми тучами.

Перевели с японского Ю. Хазанов и Б. Раскин.

С. В. Ильин беседует со своими учениками.
Фото Б. Кузьмина.

Воспитатель сильных

В. СОЛОУХИН

Невеселые, серые облака висели совсем низко над землей, и было странно, что из таких серых, можно сказать, грязных облаков падает чистый белый снежок, покрывая тропинку, ведущую к школе.

Сергей Ильин, молодой учитель, только что получивший назначение на работу в деденевской школе, шел по тропинке уверенным, быстрым шагом. Во дворе школы, обнесенной невысокой загородкой, происходила свалка. Группа школьников человек в пятнадцать нападала на другую группу такой же численности. Предметом борьбы служила какая-то обыкновенная палка, которая, судя по крикам ребят, являлась знаменем.

Сергей Ильин подозвал к себе раскрасневшуюся девочку:

— Что здесь происходит, скажите, пожалуйста?

— Урок физкультуры происходит, разве не видите?

— А это какой, извините за невежество, вид спорта?

Девочка прыснула:

— А это вовсе не вид, у нас в школе никаких таких видов нет. Это мы в «охотников и уток» играем.

— Ну, это — дело серьезное. Простите, что оторвал.

И Сергей Ильин, пройдя сторонкой, поднялся на школьное крыльцо.

— ...Нет, нет, и не просите,— говорил директор школы Михаил Васильевич Чубаков. — Это невозможно, родители не согласятся. С какой стати они передадут лыжи своих детей школе?

— Не отдадут, а одолжат на время. Пока своих не купим. Время уходит, Михаил Васильевич, зима...

В конце концов директор решил поговорить с ребятами, и уже на следующий день в подвальном помещении школы, доселе пустовавшем, стояло шестьдесят пар лыж.

Не обошлось и без конфликта. Мать одного семиклассника пришла в школу да прямо в учительской и набросилась на Ильина: «За лыжи деньги плочены, и куплены-то лыжи для Коленьки, а не для целой округи...»

Долго пришлось уговаривать разгневанную мамашу, да так и не удалось уговорить. Лыжи ей отдали обратно. А через два дня мальчик принес лыжи снова. Что за разговор произошел у него с родителями, никто не знал.

Итак, лыжи были собраны, но ребят нужно заинтересовать. Как это сделать? Сразу учить их технике бега? Опасно, еще навсегда отобьешь охоту к спорту. Устраивать соревнования? И это бессмысленно без знаний элементарной лыжной техники. Начать катания с гор? Ну, допустим, все скатятся с горы и не упадут, а что же дальше? Пустое катание — та же игра в салочки...

Перед Ильиным стоял строй школьников. В одном скрывается талант лыжника-бегуна, в другом — слаломиста, третий будет хорошо плавать, четвертый — толкать ядро, пятый — прыгать в длину. Их здоровые, молодые мышцы еще не дисциплинированы, поэтому ребята и ходят вразвалочку, некоторые сутулятся, стараются прислониться к стене, к изгороди. Большая, благородная задача стоит перед учителем — он должен сделать всех этих ребят ловкими, сильными, выносливыми. Окрепнут не только их тела, но и характеры. Ведь занятия спортом меняют характер человека. В этом все дело. И уж кто-кто, а Сергей Ильин, участник Великой Отечественной войны, четырежды раненный в боях, знает, зачем нужно бегать быстро, прыгать далеко и плавать, не уставая...

И, оглядев строй учеников, учитель, вместо того, чтобы скомандовать привычное «Направо!», крикнул: «Класс, за мной!»— и устремился вперед...

В снежную ложбину, где должно было проводиться занятие, Ильин прибежал один.

— Так, бегать на лыжах вы не умеете, это ясно,— такими словами встретил Ильин своих учеников, когда они, потные, учащенно дышащие, наконец собрались вокруг него.— А кто умеет спускаться с горы? Все? Посмотрим.

Вот один из ребят в большой, с отцовской головы ушанке оттолкнулся палками и, как-то прочно присев, устремился вниз. За ним мчались остальные.

— Ладно, умеете. А теперь задача — проехать и не уронить эти палочки.— Сергей Васильевич поставил в двух местах на горе что-то вроде узких ворот.— Посмотрим, кто победит...

Ребята и не заметили, как пролетело время. На другой день по классам проводилась запись в спортивные секции. И особенно много учеников выразило желание заниматься лыжами. Увлечение было всеобщим, и пришел день, когда Сергея Васильевича вызвал для объяснения директор школы.

— Что-то дело у вас идет вразрез с интересами учебы,— без предисловий начал он.— Вы знаете, что Катя Чекулаева имеет двойку, Сумачева тоже. И вот вместо того, чтобы сидеть и учить уроки, они после занятий бегают на лыжах в вашей, как там ее, секции.

— Михаил Васильевич,— убеждал Ильин,— эти девочки — лучшие лыжницы. И я ручаюсь, что они скоро будут отличницами. Они догонят, я ручаюсь, что догонят. Но не отрывайте их от спорта. Полюбить спорт — это так важно.

И действительно, Сергею Ильину не понадобилось слишком много времени, чтобы доказать директору свою правоту. Спортсмены школы выдвинулись в ряды лучших учеников — дисциплинированных, работящих, а основным видом спорта в деденевской школе стали лыжи.

Уже следующей зимой Сергей Васильевич разрешил своим ученикам принять участие в районных лыжных соревнованиях. Этому предшествовали внутришкольные соревнования, где выявились сильнейшие. На каждого лыжника Ильин завел учетную карточку, в которой аккуратнейшим образом отмечал результаты всех тренировок. Сергей Васильевич любил перебирать эти карточки: скупые строчки говорили ему о спортивном росте учеников.

Как-то раз на школьных соревнованиях к нему обратился сошедший с дистанции ученик. Одну лыжу он нес в руках, она была сломана.

— Схожу с дистанции, Сергей Васильевич,— сказал ему молодой спортсмен.

— Ни в коем случае! — крикнул ему Ильин. — Берите у кого-нибудь лыжу и продолжайте борьбу.

— Так ведь далеко ушли, не догнать,— сказал неуверенно паренек.

— С дистанции не сходят. Вперед! — приказал ему учитель.

И вот день соревнований сельской молодежи Московской области...

...Яркие флаги и лозунги у старта, духовой оркестр, в сторонке разминающиеся перед стартом лыжники — все это, как всегда, создавало обстановку необычную, праздничную. Сергей Васильевич с удовольствием наблюдал знакомую картину. В стороне пробуют скольжение участники соревнований. За их как бы ленивыми движениями чувствуется собранность, готовность к борьбе. Каждый принарядился, как на праздник. У одного — цветастая шерстяная шапочка, у другого—новые лыжные брюки из белого невесомого и не пропускающего ветра материала, у третьего — ботинки такие, что в них не на лыжах, а на бал. И только ученики Сергея Васильевича приехали на эти первые соревнования кто в чем. На ногах у всех валенки. Лыжи, выражаясь по-спортивному, с мягкими креплениями, а попросту — с ремешками. «Ладно, встречают по одежке, провожают по результатам», — подумал Ильин.

— Девушки, участвующие в забеге на пять километров, на старт! — объявил диктор.

Этот забег особенно беспокоил Сергея Ильина. Неле Сумачевой, на которую Ильин возлагал надежды, предстояло встретиться с сильнейшей лыжницей области — Поповой.

— Смело вперед,—говорил Ильин ученице.

Неля с бледным лицом и плотно сжатыми губами только кивала головой.

И Сумачева сразу же вырвалась вперед, овладела лыжней и повела бег. Она думала о том, что сзади, «наступая ей на пятки», бежит сильнейшая лыжница области. От нее нужно оторваться.

Был прекрасный день, деревья на старте стояли все в инее, но перед глазами девушки только носки лыж и пушистая лыжня. Совсем близко бежит соперница. Неля представляет, как уверенно выбрасывает она вперед и опускает в снег свои легкие алюминиевые палки. А тут лыжи стали проскальзывать, отдавая назад. Неужели не уйти от Поповой? Наверное, не уйти. И в этот момент Неля услышала рядом спокойный голос учителя:

— Все хорошо. Молодец! На подъеме скользи. Все время скользи!

Еще чаще замелькали нелины палки. Спасибо Сергею Васильевичу, спасибо, во-время поддержал...

Близок финиш, а Неле Сумачевой кажется, что она почти не продвигается вперед. Где же Попова, наверное, рядом? Девушка оглянулась и даже рот от удивления открыла: за ней к финишу шла Аня Майорова, ее подруга и одноклассница. Попова пришла третьей...

Четыре дистанции разыгрывались на этих соревнованиях, и по всем четырем первые места заняли лыжники деденевской школы. Десять километров выиграл Юлий Веденеев, пятнадцать километров — Николай Никитин, на дистанции в три километра победила Катя Чекулаева.

С тех пор школа не отдавала уже первых мест в области.

Теперь никто в Деденеве — ни директор школы, ни ученики, ни их родители — не представляет себе жизни молодежи без спорта. Летом легкая атлетика, плаванье, городки, велосипед, футбол. Зимой лыжи, коньки. Более двухсот разрядников подготовил Сергей Васильевич Ильин за последние годы. Пять чемпионов сельской молодежи дала деденевская школа по различным видам спорта. А в 1953 году Анатолий Майоров занял первое место по слалому на всесоюзных соревнованиях сельской молодежи. Но за этими спортивными успехами воспитанников Сергея Васильевича Ильина скрывается еще один успех — рождение большой дружбы.

С девятиклассницей Ниной Минаевой случилась беда: она поскользнулась, упала и сломала ногу. Перелом был тяжелый — предстояло провести в постели чуть ли не всю зиму, пропадал учебный год. Сергей Васильевич собрал спортсменов — одноклассников Нины. Он хотел поговорить с ними о том, как ей помочь. Но, оказывается, ученики опередили учителя: они уже дежурили у больной, рассказывали ей, что было на уроках, передавали задания на дом. К весне Нина пришла в школу на экзамены и сдала их на пятерки.

А однажды ребята сами пришли к Сергею Васильевичу. Да не пришли, а прибежали, запыхавшись. Дело было как раз перед областными соревнованиями по легкой атлетике.

— Шуру Беспалову отец с матерью не пускают,— сообщили ребята.

— Куда не пускают?

— Да на соревнование.

— Не может быть.

— Может. Картошку нужно копать.

— Так. Как же быть? Что молчите? А ведь выход из положения есть.

— Где же выход, если не пускают?

— А вы помогите Шуре.

— Правда! — обрадовались ребята. — Как это мы сами не догадались?

На другой день к Беспаловым пришли спортсмены. За несколько часов картошка была убрана.

...Когда припоминаешь все события, происшедшие в деденевской школе за эти годы, события, связанные с приходом в школу учителя физического воспитания Сергея Васильевича Ильина, невольно приходят в голову такие мысли: как много доброго может сделать человек, если он глубоко любит свое дело; какое широкое и благородное поле деятельности у преподавателя физкультуры и сколько еще школ в стране, где к физическому воспитанию детей относятся формально и в лучшем случае заставляют их играть в «охотников и уток».

Близок тот час, когда Сергею Васильевичу придется прощаться со своими первыми учениками. Все чаще подумывает об этом учитель: окончат десять классов и до свидания, разъедутся в разные стороны. Но ничего, утешает он себя, ведь новые ученики подрастают. Если разобраться, так, может, и жалеть не стоит. Ведь так или иначе, а в стране станет еще больше сильных людей, и спорта они не бросят, всегда будут черпать в нем силы для творческого труда.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки В. Тихановича.

Поезд шел из Москвы на юг. В одном из купе расположились со всеми удобствами четверо мужчин так, как могут расположиться мужчины, когда им жарко и они не стеснены присутствием женщин. Они валялись на скомканных постелях, позевывали и покуривали.

Верхние места занимали сухощавый старик, с легкостью необыкновенной взбиравшийся на свою полку и так же легко соскакивающий с нее, и молодой человек в лыжном костюме, с таким свежим и привлекательным лицом, какие обычно рисуют на первомайских плакатах. Внизу помещались двое солидных пассажиров, по одному виду которых можно было безошибочно определить, что работают они не где-нибудь в тесной конторе, где столы стоят впритирку один к другому, а каждый в отдельном кабинете, куда без доклада входить не рекомендуется. Один был важный, упитанный, в очках. Другой — не менее важный и упитанный, но без очков, с головой круглой и лысой, как луна в полнолуние.

Все четверо сели в вагон поздно вечером и не успели еще познакомиться друг с другом, потому что сразу завалились спать.

— Однако уже одиннадцатый час, — сказал старик с верхней полки и заглянул вниз, как дятел в дупло.

В это время нижний пассажир, тихонько чертыхаясь, примерял новый свитер. Он просовывал в узкий ворот свою лысую круглую голову.

— Вы задом наперед надеваете, — сказал старик, — олени-то, небось, спереди должны быть.

— А они сзади?

— Сзади.

— А черт их дери, этих оленей! Бабские выдумки! — И он опять нырнул головой в свою шерстяную вязаную рубаху.

В дверь постучали, вошла молоденькая миловидная проводница.

— Разрешите у вас подмести?

— Пожалуйста, — приветливо ответил старик и совестливо добавил: — Намусорили мы вам тут ужасно.

— А для того и проводник, чтоб чистоту поддерживать,— солидно произнес нижний пассажир. Поперек его мощной груди по коричневому полю свитера скакали два оленя с заломленными на спину рогами. Он подобрал ноги, чтоб проводнице удобнее было мести.

— В общем — правильно,— сдержанно сказала проводница,— а все-таки окурки на пол бросать не годится, на то есть пепельница... Заметили, какой у нас порядок в поезде? Наша женская бригада второй год переходящее знамя держит. Вам когда чаю принести?..

Проводница еще не успела закрыть за собой дверь, как лысый пассажир с оленями на груди произнес нарочно громко, чтоб она слышала:

— Хорошенькая.

Проводница хлопнула дверью. Пассажир с оленями засмеялся и сказал:

— Видали, какая! — но, поймав неодобрительный взгляд старичка, добавил: — Нет, разумеется, женщины,— так сказать, большая сила, я этого не отрицаю, но в отдельных случаях, и вы со мной спорить не будете, от женщин преизрядное количество всяких, мягко выражаясь, неприятностей.

И он запел себе под нос, сильно фальшивя: «Милые женщины, как вы изменчивы и переменчивы, трам-пам-пам-тарарам...»

— Н-да, вы вот в каком смысле понимаете, — сухо сказал старик. — С вами даже спорить не хочется... Ну, а у меня с женщинами связаны лучшие страницы моей долгой жизни.

— В таком случае чего же терять даром золотое время! — воскликнул пассажир с оленями.— В порядке обмена опытом пусть каждый из нас расскажет какую-нибудь женскую историю. И посмотрим, у кого получится поучительнее.

— Под сухую ни рассказывать о таком предмете, ни слушать неинтересно, — заметил важный пассажир в очках и достал из чемодана бутылку коньяку. — Предлагаю по маленькой.

— Итак, предоставим слово старшему, — выпив рюмку и пососав ломтик лимона, объявил лысый пассажир, обращаясь к старику. — Поскольку женского элемента в купе нет, предлагаю живописать во всех подробностях.

— Если мне рассказывать с подробностями,— сказал старик,— то это будет трехтомный роман.

— Ого! — одобрительно воскликнули в один голос солидные пассажиры.

— Не знаю, как понимать ваше «ого», — сдержанно сказал старик. — Я постараюсь быть кратким. Первая часть моего романа — детство и отрочество — посвящается моей матери.

— Э, нет, вы не отвиливайте от темы! — засмеялся лысый и погрозил пальцем.

Старик строго поглядел на него сверху вниз со своей полки. Игривая улыбка вдруг сошла с лица лысого. Молодой человек положил в рот шоколадку и стал рассеянно глядеть в окно на улетающие пейзажи. Нижние пассажиры приналегли на коньяк.

— Я родился в селе неподалеку от Нерчинска, куда в 1889 году были сосланы мои родители, — начал старик. — Моя мать рано овдовела, она вырастила и воспитала меня. Это была чудесная русская женщина, о которой мне радостно вспоминать.

Он посмотрел на безмятежное лицо молодого человека, заглянул вниз на выпивающих спутников и, наверно, пожалел о том, что заговорил о матери. Он несколько повысил голос и сказал:

— Поскольку я вижу, что первая часть моего трехтомного романа вас не интересует, перейду ко второй. Любовь.

— Выпьем за любовь! — провозгласил лысый пассажир и поднял серебряную стопку.

Молодой человек мечтательно улыбнулся. Пассажир в очках ничего не выразил по этому поводу, выпил и закусил балыком.

Старик продолжал:

— В то время я уже жил в Москве, учился в педагогическом институте и встретил девушку.

— Хорошенькую? — живо спросил лысый.

— Да. Она была удивительно хороша. Огромные глаза, пышные светлые, как лен, волосы... У меня с собой ее фотография. Правда, на этой фотографии ей уже шестьдесят лет, но черты лица...

— Можете не показывать, — сказал лысый.— Верим на слово.

Старик вздохнул.

— Она была курсисткой. Мне никогда не забыть наши студен-